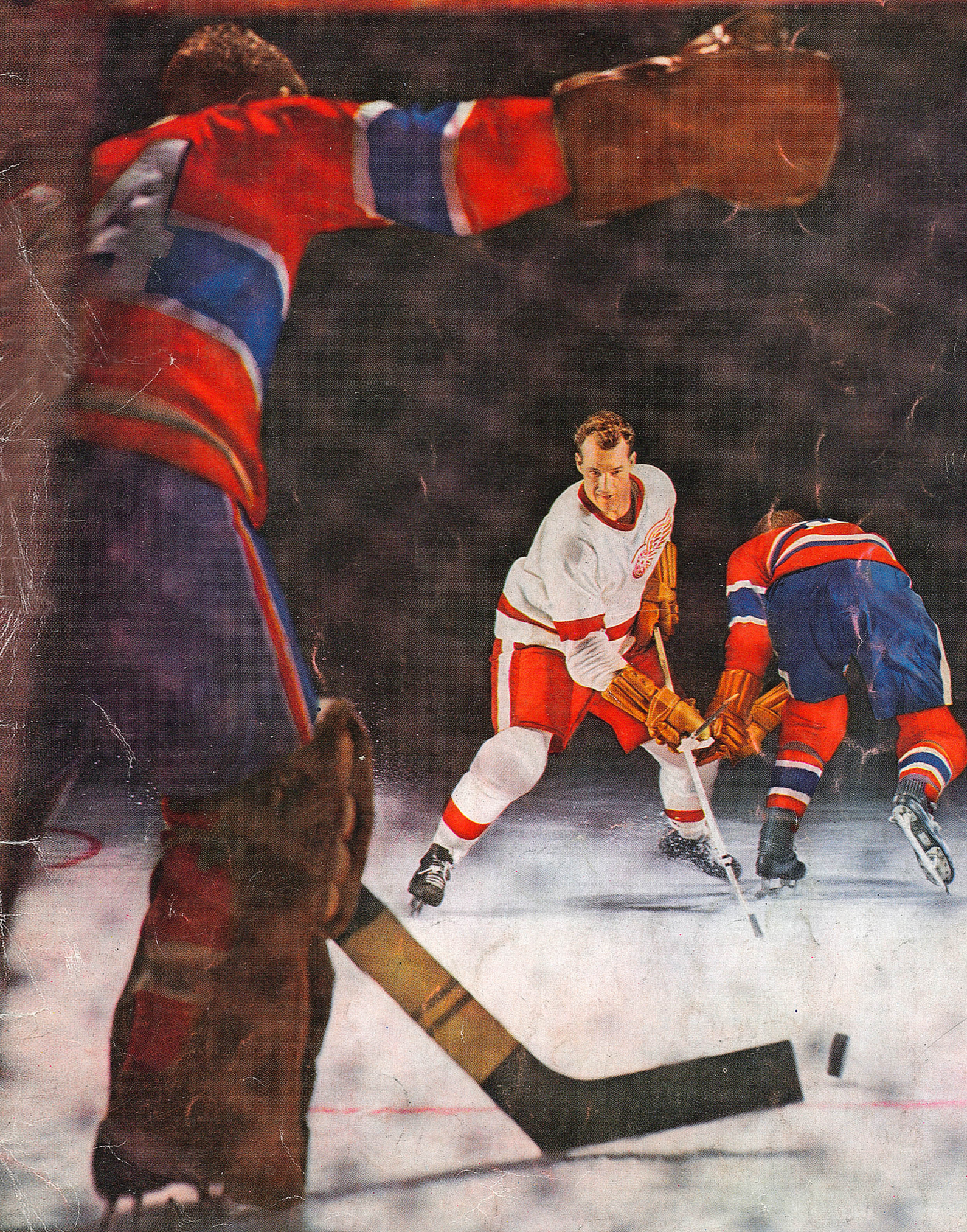
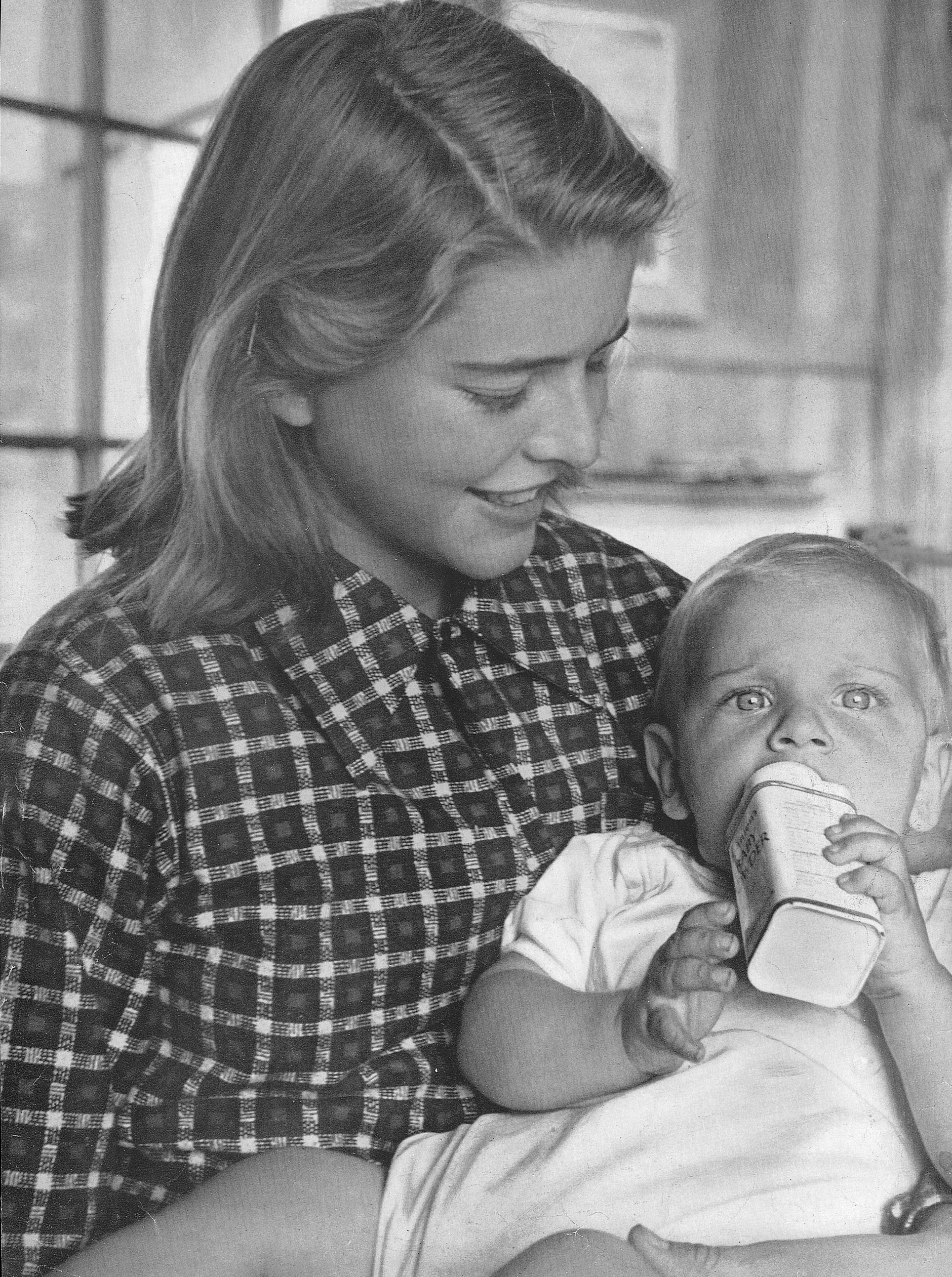

№ 14 / Цена 5 руб.

Америка

На первой странице обложки: Знаменитый хоккеист детройтской команды «Красные крылья» Гордон Хоу сильным ударом посылает шайбу в ворота противника (см. стр. 2). Обладатель целого ряда наград, он как бы олицетворяет собой молниеносные действия и головокружительный темп хоккея, этого чрезвычайно популярного в Соединенных Штатах зимнего спорта. Фото Франка Бомана.

На последней странице обложки: Скот укрыт, и люди занялись домашней работой. Спокойными и покинутыми кажутся сараи и надворные строения в холодном воздухе пенсильванского дня. Глубоким снегом замело все дороги, кроме широкой полосы, прорезанной на шоссе неутомимым снегоочистителем (см. стр. 5). Фото Г. Армстронга Робертса.

На второй странице обложки: Тринадцатилетняя Джанни Вандервельде с любовью смотрит на Генри, самого младшего из шести детей, которые подчинены ей как старшей сестре. Заботы и радости повседневной жизни учат Джанни понимать, что подразумевает мать под словами «счастливая семья» (см. стр. 27). Фото Лу Джекобса (журнал «ЛУК»).

БОРЬБА НА ЛЬДУ	2	С разрешения журнала «ЛУК»
ПЕНСИЛЬВАНИЯ	5	С разрешения журнала «ГОЛИДЭЙ»
ЖДЕНИЕ РЫБОЛОВА	10	Фото Кости Руономаа
ЦЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	12	Шесть интервью
СКЛАДНОЙ СКЛАД	15	Джуди Катлин
КНИГИ, ГОВОРЯЩИЕ СЛЕПЫМ	16	С разрешения журнала «АТЛАНТИК МОНТЛИ»
БЕНЗИН ИЗ КАМНЯ	17	С разрешения журнала «ПОПУЛАР САЙЕНС»
ОПЕРЫ МОЦАРТА	18	С разрешения журнала «ЛАЙФ»
ХИМИЯ ЧЕЛОВЕКА	24	С разрешения журнала «САТЕРДЭЙ РЕВЬЮ»
СТАРШАЯ СЕСТРА	27	С разрешения журнала «ЛУК»
ТЕАТР ЧЕТВЕРТОЙ УЛИЦЫ	32	Фил Камерон
ВЫСТАВКА ЛОДОК	36	Фото Ролли Маккенна
ЛЕД СПАСАЕТ УРОЖАЙ ОТ МОРОЗА	40	С разрешения журнала «ФАРМ КУОРТЕРЛИ»
ТУФЕЛЬКИ ВСЕХ ЦВЕТОВ РАДУГИ	42	С разрешения журнала «ЛАЙФ»
ФЕДОР РОЖАНКОВСКИЙ	44	С разрешения журнала «АМЕРИКАН АРТИСТ»
ГОЛОС БОЕВОЙ ТРУБЫ (Часть II)	48	Маккинлей Кантор
В ГОРОДЕ ДВА НОВЫХ ВРАЧА	52	С разрешения журнала «РЕДВУК»
СУЛЛИВАН, ФИЛОСОФ АРХИТЕКТУРЫ	56	Мерджори А. Ярес и Мария К. Иланд

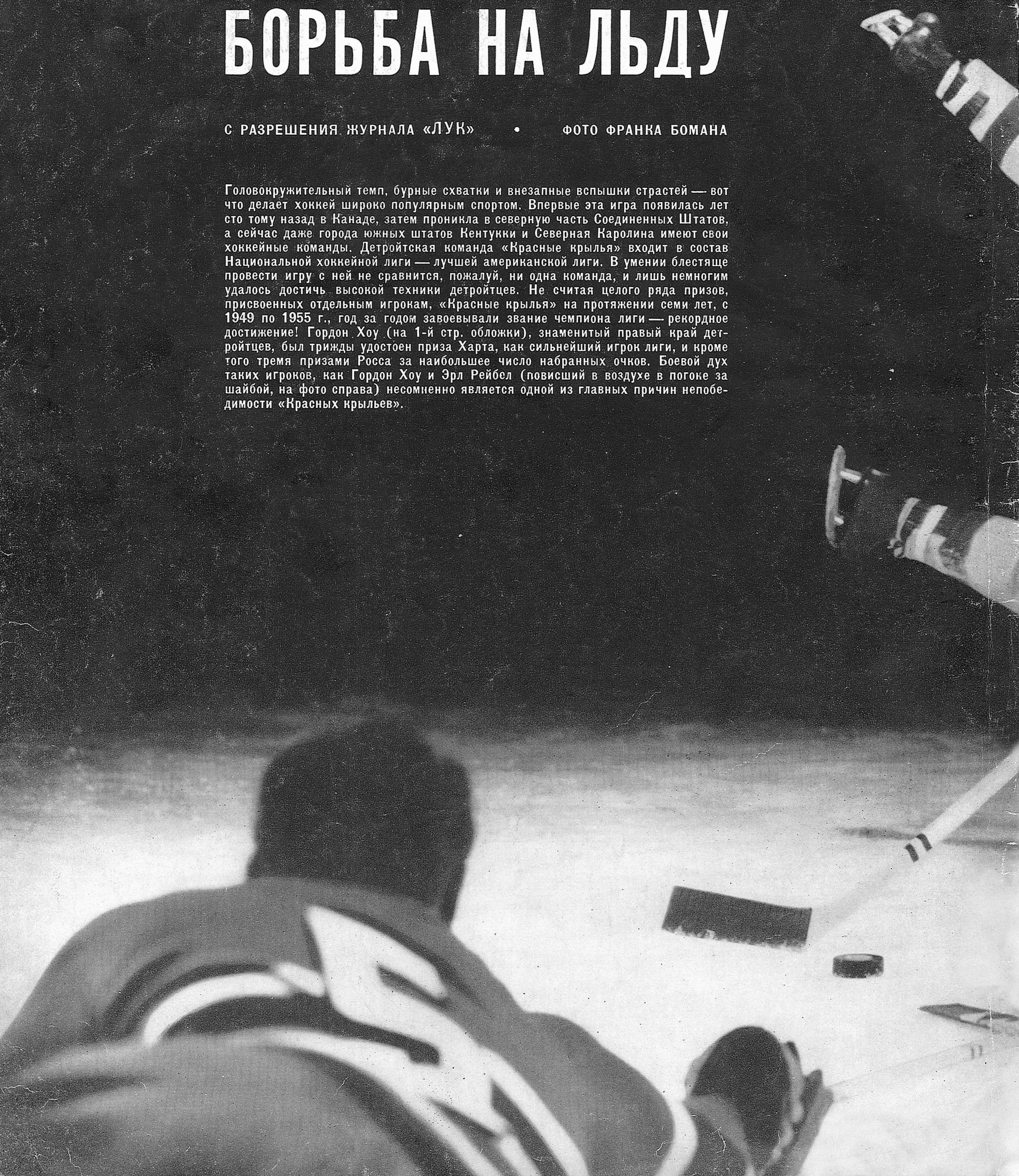

БОРЬБА НА ЛЬДУ

С РАЗРЕШЕНИЯ ЖУРНАЛА «ЛУК»

• ФОТО ФРАНКА БОМАНА

Головокружительный темп, бурные схватки и внезапные вспышки страстей — вот что делает хоккей широко популярным спортом. Впервые эта игра появилась лет сто тому назад в Канаде, затем проникла в северную часть Соединенных Штатов, а сейчас даже города южных штатов Кентукки и Северная Каролина имеют свои хоккейные команды. Детройтская команда «Красные крылья» входит в состав Национальной хоккейной лиги — лучшей американской лиги. В умении блестяще провести игру с ней не сравнится, пожалуй, ни одна команда, и лишь немногим удалось достичь высокой техники детройтцев. Не считая целого ряда призов, присвоенных отдельным игрокам, «Красные крылья» на протяжении семи лет, с 1949 по 1955 г., год за годом завоевывали звание чемпиона лиги — рекордное достижение! Гордон Хоу (на 1-й стр. обложки), знаменитый правый край детройтцев, был трижды удостоен приза Харта, как сильнейший игрок лиги, и кроме того тремя призами Росса за наибольшее число набранных очков. Боевой дух таких игроков, как Гордон Хоу и Эрл Рейбел (повисший в воздухе в погоне за шайбой, на фото справа) несомненно является одной из главных причин непобедимости «Красных крыльев».

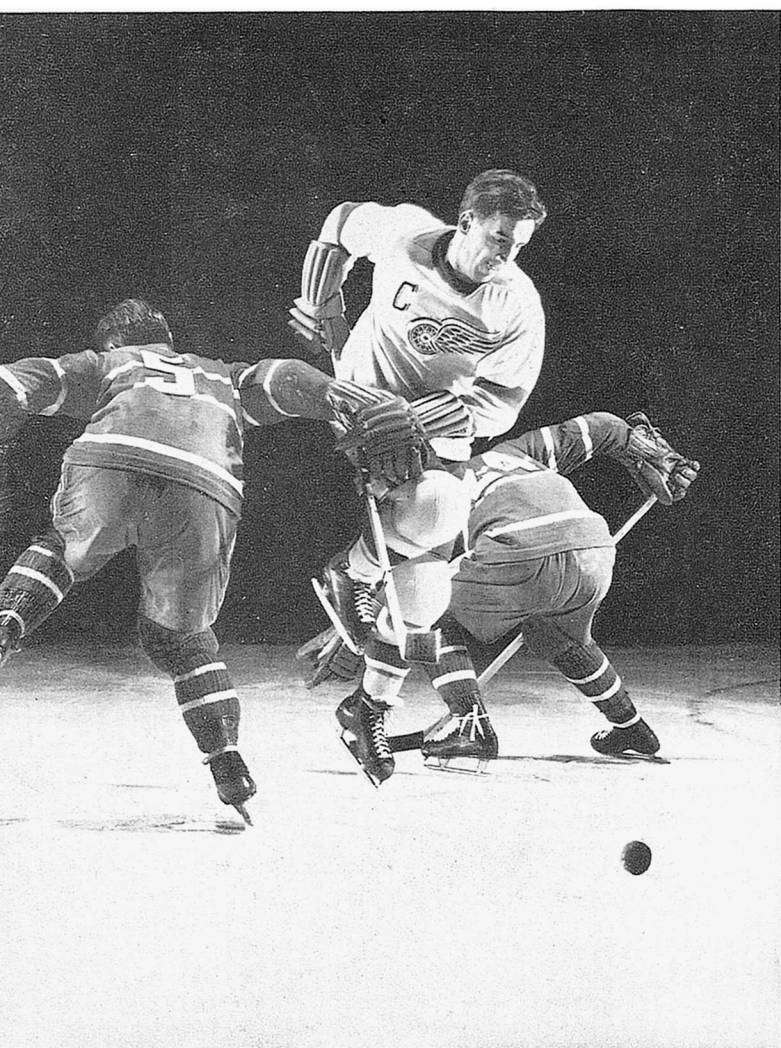

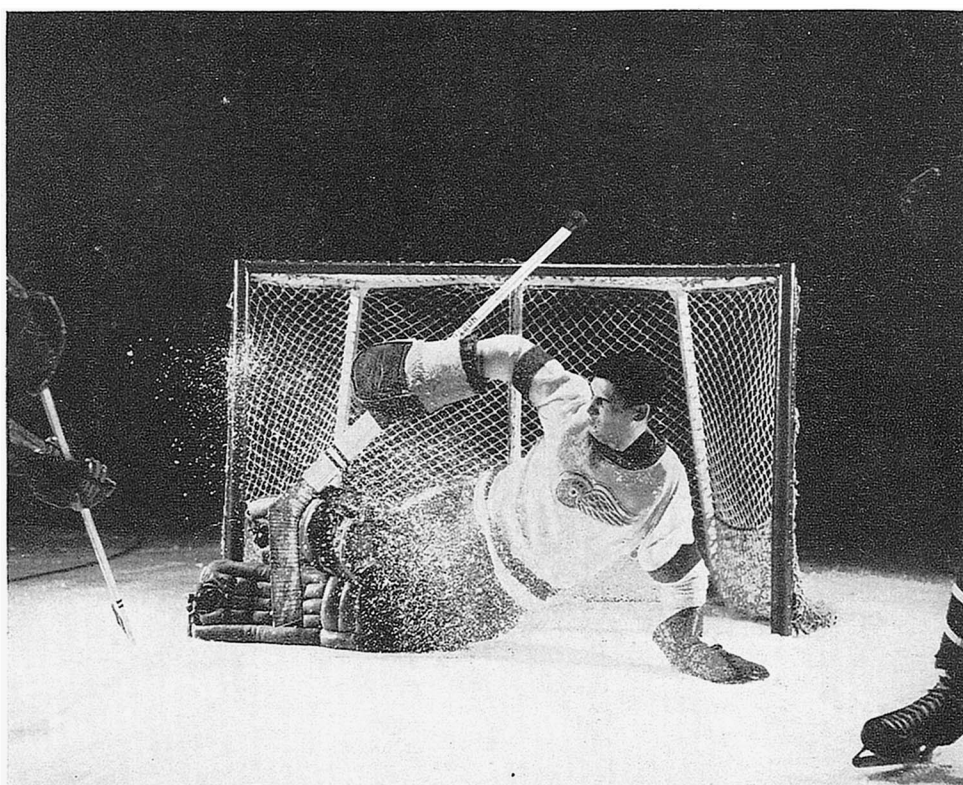
БОРЬБА НА ЛЬДУ (продолжение)

ТЕД ЛИНДСЕЙ, левый край и капитан команды, прорывает линию защиты противника. Тед славится своим эффективным содействием в разыгрывании комбинаций.

ЛЕН КЕЛЛИ всегда неудержимо стремится вперед. Блестящий защитник, обладающий отличными спортивными качествами, он дважды получал приз Леди Бинг.

ТЕРРИ САВЧУК, вратарь, демонстрирует превосходную технику, отражая стремительные атаки противника. Терри считается одним из лучших вратарей мира. За отличную игру ему был трижды присужден приз Везина.

ПЕНСИЛЬВАНИЯ

Одна из первоначальных тринадцати колоний, Пенсильвания славится разнообразием пейзажей, простотой нравов и историческим прошлым.

КОНРАД РИХТЕР С разрешения журнала «ГОЛИДЭЙ»

Для маленького мальчика слово Пенсильвания означало весь мир. Мальш видел красный кирпичный дом, где родился он и его братья, — и этот дом был Пенсильванией. Он смотрел на зеленые, подернутые голубоватой дымкой склоны гор, обступивших его родной городок, — и эти горы были Пенсильванией. Иногда он бродил по ручейку за старой лютеранской церковью. По словам матери, ручеек вливался в горный поток Суотара-Крик, тот впадал в реку Саскуиханна, она же, извиваясь, текла с севера на юг через весь штат, — и все 320 километров ее пути были Пенсильванией.

Этим мальчиком был я, и с годами мне, конечно, приходилось делать уступки. Разумеется, Пенсильвания не была всем миром, но разве она не стояла во главе его? Разве не отсюда для всего человечества прозвучал Колокол Свободы? Разве не здесь была впервые оглашена Декларация Независимости? И разве не в Пенсильвании был спит первый американский флаг? На ее священной земле собрался первый Континентальный Конгресс юной Американской республики, здесь, у Валли-Фордж, во время Войны за независимость долго стояла зимним лагерем американская армия, и здесь же во время Гражданской войны разыгралась решительная битва под Геттисбургом. Сам Уильям Пенн, почтенный квакер, основал эту колонию во имя братской любви, и это сделало пенсильванцев избранным народом. (Первая община, которую основал Пенн, была названа им «Филадельфия», что по-гречески значит «братская любовь».) Молодая нация росла, сыны и дочери Пенсильвании покидали родные места и поселялись в новых штатах. Так, один из пенсильванских Линкольнов покинул Беркский округ, и впоследствии его потомок в штате Иллинойс, Авраам Линкольн из Спрингфилда, стал едва ли не самым знаменитым американцем. Сделанная в Пенсильва-

нии винтовка немецкого образца проникла с Даниэлем Буном и другими пенсильванцами на юг и получила там название кентукской винтовки. Тогда же появился на Западе пенсильванский фургон переселенцев, прозванный «кораблем прерий», а словечки и фразы пенсильванских пионеров зазвучали и на Юге и на Западе, наложив свою печать на ряд местных диалектов.

Чем старше я становился, тем больше уступок миру приходилось мне делать, но, странствуя с моим отцом-проповедником то пешком, то в легком одноконном шарабане, я чувствовал, как росла моя любовь и нежность к родному штату. Долгие годы в Пенсильвании жил почти весь наш род. В детстве я слышал рассказы о том, как мой прапрадед — деревенский кузнец,

мировой судья и четыре раза переизбиравшийся депутат Конгресса от Пенсильвании во времена Президента Томаса Джефферсона, — разбирая в суде дело, обычно рассказывал тяжущимся сторонам истории до тех пор, пока они, развеселившись, не соглашались на мировую. Помню я и рассказы о том, как мой прадед — лавочник и хозяин гостиницы, бывший офицером во время англо-американской войны 1812 года, прятал у себя впоследствии беглых рабов; как одна из беглых — Черная Хетти — прижилась у нас и стала потом моей нянькой; о том, как мой дед, страстный садовод и лошадажник, чье имя стало легендарным в наших краях, почти пятьдесят лет проповедовал в одном приходе и окрестил больше шести тысяч де-

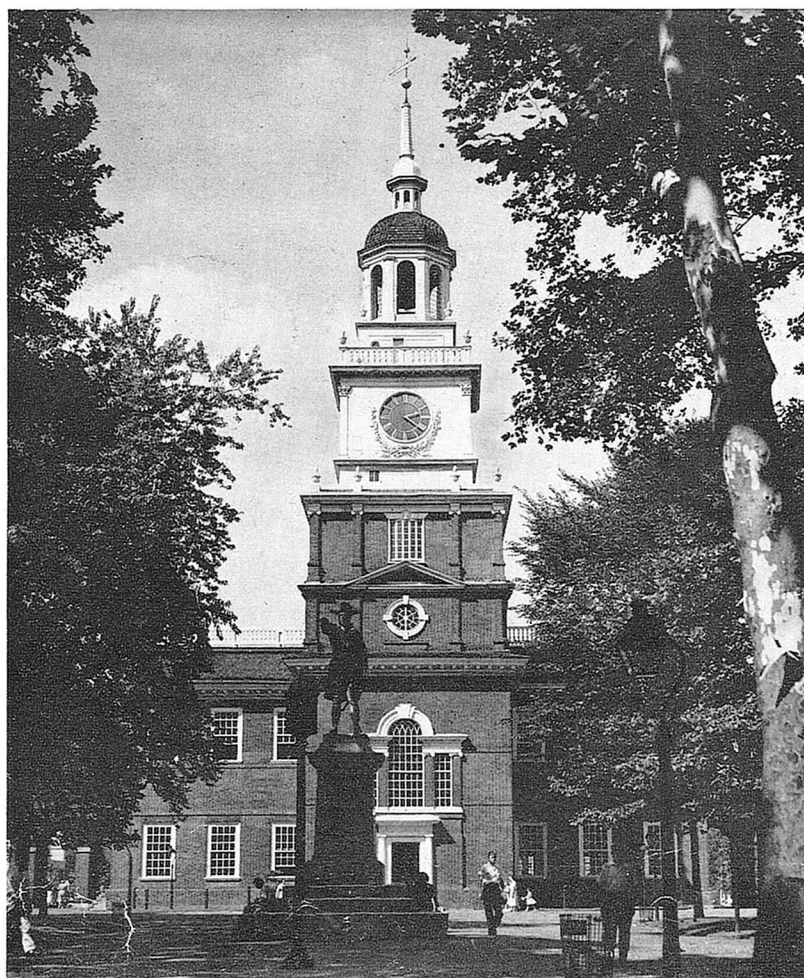
тишек; как на его похороны собралась такая толпа, что пришлось говорить трем проповедникам одновременно, причем одному из них — на улице, перегороженной канатом.

Но сейчас, как и в детстве, больше всего волнует меня в Пенсильвании ее древний символ свободы — горы. В иных штатах горы сосредоточены в двух-трех местах, но здесь они заполняют всю территорию, местами же громоздятся друг на друга, оставляя в промежутках только узкие долины. На фоне неба четко выступают их горбатые хребты и склоны, сочно-зеленые летом, бурые и обнаженные зимой, и редко случалось, чтобы при взгляде на них у меня не забилося сердце.

И как пятьдесят лет назад эта глушь, эти поросшие лесами горы и долины на всю жизнь пленили меня, как сегодня они привлекают легионы рыболовов, охотников и туристов, — так лет за двести до нас они покорили воображение переселенцев, прибывших сюда из Англии и Германии. Пенсильвания — «леса Пенна» — слово это окрыляло людей обещанием свободы, вольной земли, девственных лесов и гор, гор, гор. Между горами тянулись бесчисленные долины — малые и большие, открытые и закрытые, долины с красным или желтым сланцем, долины черноземные и известковые — все поросшие строевым лесом, свидетельствовавшим о плодородии почвы. Вдоволь было там и дичи для еды — только лови, и леса для постройки жилищ — только руби! Земля изобиловала проточными водами и нуждалась лишь в расчистке.

Направляясь на северо-запад, по пути первых белых людей, вы встретите за Филадельфией сперва Уэлские горы — чуть побольше холмов. Далее, миновав беспорядочно разбросанные сады Ланкастерского округа, вы достигнете длинной изломанной линии Южных гор, где добывается богатейшая Корнуоллская железная руда. За ними лежит плодородная долина Киттатинни, и отсюда с любого места вы увидите в ясный день

«Зал Независимости» в Филадельфии. 4 июля 1776 года в этом здании была торжественно обнародована американская Декларация Независимости.

Саскуиханна вьется меж гор и плодородных пашен, пересекает каменноугольные районы и промышленные города. Вид с птичьего полета (со стороны Уильямспорта).

стены гор на севере. Это на сотни миль тянется Голубая гряда, которую здесь зовут Голубыми горами.

Поднимаясь все выше, вы в конце концов взберетесь на Аллеганские горы, возвышающиеся на севере центральной части штата. Здесь уже нарушается стройность горного ландшафта, и горные кряжи, до этого тянувшиеся с северо-востока на юго-запад, в стремительном беспорядке разбегаются во все стороны. Когда же, проехав дальше, вы покинете горы, то, по всей вероятности, покинете и Пенсильванию.

В долинах вы встретите пенсильванских немцев. Как некоторые виды растений растут только на облюбованных ими скалах и больше нигде, так здешние немцы процветают лишь в царстве известняка. Если вы и увидите где-нибудь пенсильванского немца, обрабатывающего неизвестковую почву, то это значит просто, что известняка на него не хватило. Немцы населяют, в основном, широкую полосу, которая тянется, к югу от Голубых гор, через весь штат. Долины с известковой почвой попадают и севернее, поэтому там можно найти гнезда, а то и целые округа пенсильванских немцев.

Подобно испанцам, живущим в юго-западной части Северной Америки, и французам в Канаде, немцы в Пенсильвании сохранили свой язык. Он считается здесь разновидностью американского, но смахивает больше на сильно засоренный немецкий диалект, непонятный для приезжих из других штатов. И даже английский язык немцев, — хотя поселились они здесь двести лет тому назад, — отличается странным акцентом и необычными оборотами.

Пенсильванские немцы любят посмеяться. Строят ли они дома, чинят ли автомобили, — все это сопровождается шуточками и таким хохотом, какого я не слышал ни в одной части Америки. Один англичанин, побывавший в Пенсильвании лет двести тому назад и описавший здешние обычаи, отметил, что немцы не заходят в церковь до начала службы, но стоят на дворе, пошучивая и посмеиваясь, а выйдя из церкви после богослужения, возвращаются к прерванному разговору и шуткам. Иногда они хохочут попусту, просто от избытка сил.

На фермерских строениях немцев в Пенсильвании путешественник заметит различные украшения, символизирующие солнце, дождь или плодородие. Пенсильванские немцы вообще питают слабость к украшениям. На их метриках, брачных свидетельствах, на мебели и на всякой утвари красуются пестро раскрашенные изображения тюльпанов, голубей, попугаев, петухов, винограда. Они любят яркие цвета, в особенности красный, что видно по их домам и амбарам, выстроенным нередко из красного кирпича, да иногда еще и подкрашенным, чтобы кирпич выглядел краснее.

Дома пенсильванских немцев

умопомрачительно чисты. Крыльцо и лесенка в погреб то и дело моются и скребутся; тротуары, канавы, а зачастую и сами улицы тщательно подметаются; даже фермы и поля выглядят так опрятно, как игрушечные дворики под рождественской елкой. Что же касается еды, то о ней нужно поговорить особо. Столы пенсильванских немцев ломятся от яств, особенно в тех случаях когда появляются гости, даже самые скромные. Рассказы о том, будто в таких случаях подается «семь сладких и семь кислых блюд», конечно, преувеличение, но не такое уж большое. На обеде, за которым собирается много гостей, в числе прочей снеди подадут, вероятно, жареную курицу, за которой последует свинина или говядина, крутые яйца с подливкой из красной свеклы, всевозможные закуски, овощи, фрукты, пироги и пирожные нескольких сортов. Очень хороши и другие чисто местные блюда (по некоторым из них я очень скучаю в чужих краях): салат из одуванчиков, крошечные маринованные огурчики с горчичной подливкой, кукурузный суп с курятиной и домашняя колбаса, начиненная свининой пополам с говядиной и прокопченная в старомодной коптильне.

Сразу за полосой, заселенной пенсильванскими немцами, находится крупнейший город Пенсильвании — Филадельфия. Несмотря на отдаленность от моря, Филадельфия является гигантским портом мирового значения, богатым, как Крез, но тихим и скромным, как квакеры. В этом современном центре с высокоразвитой промышленностью, в частности — нефтеобрабатывающей, где процветают музыка, издательское дело и медицина, — есть улицы, для которых время словно остановилось. Обилие памятников и церквей, мест исторического значения, библиотек, музеев и колледжей дает Филадельфию право на звание одного из важнейших городов Соединенных Штатов. Но в нашем городке, за 160 километров от Филадельфии, мы называли ее просто «город». «Ты едешь сегодня в город?» — спрашивали мы друг друга.

К северу от мест, заселенных пенсильванскими немцами, а кое-где и попеременно с ними, тянутся мрачные каменноугольные районы штата. Я родился у южной границы антрацитного царства, и одним из самых ранних моих воспоминаний был топот тяжелых сапог по улицам: это шахтеры, задолго до рассвета, шли на поезда, отправлявшиеся к шахтам. А к вечеру поезда возвращались, и шахтеры в комбинезонах, перебросив через плечо коробки, в которых они брали с собой обед, соскакивали на ходу и рысцой трусили к дому, торопясь помыться.

Через несколько лет мы переехали в настоящий антрацитный городок, где мне и моим братьям все показалось сказочным: горы угольных отходов, с которых де-тишки ловко съезжали на клепках; хибарки шахтеров, на субботу и

Вид на Филадельфию с лестницы, ведущей в Музей изящных искусств.

воскресенье уходивших лесными тропинками на свои далекие фермы, часто лежавшие далеко за горами; не отмеченные на картах отдушины горных шахт, куда так легко было провалиться неосторожному путнику; огромные черные копи; бесконечные подземные ходы, дававшие шахтерам возможность появляться на поверхности за несколько километров от того места, где они спустились; старые, заброшенные и затопленные шахты, где царил вечная ночь; и, наконец, храбрецы, спускавшиеся в крошечную тьму, чтобы весело шутить и работать.

Теперь там все изменилось. Цены на уголь так поднялись, что даже в местных городках часто предпочитают отапливать дома мазутом. Появились другие виды заработка. Безотрадный вид городков каменноугольного царства изменился к лучшему. Дома, не знавшие никакой краски, кроме угольной пыли, теперь часто выкрашены, и за дверями самых скромных домиков сверкают белоснежные холодильники и стиральные машины. Но это все еще царство антрацита, единственное в своем роде. Все здешние жители, кем бы ни были их предки, говорят по-английски с валлийским акцентом. И, как прежде, старых заслуженных шахтеров можно узнать по синеватым меткам на коже: это угольная пыль пробилась сквозь поры, и ее уж ничем не отмыть.

За Саскуиханной и Аллеганскими горами, в западной части Пенсильвании, лежит бассейн бурого угля. Мой непоседа-отец скоро перевез нас туда, и мне пришлось жить в городе, где на протяжении целых кварталов не росло ни травинки, а воздух был пропитан характерным запахом горящего бурого угля и тлеющего шлака. Здесь, так же как и в каменноугольных районах, жили люди самых различных национальностей, до пен-

сильванских немцев включительно. По улицам важно разгуливали мадьяры с закрученными усами, приятелями отца были священники в шубах с каракулевыми воротниками, а трамвайные вагоны и кинотеатры пропахли чесноком.

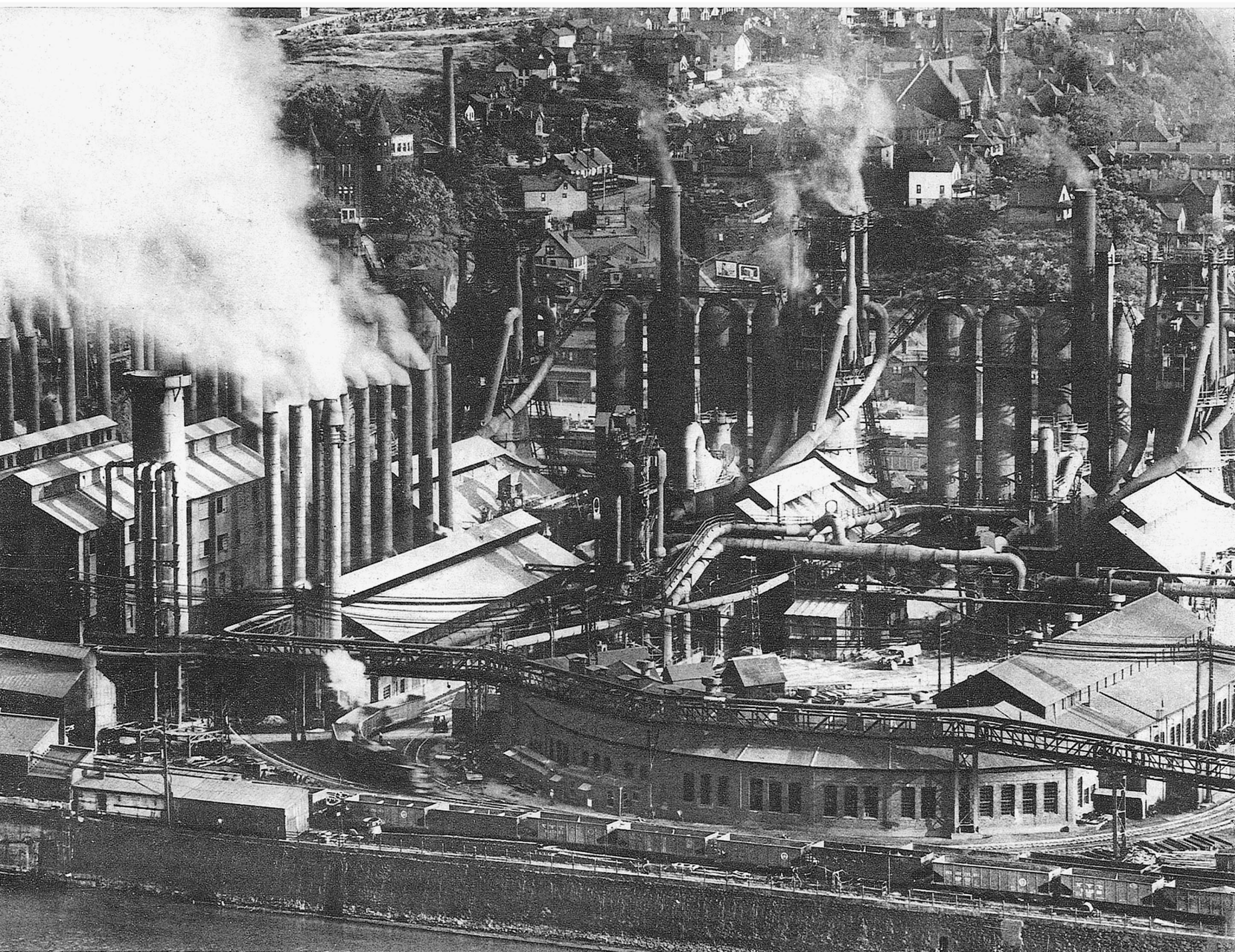
Но, в отличие от антрацитных районов, добыча угля не является здесь единственным видом промышленности. По ночам местность озаряется пламенем коксовых печей. В детстве их отблески мешали мне уснуть, как впоследствии в Джонстауне мешало полыхание доменных печей. Не раз по вечерам я наблюдал длившуюся всю ночь феерию на сталелитейных заводах: расплавленный металл, как суп, лился в ковши и вагонетки, а раскаленные докрасна отливки по конвейеру подавались под молоты, из-под которых золотисто-красными светлячками во все стороны разлетались искры.

Еще более известным продуктом Западной Пенсильвании является нефть. Буровые вышки заходят несколько дальше на север, чем шахты, но во многих округах попадают и те и другие попеременно. Уже в XVIII столетии отсюда вывозили нефть; когда же в 1859 году полковник Дрейк пробурил свою знаменитую скважину, нефтяная лихорадка охватила чуть ли ни весь мир.

Из всей Пенсильвании я больше всего любил северные округа ее центральной части. Здесь, и в широких цветущих долинах, и в долинах небольших, отрешенных от всего остального мира, я встретил людей с завазской старых пионеров, самостоятельных и независимых, пропавших, казалось, дымом костров прошлых столетий. От них я выучился науке досуга и искусству чудесно проводить день за неторопливыми рассказами, в тени орехового дерева или под крышей из каштанового гонта.

Ничто в жизни не может срав-

Доменные печи и сталелитейные заводы — богатство Пенсильвании. На фото: трубопрокатный завод «Национал туб компани»; на заднем плане город Маккиспорт.

ниться с наслаждением — забыв об искусственном мире книг, погрузиться в древний мир реальных вещей, где важную роль играет сметка лошадей и волов, природная хитрость волков, преданность собак, ценность коры дуба и хемлока для дубления кож и несравненные меха норки и кунницы, меха, непроницаемые для мороза и недоступные для инея.

В этой части Пенсильвании немецкая кухня слилась с шотландско-ирландской и французской, и пища здесь — сплошное объединение. Помню превосходный домашний хлеб и булочки, варенный на пару картофель неопишущей нежности и такую домашнюю ветчину, что, едва отведав ее, некий небезызвестный мне мальчик сразу прикрыл картофелем все мясо у себя на тарелке и протянул ее за добавочной порцией — пока ветчину еще не расхватали.

Когда я жил в округе Лайкоминг, мне довелось познакомиться с одной женщиной, полунемкой-полуирландкой, высокой худощавой блондинкой, большой мастери-

цей готовить. Она никогда не садилась за стол с гостями, а все время суежилась у них за спиной, слегка нервничая, но гордясь делом своих рук. То и дело слышалось: «Попробуйте-ка эти картофельные котлетки! Что же вы ничего не едите? Возьмите еще оладушек!» Подобные потчевания всегда означали, что предлагаемое блюдо особенно удалось.

На самом севере Пенсильвании тянется цепочка округов, называемая Северным рядом. Это название звучит для меня чарующе: в памяти сразу воскресают зубцы волшебной Северной горы, под тенью которой мы жили в нашем пастырском домике в Мэнси-Хиллс.

Когда я подросток и перевалил однажды через Северную гору, я увидел там плоскогорье — самое ровное во всем штате. Ни в Северном ряде, ни в прилегающих к нему районах уклад жизни почти не менялся из поколения в поколение. Только люди здесь другие: уроженцы Новой Англии, попавшие сюда через штат Нью-Йорк. Они принесли с собой свои привычки и

вкусы: пятиугольные амбары с крутыми крышами, зеленый чай, колбасу с шалфеем, коржики с клубникой, печенье бобы и разные вареные кушанья Новой Англии. Они до сих пор предпочитают нью-йоркские газеты пенсильванским, и города их напоминают Новую Англию: широкие улицы, дома, стоящие в глубине участков, вдали от тротуаров, тенистые деревья, а в центре города — обязательно площадь, похожая на зеленый луг.

По этим районам Пенсильвании раскинулось сказочное лесное царство — когда-то самый большой поставщик лесоматериалов в Соединенных Штатах. Здесь находится знаменитый Черный лес — Шварцвальд Нового света. В детстве мне попадались овраги, до того густо заросшие сосной и цугой, что солнце никогда в них не проникало. Они были похожи на огромные храмы, и я входил туда, исполненный трепета перед величием Творца. Это, впрочем, не мешало мне побаиваться, как бы из сумрака не выпрыгнул на меня сам черт. Но этот «темный лес»,

как его называли местные жители, бледнел перед Черным лесом, покрывавшим сотни квадратных километров суровой местности вдоль западного рукава Саскунханны.

Дома в Пенсильвании в разных районах разные, но обычно все они построены из пенсильванского же леса. Я больше всего люблю старые некрашенные деревянные дома, встречающиеся в отдаленных долинах штата. Все эти дома — иногда совсем скромные, иногда же более внушительных размеров, — были построены в те времена, когда сосна была так дешева, что на нее не стоило тратить краску и олифу, но время и ненастье придали их стенам и ставням темноту бурый оттенок, который, по моему, создает замечательный контраст с остальной местностью: летом он подчеркивает яркие краски цветов в садах, зимой же усиливает ощущение уютного быта и человеческого тепла в стенах домов.

Уже индейцы, аборигены страны, страстно верили в свободу. Вера эта является характерной особенностью всех пенсильванцев.

На этой зажиточной ферме есть скотный двор, амбар швейцарского типа, силос, сушилка для табака (слева) и закрома (посредине). Строения всегда свежо окрашены.

Норвежец Оле Булль, знаменитый скрипач своего времени, основал в округе Поттер «новую Норвегию, посвященную свободе, крещенную независимостью», как он назвал ее. Булль привез сюда 800 норвежских переселенцев и поддерживал молодую колонию на свои средства, совершая концертные туры по всему миру.

Много подобных утопических убежищ выросло и распалось, но одно из них сохранилось донныне и привлекает посетителей. Основанное более двухсот лет тому назад баптистской сектой тункеров, оно называется «Монастырь на Ефрате». Еще и сейчас посетители должны смиренно склонять голову, входя в крошечные кельи с грубо сколоченными койками. Тункеры отказывались служить в армии, но в дни Американской революции открыли свои двери для раненых в битве при Брэндивайне. Очень мало, к сожалению, известно о музыке тункеров: их гимны, которых существовало более тысячи, утеряны. В этих гимнах партитура была расписана на много голосов, и хор

звучал, как огромный орган: все слышавшие это пение утверждали, что ничего подобного они никогда раньше не слышали.

Зато музыка другой религиозной секты — моравских братьев — не только уцелела, но продолжает развиваться, и слава ее растет из года в год. Секта эта, существующая более двухсот лет, отрицала вначале личную собственность, но с течением времени приспособилась к современным условиям жизни, не утратив своего религиозного характера. Ежегодные весенние фестивали, посвященные музыке Баха, привлекают посетителей со всех концов мира.

Из всех религиозных общин, переселившихся в Пенсильванию в поисках религиозной свободы, наиболее известны квакеры. Терпимость квакеров, этих «странных людей», их любовь и сочувствие ко всем народам, равно как и организованные ими «Комитет обслуживания» и «Фонд помощи», заслужили им всеобщее признание. Общественное доверие к ним настолько велико, что основные суммы

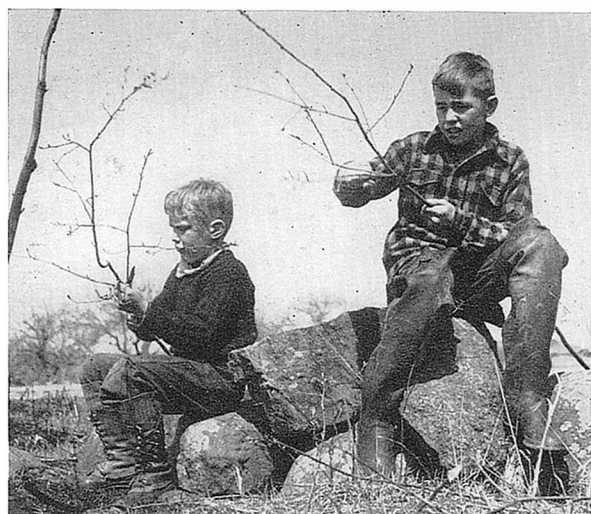
для своей благотворительной деятельности квакеры получают от посторонних. Я знаю нескольких квакеров, которые отказывают себе во всем и живут в бедности только для того, чтобы одеждой и продовольствием помогать нуждающимся — далеким людям, которых они и в глаза никогда не увидят.

Эти принципы — предоставление убежища и преданность свободе — являются главными ценностями во всем огромном богатстве Пенсильвании и вкладом в духовную сокровищницу нации. В старину даже деловые соглашения носили здесь иногда поэтический, не совсем обычный характер. Нескольким религиозным братствам (одному около Мангейма, а другому около Майерстауна) была уступлена земля для постройки церквей, причем ежегодная плата жертвователю за эту землю состояла в одной розе. И в промышленно-коммерческие сделки иногда проникали сентиментальные выражения: первые собственники богатых Корнуоллских рудников обя-

зались до тех пор бесплатно поставлять железную руду для домны соседнего поселка Робсония, «пока трава растет зеленой и вода течет с гор».

Для большинства моих земляков Пенсильвания — лучший из штатов Америки. Если вы не пенсильванец, это ваше несчастье, не такое уж страшное, но все же несчастье. Все пенсильванцы — заядлые путешественники: они с радостью уезжают и с радостью же возвращаются. Тоской по родине они заболеть очень легко. Поэтому бедным изгнанникам посылаются чудовищные количества местной еды — да и не только еды! Отец каждую весну наполнял коробку из-под ботинок цветами земляничного дерева и посылал ее своему старому другу: тот переехал в другой штат, но страдал и томился без этих цветов. И не раз мне приходилось слышать от пенсильванцев, возвратившихся из путешествия: «Проехал я шесть или семь тысяч миль, повидал много стран, но нигде не было и вполнину так красиво, как здесь у нас».

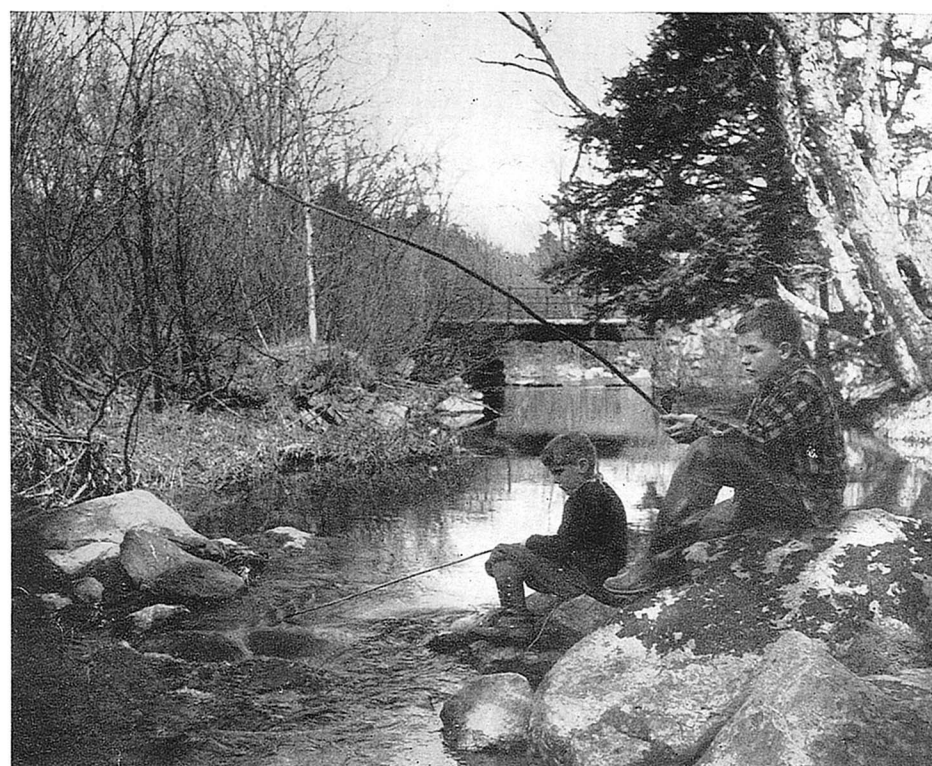

Фото Кости Руохомаа

РОЖДЕНИЕ РЫБОЛОВА

Когда шестилетний Бобби Лофман вышел в первый раз в жизни на рыболовную экспедицию, его приятель Джордж Квин — уже закаленный рыбак двенадцати лет от роду — был тут как тут и с готовностью согласился посвятить неопытного друга в тайны ритуала, которому с незапамятных времен следуют все юные рыболовы. С видом эксперта он показал Бобби, как выбрать и обстругать ветку для удилища. Он знал, где выкопать червей пожирнее и где найти в ручье самое замечательное место для ловли рыбы.

Мальчики живут в штате Мэн, далеко выступающем в Атлантический океан на самом севере США и знаменитом своей охотой и рыбной ловлей. Что бы ни говорили взрослые рыболовы, Бобби и Джордж понимают, что рыбная ловля — это «шест и бечевка с крючком на одном конце и с мальчиком — на другом» (поговорка звучит несколько иначе, но это не так уж важно). Для Бобби комбинация леса с мальчиком привела к чудесному завершению чудесного дня (фото справа).

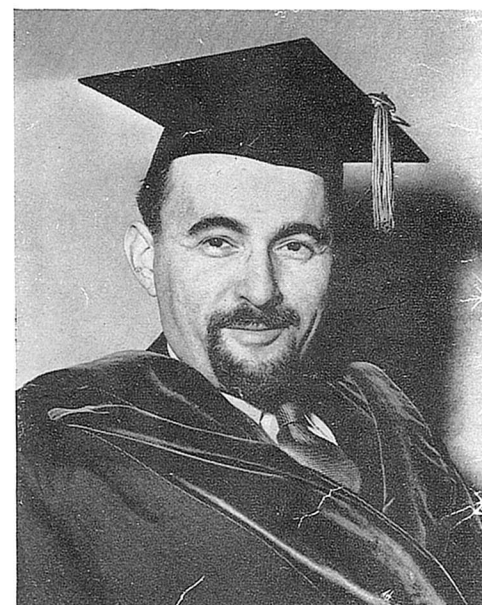
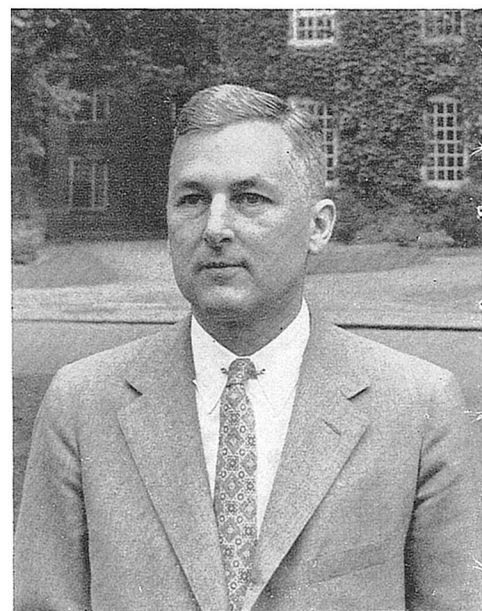

ЦЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос: «чему обучать подрастающее поколение?» — стоял перед обществом во все времена. Независимо от того, удастся ли или нет найти на него ответ, обществу приходится постоянно заниматься проблемами воспитания и образования. И проблемы эти становились все труднее и труднее с тех отдаленных времен, когда воспитание детей сводилось к обучению их охоте и добыванию пищи, затем — возделыванию земли, позднее — искусству писать и считать, вплоть до наших дней — эпохи телекоммуникаций и атомной энергии.

Чему же учить? Журнал «Америка» обратился с этим вопросом к шести представителям молодого поколения, специально занимающимся народным образованием и имеющим на него влияние, — к президентам колледжей и университетов. Наш выбор остановился на этих лицах, во-первых, потому, что учебные заведения, которые они возглавляют — среди них есть и самое старое в стране и одно из самых новых — разнообразны по характеру и пользуются большой известностью, а во-вторых, потому, что сами эти люди — наиболее выдающиеся из числа тех, кто призван в последнее время руководить многими учебными заведениями Америки. В их ответах было значительно больше общего, чем можно было ожидать от людей столь различных и относительно молодых. Через все красной нитью проходит мысль, что в наше время, когда знание играет большую роль, чем когда-либо в прошлом, основной проблемой человечества является вопрос о целях, которым служит высшее образование.

НАТАН ПЮЗИ

В 1953 году, в возрасте сорока шести лет, доктор Натан Пюзи стал президентом Гарвардского университета — самого старого (основан в 1636 году) и одного из самых лучших университетов Соединенных Штатов. Гарвард — крупный университет (10.000 студентов), включающий много отделений для аспирантов; но его основой является колледж гуманитарных наук, где обучаются 4.300 студентов. Пюзи — эллинист и горячий защитник гуманитарных, а не технических, колледжей.

«ИСТИННОЙ ЦЕЛЬЮ гуманитар-

ного воспитания является расширение умственного горизонта. Образование в значительной степени сводится к выучке, т.е. к пониманию и запоминанию фактов. Но образование означает и нечто большее.

Одна из важнейших задач высшего образования заключается в том, чтобы дать каждому студенту — или возможно большему числу студентов — пережить моменты ярких прозрений, редкие минуты глубокого волнения, — пережить то, что иногда мы чувствуем, читая книгу, созерцая картину или пройдя через какое-либо испытание в личной жизни, когда мы полу-

чаем как будто более ясное представление о смысле жизни, о мире, о нашей творческой роли в нем, когда мы освобождаемся благодаря этому от нерешительности и сомнений — и без колебаний принимаем жизнь.

Отличительной чертой мировоззрения человека, получившего гуманитарное образование, является его — или ее — стремление искать истину в любом положении — даже в самом тяжелом: больше того — твердая решимость искать истину. Ибо человек, вкусивший все блага гуманитарного образования, знает, что даже в самом запутанном

клубке противоречий скрывается истина и что ее стоит искать; и он уверен, что, когда истина будет найдена, она окажется прекрасной. Наша задача не в том, чтобы создавать «надежных» и «осторожных» людей, которые все равно никак не смогут служить нашим оплотом, а в том, чтобы поддерживать в молодом поколении мужественную решимость искать правду и чувствовать себя свободными. Университет, не являющийся в какой-то мере очагом критического отношения к обществу и силой, постоянно зовущей к новым далям, — не университет».

ГАРОЛЬД ТЭЙЛОР

Доктору Гарольду Тэйлору было тридцать лет, когда, в 1945 году, он был назначен президентом колледжа имени Сары Лоренс в штате Нью-Йорк — гуманитарной женской высшей школы, основанной в 1926 году для проведения экспериментальных методов преподавания. Это небольшое учебное заведение: сейчас в нем обучается 389 студенток, и в каждом классе всего десять-пятнадцать слушательниц, так как целью колледжа является строго индивидуализированный подход к обучению. В колледже нет обязательной программы. Проходя четырехлетний курс наук, сту-

дентка работает в тесном контакте с профессорами, пользуется их советами и составляет свой собственный учебный план. Школа делает упор на творчество в изобразительных искусствах.

«НЕДОСТАТОК УЧЕНИЯ, как такового, в том, что оно скучно. Люди попадают в учреждения, где их развивают умственно; однако занятия организованы так, что учение перестает быть радостью. Мы хотим избежать этой ошибки и придаем программе нашего колледжа достаточную гибкость для того, чтобы можно было на свободной трибуне

подвергнуть испытанию каждую новую идею, но в то же время и достаточную определенность, чтобы полностью использовать накопленный опыт прошлого.

Задача колледжа — внедрять либеральные принципы, задуманные в виде бесклассовой философии, основанной на идее сближения всех людей, преуспевания всех социальных групп и всех стран, философии, которая оценивает любую деятельность и любое общество в зависимости от того, в какой мере эта деятельность или это общество способствует обогащению жизни отдельного человека. Такой

цели нельзя достигнуть, просто знакомя людей с точными или гуманитарными науками и искусством; ее можно только добиться, помогая молодежи постигнуть содержание и смысл этих отраслей знания и развивая в молодом поколении либеральное отношение к жизни и обществу.

Мы внедряем в сознание учащихся необходимость общественного равенства, учим их ценить свободу. Мы отстаиваем эти ценности с объективных позиций, ибо опыт истории учит, что без них жизнь становится бездушной, пронизанной себялюбием и ненужной».

САМЮЭЛ БЕЛКИН

Доктор Самюэл Белкин, молодым человеком эмигрировавший в Америку из Польши в 1929 году, стал в тридцатичетырехлетнем возрасте президентом университета Йешива в Нью-Йорке, первого еврейского университета в Соединенных Штатах. Университет возник в 1915 году из слияния двух семинарий; теперь в нем 3.000 студентов и студенток, изучающих гуманитарные науки, богословие и медицину.

«ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА в области образования заключается не в

его недостаточности, а в трудности разрешения вопроса о конечных целях и задачах образования. XX век можно назвать веком знания и научных открытий. Никогда в прошлом знание не было таким всеобщим достоянием, как в наше время. Но и никогда раньше знаниями и научными открытиями не пользовались для столь разрушительных целей, как теперь. Следовательно, знания сами по себе не могут служить основой нравственности и не могут спасти человечество.

Если в наше время воспитатели

откровенно обеспокоены тем, что Европа с ее старинными очагами науки не сумела оградить себя от тирании и жестокости, их беспокойство объясняется прежде всего тем, что наше время склонно преувеличивать влияние светских наук и материальных достижений на человеческие поступки. Наши знания в области естественных наук, социологии и гуманитарных наук не предали нас — это мы совершили ошибку, рассчитывая на то, что эти отрасли знания помогут в деле, которое не имеет к ним пря-

мого отношения, — в деле создания идеального общества.

Полный разрыв между научными исследованиями и духовными и нравственными идеями привел к катастрофическим последствиям. Наука, которая остается непричастной к нравственным ценностям в жизни общества, становится противником нравственности.

Целью образования должно быть укрепление умственных и духовных ценностей, максимальное развитие нравственных возможностей человека».

КОРНИ КРЭГ СМИТ

Доктор Корни Крэг Смит — сорока лет — девятый президент Суортморского колледжа, основанного в 1864 году в Пенсильвании религиозной организацией «Обществом друзей» — квакерами. Хотя лишь меньшинство из девятисот студентов университета — квакеры и хотя секта «Друзей» уже давно перестала играть руководящую роль в администрации, Суортмор остается верен квакерской традиции и считает, что вера квакеров в заложенное в каждом человеке божественное начало является идеальной основой для гуманитарного образования.

«НЕ СЛЕДУЕТ ограничиваться подготовкой научных работников. Недостаточно развивать ум, ибо ум — по существу аморален: он столь же способен на зло, как и на добро. Мы должны развивать в учащихся характер, способный направить ум в сторону созидательного творчества, и личные качества, делающие ум действенным. Я говорю «развивать», но мои коллеги знают, сколь малого можно добиться, действуя прямо. Вместо этого нужно стараться создать условия, в которых личные качества могут созреть и достигнуть расцвета, условия, способствующие развитию скрытых в каждом человеке творческих способностей и в то же время помогающие ему приспособиться к жизни в коллективе.

Я хочу сказать, что мы стремимся к созданию общества, которое ценило бы ценности. Это отнюдь не догматически мыслящее общество, утверждающее, что оно мыслит «правильно». Квакерская традиция прямо противоположна такой точке зрения, она основана на убеждении, что экспериментальный подход, руководимый совестью, ведет нас к познанию истины, правды и жизненных правил. Но мы можем обогатить наши ценности, наше отношение к окружающему миру и наши философские предпосылки таким образом, чтобы учащиеся видели в них то, что один студент Принстонского университета назвал «живой возможностью выбора, а не абстрактным мнением».

ТЕОДОР ХЕСБУРГ

Теодору Хесбургу было тридцать пять лет, когда, в 1952 году, он стал президентом университета Нотр-Дэйм, в штате Индиана, наиболее известного католического колледжа Соединенных Штатов. Хотя университет открыт для всех, большинство из шести тысяч студентов, изучающих в университете гуманитарные и технические науки, право и коммерческое дело, — католики. Патер Хесбург, теолог по специальности, известен своей защитой приходских школ; он принимал участие в работе многих комиссий и конференций го-

сударственного масштаба по вопросам воспитания и образования.

«ЗАДАЧА НАШЕГО университета заключается в том, чтобы помогать интеллекту в его поисках истины. Мы считаем, что эту задачу нельзя разрешить простым накоплением запаса знаний и превращением молодых людей в ходячие энциклопедии. Мы скорее считаем, что развитие ума связано с развитием четырех основных способностей: 1) ясно мыслить, 2) понятно излагать свои мысли устно и письменно, 3) принимать обоснованные решения в спорных вопросах и 4) ясно отличать в жизни важное от неважного.

Мы стремимся к тому, чтобы люди, окончившие университет, были хорошими людьми, квалифицированными в своей профессии и

наделенными чувством нравственной и социальной ответственности. Образование не ограничивается развитием умственных способностей: мы придаем большое значение важной задаче воспитания воли. Если хотите, назовите это воспитанием нравственных устоев, развитием характера, чем угодно. Формирование положительных нравственных навыков и твердого характера — важные отличительные черты того хорошего человека, к созданию которого мы стремимся. Мы думаем, что Бог имеет большое значение в таком воспитании.

Св. Фома Аквинский выразил это в простых и кратких словах, сказавши, что только три вещи достойны того, чтобы к ним стремиться: нужно знать, что следует любить, на что надеяться, что делать».

ДУГЛАС НАЙТ

Выбор доктора Дугласа Найта на пост президента Лоренс-колледжа в штате Висконсин вполне соответствовал духу, царящему в этом университете. Найт — молодой человек 35 лет; получил классическое образование. Его специальность — греческая, латинская и английская литературы. Он — поборник гуманитарного образования, широко открытого всем веяниям свежей мысли.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, что истинной

целью настоящего образования является выработка определенного отношения к жизни. Я попытаюсь определить две основные стороны такого отношения. Во-первых, оно характеризуется способностью устанавливать сложные, четкие и творческие взаимодействия между различными отраслями знания. Образованный человек видит мир иначе, чем человек невежественный, потому что всякая значительная мысль, картина или постройка имеют для него большую глубину и ширину в результате той связи, которую он устанавливает между ними и другими значительными идеями. Например, смысл сюрреалистической живописи становится яснее и рациональнее, если

привлечь к рассмотрению сюрреализма современную психиатрию. И сюрреалистическая живопись и современная психиатрия говорят нам многое о противоречиях нашего беспокойного времени.

Второй значительной чертой настоящего образования является дух терпимости. Это старомодное, но важное слово означает признание того, что чужие взгляды, прозрения и методы достижения истины имеют столь же законное право на существование, как и наши собственные. Образованный человек имеет понятие о пределах человеческого познания и не воображает, что истинный мир ограничен тем, что ему самому удалось узнать о нем».

Насос (справа) нагнетает воздух в здание и поддерживает в нем постоянное давление.

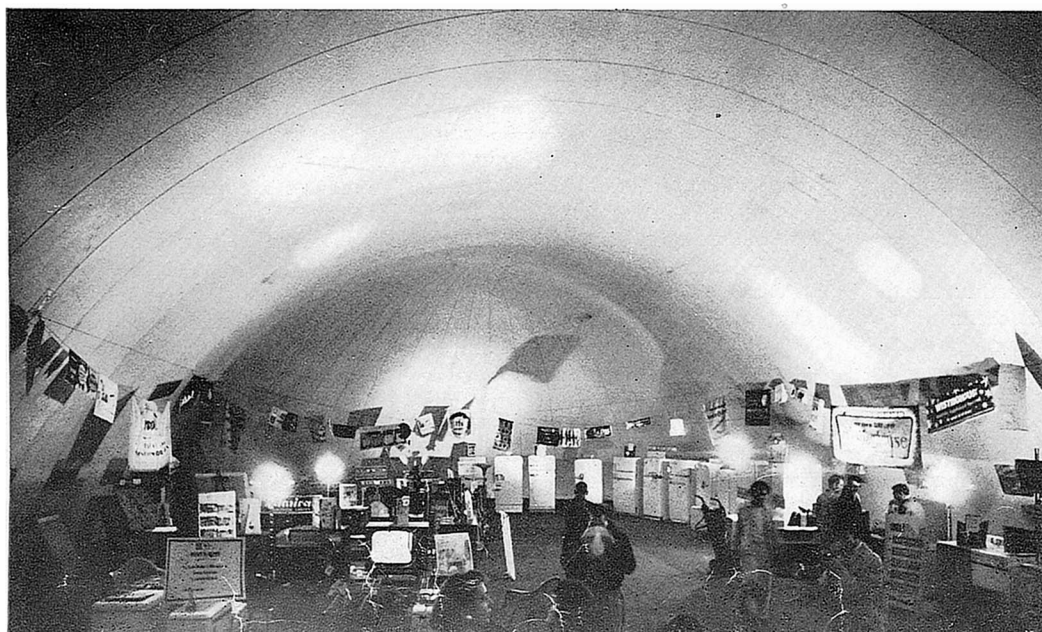
Крыша здания начинает медленно подниматься.

СКЛАДНОЙ СКЛАД

НАГНЕТАНИЕ ВОЗДУХА ПРОДОЛЖАЕТСЯ НЕ БОЛЬШЕ ЧАСА, НО ЗДАНИЕ-БАЛЛОН МОЖЕТ ПРОСТОЯТЬ ОКОЛО ШЕСТИ ЛЕТ. ВЕС ЕГО НЕ ПРЕВЫШАЕТ 220 КГ.

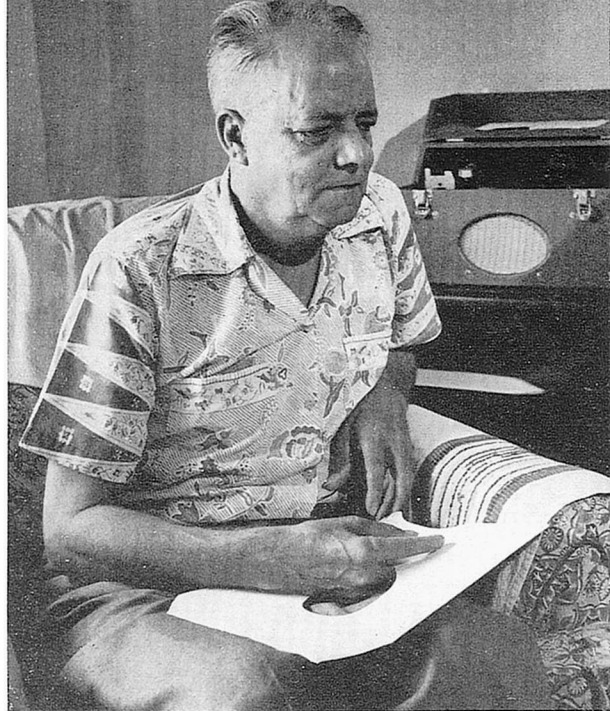
Длина магазина—32 м., ширина—15 м., высота—9 м. Стены пропускают солнечный свет.

ДЖУДИ КАТЛИН

Дома нового рода изготавливаются из пластмассы, надуваются воздухом, как баллон или шина, и могут быть использованы в качестве переносного магазина, аудитории или склада. Наполняют их воздухом посредством насоса, и внутреннее давление поддерживается на постоянном уровне, превышающем атмосферное на 0,052 кг./кв. см. Этого достаточно, чтобы сооружение не прогибалось, когда отворяются двери. Укрепленное на земле при помощи уложенной вокруг основания нейлоновой трубки, наполненной 13.500 килограммами воды или песка, сооружение не деформируется даже при сильном ветре. Надпись на здании гласит, что это магазин Братьев Полк.

Говорящие книги позволяют слепому «читать» классиков.

КНИГИ, ГОВОРЯЩИЕ СЛЕПЫМ

М. А. ДЕ-ВОЛЬФ ХОУ

С разрешения журнала «АТЛАНТИК МОНТЛИ»

*«Тот, у кого есть уши, чтобы слышать, — пусть видит.
Потому что есть еще и зрение духа,
Развертывающее и перед зрячим и перед слепым
Одну и ту же панораму реального» (М. А. Де-Вольф Хоу).*

ОТ РЕДАКЦИИ: Марк Антони Де-Вольф Хоу — биограф и редактор — родился 28 августа 1864 г. в Бристоле, в штате Род-Айленд. Ежемесячный журнал «Атлантик монтли» называет его своим «старейшим и самым ценным сотрудником»: впервые он начал писать для этого журнала шестьдесят четыре года тому назад. В возрасте семидесяти лет Де-Вольф Хоу опубликовал свою автобиографию под заглавием «Путешествие в прошлое». По мере того, как ухудшалось его зрение, Хоу оказывался все более и более прикованным к своей квартире в Бостоне. Однако он продолжал писать очерки и стихи, а когда слепота вынудила его прекратить чтение, он обратился к обществу «говорящих книг».

Я хотел бы рассказать читателям об одной великой услуге, которую наука и искусство соединенными силами оказывают слепым. Я надеюсь, что рассказ об этой помощи и ее общедоступности поможет в будущем расширить круг ее благотворительного применения.

В ноябре 1950 года я совершенно ослеп на один глаз. Катаракт на другом глазу продолжал увеличиваться, но оперировать его, однако, было еще рано. В результате, мне все труднее и труднее становилось читать. До того, как я стал терять зрение, я лишь смутно слышал о «говорящих книгах» для слепых. Теперь же вопрос о том, как пользоваться этими книгами, становился для меня жизненно важным. Я попросил моего глазного врача сообщить в Отдел помощи слепым штата Массачусетс, что мое зрение ухудшилось до такой степени, когда человек получает право пользоваться говорящими книгами. Вскоре после этого меня посетил представитель Отдела, принеший с собой специальный граммофон и обширный (в 188 страниц) каталог их фонотеки. Позже я получил еще три дополнительных каталога с перечислением последних приобретенных фонотек. Мне посоветовали послать в школу Перкинса для

слепых в Уотертауне, в штате Массачусетс (в ней находится распределитель книг для взрослых слепых) список в двадцать пять или тридцать книг, которые я хотел бы получить. Я убедился, что если позвонить по телефону в школу Перкинса утром, то уже на следующий день можно получить пластинки с текстом одной или двух книг. За доставку пластинок по почте, как и вообще за все услуги в этой организации, платы не взимается. Я должен добавить, что учреждения и библиотечные распределители, подобные тем, какие имеются в штате Массачусетс, являются частью обширной системы, охватывающей все сорок восемь штатов, Аляску и заморские владения Соединенных Штатов.

Сжатый перечень тематики, которой располагает библиотека, дает представление о размахе ее деятельности: философия, религия, общественные науки, иностранные языки, точные науки, классическая литература (включая поэзию и драматургию), история, биографии. Особенно широко представлена беллетристика (к ней относится большая часть предлагаемых библиотечными книгами). Такая коллекция говорящих книг могла бы заинтересовать даже тех, кто, подобно Бэкону, хотел бы чувствовать себя как дома во всех областях человеческого знания. Иные, без сомнения, найдут в неисследованных мною разделах обильную пищу для удовлетворения своей любознательности. За шесть лет, прошедших между восьмьюдесятью шестью и девяносто вторым годами моей жизни (1950-1956), я прослушал около 150 книг, главным образом из отделов истории, биографий, поэзии и беллетристики. Нет смысла перечислять те классические произведения, которые мне хотелось возобновить в памяти, или те, которые я в свое время упустил прочесть. В библиотеке имеются также книги, если и не самого последнего времени, то выпшедшие в недавние годы.

Представление об объеме и литературно-художественной ценности собрания дает уже то, что там можно найти без малого все — от «Потерянного рая» Мильтона (который я раньше ни разу не удосужился прочесть полностью) до стихов Эмили Диккинсон; от романов Достоевского и Тургенева до Диккенса, Томаса Харди, Джен Остин, Генри Джемса, Джозефа Конрада, Уиллы Катер и таких классических книг, как «Трибуна», «Питер Ибесон» и «Гекльберри Финн». В отделе жизнеописаний и автобиографий — «Мельбури» Дэвида Сесилия, «Гертруда Лоренс в роли миссис Олдрич» Р. С. Олдрича, «Дж. В. Шоу» Хескета Пирсона, «Христофор Колумб — мореплаватель» Самюэла Э. Морисона, литературные автопортреты Елены Келлер, «Гарибальди» и «Создание Италии» Тревельяна, военные мемуары Уинстона Черчилля и превосходные книги об американской Граж-

данской войне Бруса Каттона. Там есть радующие и успокаивающие вас произведения Уильяма Джемса и далеко не столь успокоительные творения Сантаяны, есть и Библия, и пьесы Шекспира, после которых хочется спросить: «Зачем слушать другое, если другого столь же хорошего не найти?»

И это всего лишь немногие примеры того, что предлагается на этом пышном литературном пиршестве.

Мои друзья часто спрашивают меня о качестве чтения на этих пластинках — всегда ли оно так хорошо, каким должно быть? Я отвечаю, что средний уровень его высок. Должен также сказать, что чтецы-англичане, будь то на импортных пластинках или наговоренных в Соединенных Штатах чтецами английского происхождения, звучат лучше американцев. Можно отметить, что американская речь, какой мы ее слышим по радио или в говорящих книгах, становится стандартной в смысле ясности и четкости.

Каждый новичок в деле слушания говорящих книг должен помнить одно: пропускать в них по вашему желанию ничего нельзя. Во многих превосходных книгах встречаются страницы, а то и целые главы, не слишком необходимые для «спасения души» читателя. При обычном чтении опытный глаз быстро определит, что можно пропустить. Не так обстоит дело с говорящими книгами: передвинуть вперед иголку или раньше времени начать следующую пластинку — значит рисковать пропуском самой ценной и интересной части произведения. Нужно запастись терпением и слушать, от начала до конца.

Вышеприведенные оговорки, конечно, не имеют значения по сравнению со всеми радостями моего шестилетнего общения с говорящими книгами. Иногда я думаю, что если бы мне удалось продлить это общение еще на несколько лет, то, не говоря уже об удовольствии, я стал бы изрядно начитанным человеком.

До этих пор я описывал мой собственный опыт. Пора перейти от личного к общему.

В каждом обзоре достижений века электрификации, конечно, должен быть упомянут и фонограф. Но особое упоминание он заслуживает именно в связи с говорящими книгами. Вскоре после того, как Томас Алва Эдисон изобрел фонограф, он писал в статье, напечатанной в журнале «Североамериканское обозрение» за май-июнь 1873 г.: «Профессиональные чтецы, склонные делать добро ближним, или другие чтецы, специально нанимаемые для этой цели, смогут наговаривать книги на пластинки, и такие звукозаписи получат применение в убежищах для слепых».

Этому пророчеству XIX столетия суждено было исполниться лишь в годы, когда наш собственный век достиг зрелости. И сбылось оно не столько благодаря людям «склон-

ным делать добро ближним», сколько при содействии публичных библиотек страны — в особенности Библиотеки Конгресса Соединенных Штатов — а также частных организаций, посвятивших себя улучшению жизни слепых — в первую очередь Американского фонда для слепых в Нью-Йорке и Американского издательства для слепых в Луивилле (штат Кентукки). Именно Библиотеке Конгресса и этому издательству обязан я большей частью информации, приведенной в настоящей статье, — информации, которая станет общедоступной благодаря зрячим, а не моим слепым глазам.

Слова эти пишутся в Бостоне, поэтому уместно будет отметить, что Бостонская публичная библиотека, приобретя небольшую коллекцию книг с выпуклым шрифтом, основала, в сотрудничестве с издательством Хоу, отдел для слепых при школе Перкинса еще в 1868 году. Библиотеки во многих городах Америки последовали этому примеру. Именно в Бостоне врач Самюэл Гридли Хоу совершил чудо, избавив Лауру Вриджман от полного мрака и безмолвия, к которым она, казалось, была приговорена до конца своих дней. И случилось это в школе Перкинса для слепых — в том самом учреждении, которое помогло Анн Сулливан — будущей учительнице Елены Келлер — совершить еще большее чудо.

Слепые в Европе и в Америке учились читать по книгам с выпуклым шрифтом по системе Брайля примерно с 1830 года. Незадолго до 1900 года Библиотека Конгресса обратила внимание на особые нужды слепых и в скором времени включилась в активную работу в этой области, совместно со многими публичными библиотеками по всей стране и с вышеупомянутыми организациями, а также с Американской библиотечной ассоциацией и Красным крестом. По мере того, как разворачивалась работа — вначале лишь с книгами по системе Брайля, а затем, по инициативе Американского фонда для слепых, и с говорящими книгами, было установлено, что большинство слепых извлекает гораздо больше пользы из звукозаписей на пластинках, нежели из книг по системе Брайля, чтение которых требует специальной подготовки. Так родилась идея производства говорящих книг в массовых количествах.

Прежде всего необходимо было изыскать средства и выработать план мероприятий в общегосударственном масштабе, чтобы побудить все библиотеки Америки к сотрудничеству с Библиотекой Конгресса. В 1931 году Конгресс ассигновал 100.000 долларов на аппараты для слушания говорящих книг. С годами ассигнования Конгресса продолжали расти и за последнее десятилетие достигли в среднем 1.000.000 долларов в год.

Можно легко представить себе масштаб работы Библиотеки Кон-

гресса по организации сотрудничества библиотек страны в этом деле: в настоящее время их более тридцати в ряде штатов.

Процесс производства говорящих книг, их отбора и изготовления пластинок, начинается в специальном комитете Библиотеки Конгресса, постоянно следящем, по спискам издательств и по отзывам критиков, за всем, что появляется на книжном рынке. Комитету помогают также слепые и зрячие читатели вне Библиотеки. Списки отобранных названий раз в три месяца направляются на утверждение к директору Библиотеки Конгресса. Утвержденный список посылается издателям, — скажем, в Американское издательство для слепых, — с точными инструкциями, как записывать каждую книгу на пластинки. Издательство заручается разрешением автора и книгоиздательства. Затем подбираются чтецы, предпочтительно профессионалы с опытом работы на радио или на сцене, так как оказалось, что чтецы-любители не обладают необходимыми для этого ответственного дела качествами. Дикция и произношение чтецов проверяются по лучшим американским и английским словарям; для некоторых книг требуется знание чтецом иностранных языков, в особенности французского. Для хорошего чтения нужны соответствующие способности и хороший вкус.

Если подумать, что сейчас более 43.000 аппаратов для слушания говорящих книг доставляют радость слепым в Америке, как рассказано выше, и что им это не стоит ни единого гроша, то легко можно представить себе, как благодарны слепые Библиотеке Конгресса и стоящему за ней правительству Соединенных Штатов.

Одно из многих изъятий под добрых чувств пришло от одного писателя. Прослушав собственную «говорящую книгу», он написал Американскому издательству для слепых: «Хочу сказать вам, что над моей повестью вы проделали отличную работу... Никакого нажима, никаких мелодраматических выкриков. Простое, скромное чтение, с почти неуловимыми различиями в оттенках, соответствующими каждой части. Правильно!»

Один генерал в отставке написал Библиотеке Конгресса следующие слова (с такими же словами, несомненно, могли бы обратиться к ней многие): «Прилагая список говорящих книг, которые я хотел бы получить, мне хочется сказать вам, что в долгие бессонные ночи, когда старость не дает спать, а слабое зрение не позволяет читать, — я благословляю вас, ваших сотрудников и издателей говорящих книг за то, что вы все помогаете мне переносить эти бесконечно долгие часы. Не бывает ночи, чтобы я не думал о вас с благодарностью».

Мне бы хотелось, чтобы возможно большее число слепых получало такое же удовольствие от говорящих книг, как я.

Бензин из камня

ОЛДЕН П. АРМАНЬЯК

С разрешения журнала «ПОПУЛАР САЙЕНС»

Блестящий, похожий на черное стекло камень стал новым источником добычи бензина. Первый проект соответствующего предприятия, стоимостью в 16.000.000 долларов (64.000.000 руб.), разработан Американской гильсонитной компанией в городе Солт-Лейк-Сити (штат Юта). Добыча, транспортирование и обработка этого своеобразного американского минерала производятся новейшими методами. Предприятие начало работать в текущем году.

Гильсонит — так называется черный минерал — представляет собой замечательную разновидность природного асфальта. Сплошные жилы гильсонита, до шести с половиной метров в ширину и до нескольких десятков метров в глубину, открыты в штате Юта у г. Бонанза, в горах Уинта.

Путем ряда поставленных на опытном заводе экспериментов, удалось найти усовершенствованный способ превращения гильсонита, т. е. твердой массы углеводородов, в бензин с высоким октановым числом и в высококачественный кокс. Такой кокс является ценным сырьем для изготовления больших угольных электродов, применяемых в электропечах при производстве алюминия, легированных сталей и других металлов.

Для добычи хрупкой гильсонитной руды были разработаны единственные в своем роде гидравлические машины. Одна из них, механическая врубная машина, снабжена вращающимися валами, которые ошетилены режущими зубьями с наконечниками из карбидной стали. Другая раздробляет породу струями воды, направленными в трещины под высоким давлением. Извлеченную руду вода гонит по установленным в туннеле забоя желобам к вертикальному шахтному стволу. Затем крупные куски подаются на поверхность подъемником, а мелкие выкачиваются наверх вместе с водой.

На перегонный завод в Колорадо добытая руда поступает, в смеси с водой, по трубопроводу длиной в 112 километров. Трубопровод проходит по горному перевалу, на высоте 2.500 метров над уровнем моря, и по висячим мостам через два ущелья. Поток воды (1000 литров в минуту) гонит измельченную до размеров не больше горошин руду по трубам диаметром в 15 сантиметров. На перегонном заводе руда подвергается новому способу термической обработки, превращающей ее в бензин и кокс.

ОПЕРЫ МОЦАРТА

Цветные фото с разрешения журнала «ЛАЙФ»

Вольфганг Амадей Моцарт, каким он выглядел лет двадцати пяти.

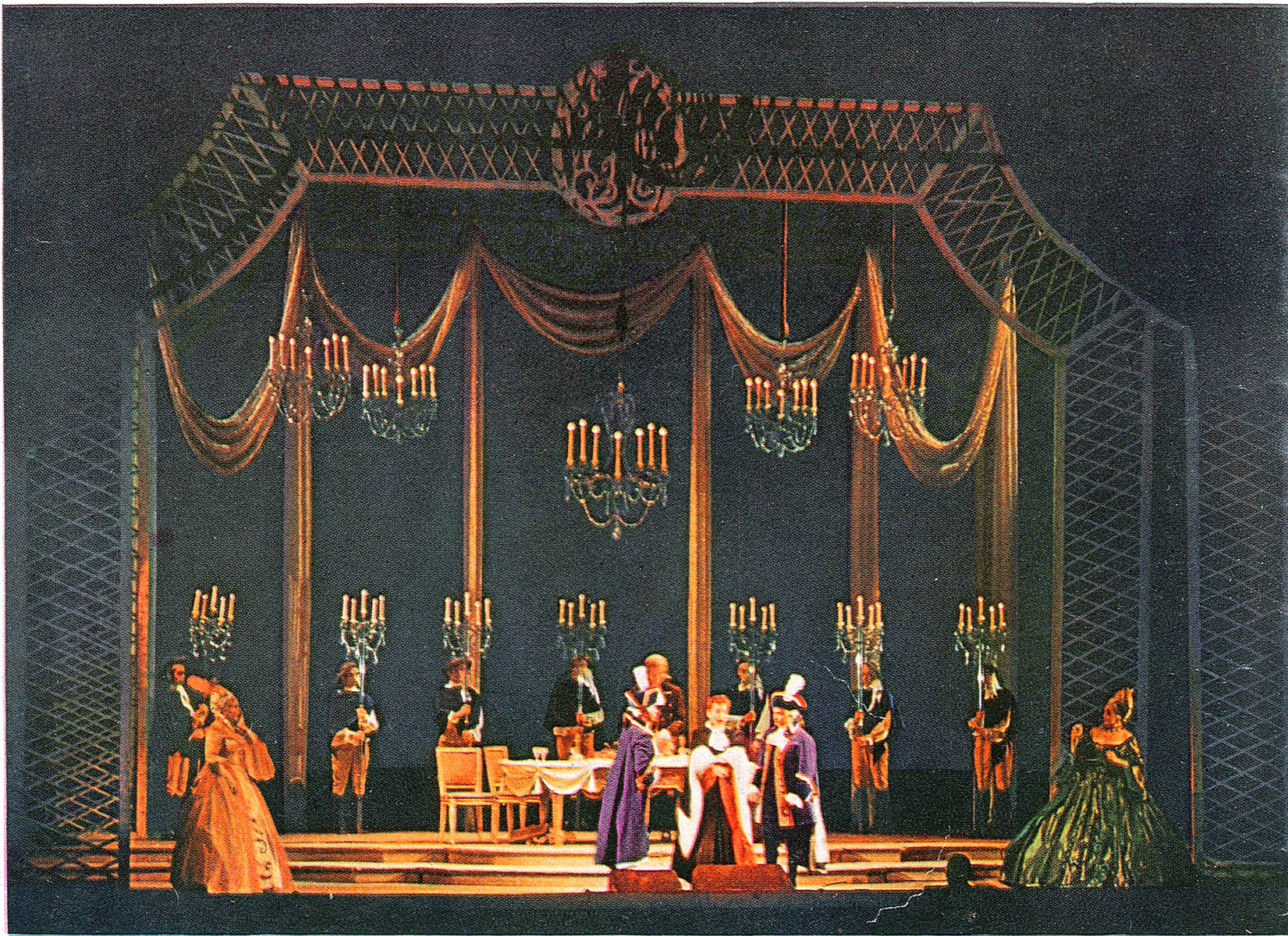
Вместе со всем миром, Соединенные Штаты отметили 200-летие со дня рождения Моцарта

Оперные спектакли были во многих американских больших и малых городах гвоздем празднования 200-летия со дня рождения Моцарта. Оркестры и камерные ансамбли провели по всей стране моцартовские фестивали и моцартовские недели (один только Нью-Йоркский филармонический оркестр дал пятьдесят концертов, на которых исполнил двадцать два произведения прославленного композитора), но прелесть и блеск моцартовских опер, воплощенные в таких великолепных достижениях музыкального искусства, как «Дон Жуан», не имеют себе равных, и именно оперы Мо-

царта пользовались наибольшим успехом в дни юбилейных торжеств.

Успех этот был вынесен на гребне волны все растущего увлечения оперным искусством вообще, увлечения, охватившего музыкальный мир послевоенной Америки. Начиная с самых почтенных оперных сцен — таких, как нью-йоркская «Метрополитэн-опера», чикагская «Лирическая опера», филладельфийская «Гранд-опера» и опера в Сан-Франциско, — и кончая любительскими труппами, выступавшими в школьных и спортивных залах, — одиннадцать опер Моцарта прошли 416 раз.

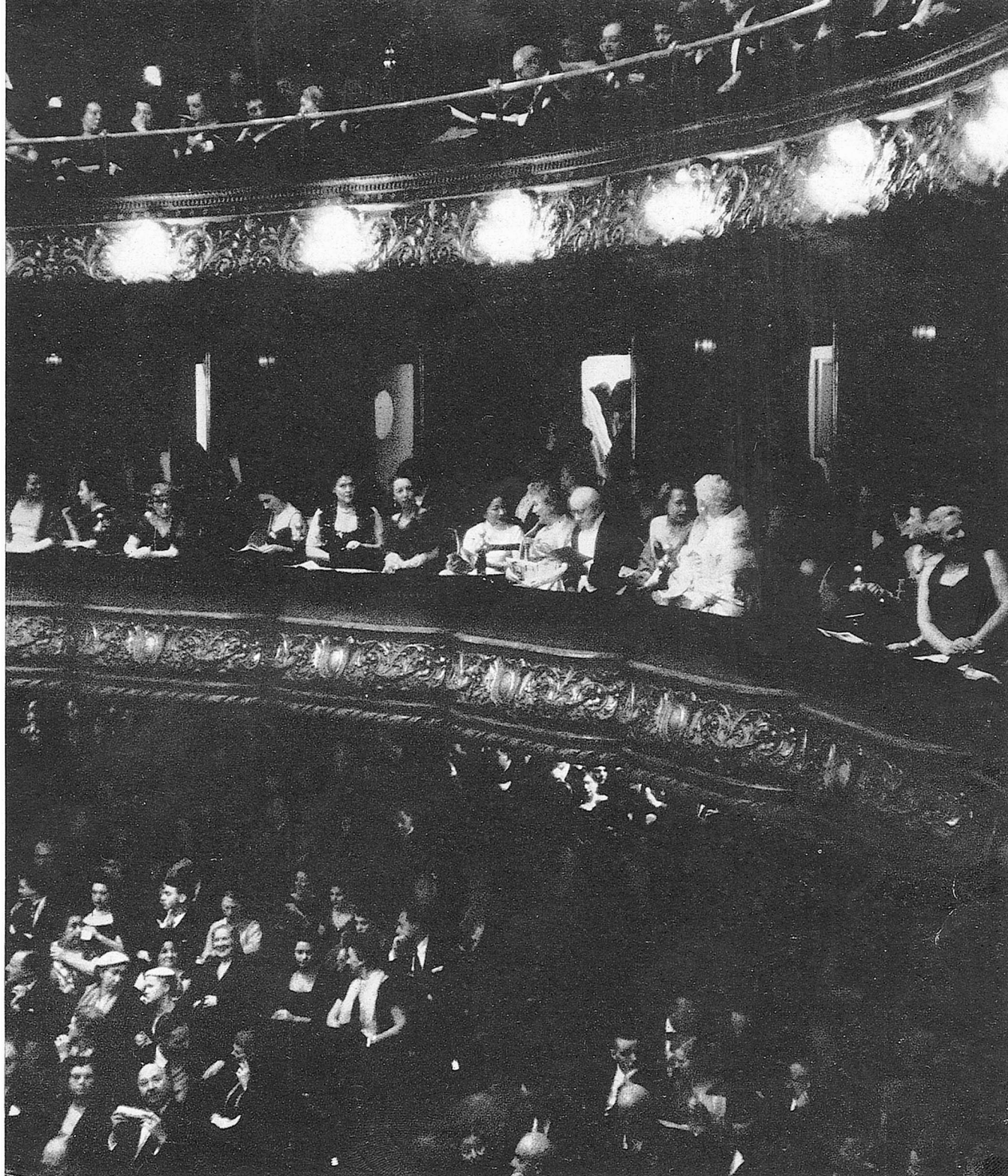
Юбилейная постановка «Cosi fan tutte» в «Метрополитэн-опера» (где в 1922 г. состоялась американская премьера этой оперы) шла всегда при переполненном зале.

«Волшебная флейта» в «Метрополитэн». Около 6.000.000 зрителей в США видели в 1956 году единственное передававшееся по телевидению представление этой оперы.

Лучшая
хвала
Моцарту —
его музыка

Переполненный зал театра «Метрополитэн-опера» шумит в ожидании выхода Бруно Вальтера, дирижировавшего первым представлением «Волшебной флейты».

«Метрополитэн-опера» — самый знаменитый из оперных театров Соединенных Штатов — с большим размахом отметил двухсотлетний юбилей, поставив три оперы Моцарта: «Свадьбу Фигаро», премьера которой состоялась 27 января 1956 г., в день рождения композитора, «Все они таковы» («Cosi fan tutte») и «Волшебную флейту». Каждая из этих опер прошла шесть раз в течение сезона, при неизменно переполненном зале, вмещающем 3.316 зрителей. Две оперы — неувядаемая, вечно популярная «Свадьба Фигаро» и «Все они таковы» — остались в репертуаре и на следующий сезон 1956-57 г. Новую постановку «Дон Жуана» увидят зрители в первые недели сезона 1957-58 г., и в этом же сезоне балагур и шутник Фигаро будет не раз увеселять зрителей.

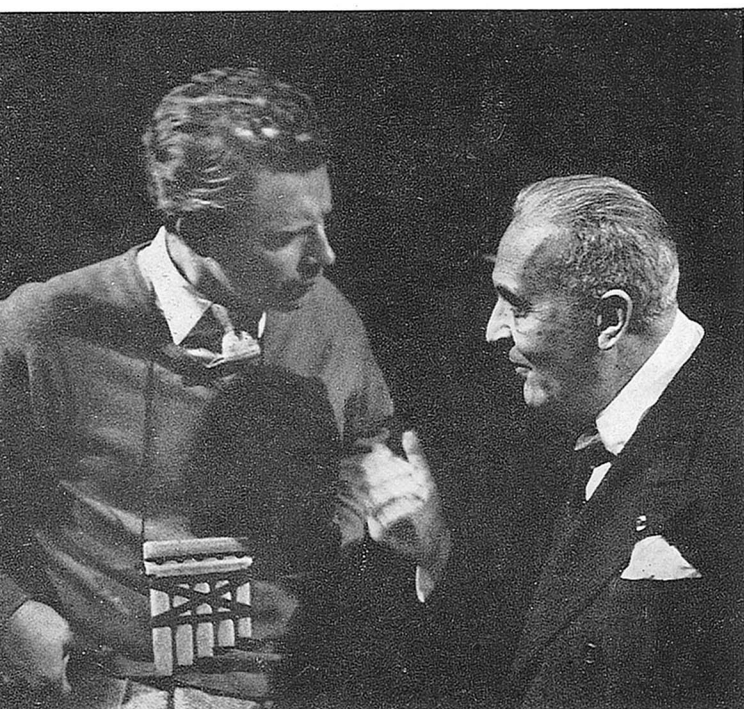
Студенты и вообще все, кто не достал нумерованных билетов на «Волшебную флейту» и у кого много свободного времени, стоят в очереди за входными билетами в день спектакля.

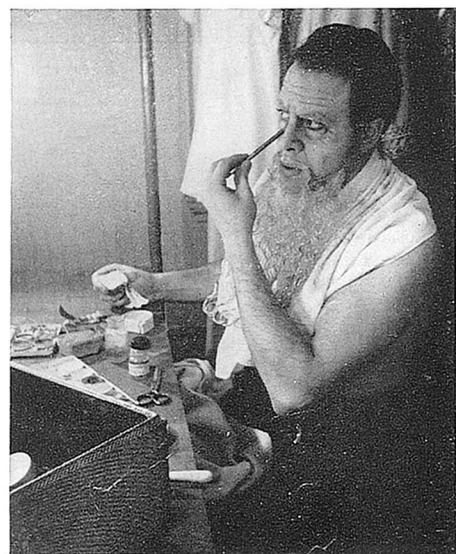

Репетиция «Волшебной флейты» в «Метрополитэн-опера». Направо — та же сцена во время спектакля.

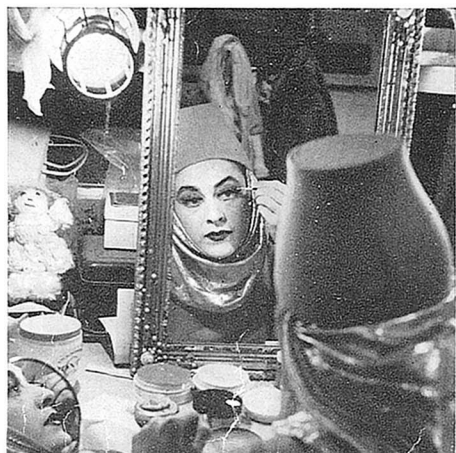
Дирижер Бруно Вальтер дает указания Теодору Эппману — Папагено.

Участвующие в спектакле гримируются перед премьерой.

Центральным событием юбилейного года была совершенно новая постановка «Волшебной флейты» в театре «Метрополитэн-опера». Эта последняя по времени создания опера Моцарта кажется особенно подходящей для чествования памяти композитора. В ней и прекрасная простота моцартовской музыки зрелого периода, и трогательность, редкая даже в его оперном творчестве, и поток мелодий, воспринимаемых некоторыми взволнованными слушателями как его духовное завещание. Безмятежная ясность моцартовской любви к человечеству говорит нам, что, быть может, не одного только героя «Волшебной флейты» наградили боги музыкальным даром в защиту от суровых жизненных испытаний.

«Волшебная флейта» в «Метрополитэн»

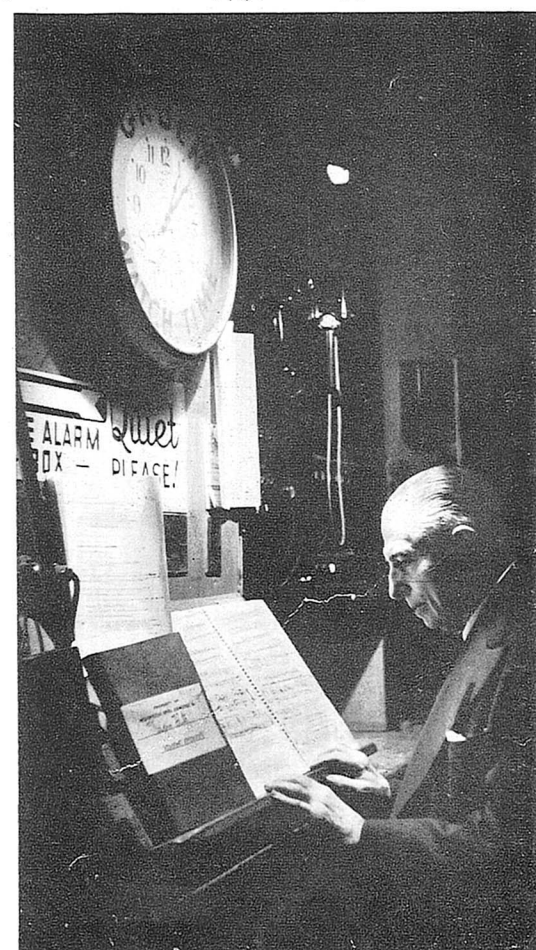

Те же участвующие в костюмах. Папагено умиротворяет мстительного Моностатоса и его приспешников своими волшебными колокольчиками. Слева — Памина.

Из-за кулис он управляет занавесом и звуковыми эффектами.

Экономя каждую секунду, рабочие убирают площадку вместе с артистами.

ХИМИЯ ЧЕЛОВЕКА

Д-р Роджер Дж. Уилльямс

С разрешения журнала «САТЕРДЭЙ РЕВЬЮ»

ОТ РЕДАКЦИИ. Вопрос о единообразии людей обычно обсуждался в психологическом и политическом плане. Однако, с точки зрения химии человека, основным законом жизни является не общность, а индивидуальность. Об этом убедительно говорит статья директора Биохимического института при Техасском университете, доктора Роджера Дж. Уилльямса. Статья извлечена из его книги «Биохимическая индивидуальность» (авт. права: изд-во «Джон Уайли энд сонс», 1956 г.). Пользуясь широкой поддержкой Клейтонского фонда для научных исследований (в Хьюстоне, Техас), д-р Уилльямс собирал данные в течение 18 лет. Ниже он приводит их в доказательство того, что сама природа не позволяет нам, в конечном счете, быть ничем иным, кроме нас самих. Авторитетный ученый, президент Американского химического общества, д-р Уилльямс обосновывает создание новой науки — химической антропологии.

«Человек все в состоянии понять — и как трепещет эфир, и что на солнце происходит; а как другой человек может иначе сморкаться, чем он сам сморкается, этого он понять не в состоянии».

Этими словами Тургенев правильно подчеркнул уязвимое место науки. С присущим художнику даром проникновения в скрытые истины, он интуитивно угадывал, что стремление к обобщениям и к установлению таким путем законов природы может помешать нам оценить различия, которые делают каждого из нас индивидуальностью.

Без обобщений и законов нет науки. В интересах развития биологии было бы, повидимому, чрезвычайно желательно сформулировать действительно убедительные обобщения, охватывающие все человечество, всех млекопитающих, все особи любой биологической группы. Не случайно поэтому в науках, имеющих главным объектом человека и непосредственно связанных с медициной, проявляется усиленная тенденция сконцентрировать внимание на так называемом «нормальном человеке», т. е. на существе, к которому можно применить все обобщения. Почти во всех трудах, имеющих отношение к физиологии, биохимии, фармакологии или физиологической психологии, говорится именно о таком «нормальном человеке» и его реакциях. Присущие каждому индивидууму отклонения, несмотря на всю их важность, в большинстве случаев игнорируются.

Лично я особенно заинтересовался этим вопросом свыше двадцати лет назад, когда путем лабораторных исследований обнаружил следующее: хотя креатин (жизненно важная субстанция, содержащаяся в тканях человека) описывается в научной литературе как вещество жгуче-горького вкуса, многие находят его совершенно безвкусным. Примерно в то же время я заметил, что некоторые нормальные во всех других отношениях люди не в состоянии уловить запаха скунса. Прошло уже более десяти лет с тех пор, как я начал проникаться убеждением, что различия между людьми (как и сходство) должны получить надлежащее освещение, ввиду их громадного значения для решения многих проблем.

Чтобы уместность моей гипотезы стала яснее, представим себе группу из десяти человек. У всех у них приблизительно один и тот же средний рост и размер ноги, среднее количество волос на голове, средняя склонность к полноте и к алкогольным напиткам; нет среди этих людей со среднего типа хрусталиком в глазах ни близоруких, ни дальнозорких, и, наконец, все они отличаются приблизительно средним половым влечением, средними эмоциональными реакциями, обычным пищеварительным трактом и средними зубами.

Люди, принадлежащие к этой группе, легко найдут в гостинице кровать подходящего размера и без труда купят себе ботинки по ноге; проблема поддержания в порядке зубов их не тревожит; проблема психического здоровья может совсем отсутствовать; проблем тучности, облысения, алкоголизма, половых извращений, близорукости, дальнозоркости или желудочных расстройств фактически для них не существует.

Но похоже ли реальное человечество на этот вымышленный пример? Или люди, которые на самом деле окружают вас, ближе к другой гипотетической группе, тоже из десяти человек и тоже средних или близких к средним, но средних по-другому? Один из этих десяти ростом в два метра, у другого длинная и очень

узкая ступня, третий очень тучен, и ему трудно похудеть, четвертый совершенно лыс, пятый — алкоголик, шестой страдает повышенным половым влечением, седьмой близорук, восьмой раздражителен и склонен к депрессии, у девятого плохое пищеварение, у десятого очень скверные зубы.

Я почти уверен, что многие медицинские и другие вопросы, связанные с человеком, возникают вследствие того, что именно эта вторая группа приближается к реально существующему человечеству и типична для него. Во всяком случае, учесть эту возможность, по моему, очень полезно.

Хотя и древние и современные ученые не раз призывали обратить внимание на индивидуальность и изменчивость как на факторы, особенно связанные с восприимчивостью к болезням, а современные исследователи, кроме того, считают изменчивость важнейшим элементом эволюции, — вопрос о том, в какой мере так называемые нормальные люди разнятся между собою, все еще сравнительно мало изучен. Насколько мне известно, никакой попытки собрать воедино имеющиеся биохимические данные о нормальных отклонениях до сих пор не предпринималось.

Заглянув в библиографические справочники и указатели, мы убедимся, что ничего существенного под рубрикой «изменчивость» они не содержат. Вследствие того, что многие относящиеся к этому вопросу наблюдения делались людьми, мало заинтересованными в индивидуальности как таковой или даже вовсе ею не интересующимися, собрать вполне систематизированный материал было невозможно. И тем не менее, я убежден в правильности моих соображений. В частности, одно из моих наблюдений, вероятно, было бы особенно интересно для Тургенева. Оно касается гайморовой полости (верхнечелюстных синусов).

Изучение рентгеновских снимков, которые на протяжении нескольких лет делались с двух детей, показало, как сильно изменяются синусы с возрастом. Оказывается, нет ничего необычного в том, что емкость верхнечелюстных и лобных пазух одного нормального ребенка в двадцать раз превосходит их емкость у другого нормального ребенка. Такое различие в структуре синусов не может не сопровождаться соответствующими изменениями и в строении носоглотки. А своеобразием дыхательного аппарата человека, в свою очередь, определяется то, как он дышит, чихает и сморкается.

Если бы все различие между нами состояло в том, как мы сморкаемся, можно было бы с достаточным основанием принять за общий исходный пункт биологии, физиологии, биохимии, психологии, медицины, психиатрии и социологии то, что человечество распадается: 1) на громадное большинство, обладающее нормальными признаками, и 2) на незначительно меньшинство, настолько далеко отклоняющееся от нормы, что его можно признать аномальным. Эта точка зрения гораздо чаще молчаливо подразумевается, чем высказывается, и находит подтверждение хотя бы в следующем: когда акушер сообщает матери, что ее новорожденный ребенок «нормален во всех отношениях», все чувствуют себя счастливыми; когда же ребенка приходится объявить физически ненормальным, это воспринимается близкими как несчастье.

Наиболее приемлемая демаркационная линия между нормальностью и аномальностью проходит в биологии на уровне 95 процентов.

Это значит, что все признаки, не принадлежащие к числу тех, которыми обладают 95 процентов людей, могут рассматриваться как отклонение от нормы. Если мы принадлежим к тем 95 процентам людей, которые сморкаются определенным образом, — мы нормальны; все принадлежащие к остальным пяти процентам — ненормальны.

Однако, когда мы от анатомии носа переходим к другим различиям, которые нельзя просто математически вывести из этой анатомии, — сказать о том, кто из нас нормален, а кто нет, становится много труднее. Если 95 процентов людей нормальны, когда сравнивается лишь один признак, то при сравнении двух признаков число нормальных будет составлять лишь 90 процентов, при сравнении десяти — 60 процентов; если же взять за единицу измерения сто признаков, число нормальных будет составлять немногим больше полупроцента.

Люди как индивидуумы никогда не подвергались достаточно полному сравнительному изучению в различных плоскостях, чтобы можно было сделать решающие выводы. Для восполнения пробела я предлагаю использовать химию. При этом вовсе не обязательно пренебрегать физической или социальной антропологией — их следует лишь дополнить новой отраслью знания — химической антропологией или антропхимией. Такая наука сделает возможным новое, более углубленное изучение природы человека и, на мой взгляд, будет больше способствовать нашему самопониманию и решению проблем, касающихся человека, чем физическая и социальная антропология, взятые вместе или порознь. Наличие в каждом человеке громадного количества таких свойств, которые потенциально можно считать измеримыми (с помощью уже известных, а также пока еще и неизвестных методов), позволяет принять как рабочую гипотезу то положение, что *в известных отношениях каждый человек представляет собой отклонение от нормы.*

Начав с различий в анатомии носа и кратко проследив различия в строении синусов и горла, пойдем дальше и рассмотрим весь процесс дыхания. То обстоятельство, что анатомия легких тоже весьма различна, лучше всего, быть может, обнаруживается при изучении их функциональной деятельности у здоровых субъектов. При обследовании 209 здоровых молодых людей было найдено, что среднее количество обмениваемого воздуха (т. е. поступающего в легкие и выходящего из них при обыкновенном спокойном дыхании) варьируется от 350 до 1.299 кубических сантиметров, а вентиляция — от 3,5 до 14,4 литра в минуту. Частота дыхания колеблется в пределах 4–20,9 вдыханий и выдыханий в минуту. Хотя это скорее физиологические, чем анатомические данные, они, повидимому, отражают существенные анатомические различия в легких.

Легкие снабжают организм кислородом и удаляют из него углекислоту с помощью сердца. Элементарная анатомия учит, что сердце представляет собой насос, построенный по чрезвычайно простому образцу. При этом, если не считать явных «ненормальностей», допускаются лишь самые незначительные отклонения от среднего. В действительности же, строение сердечных клапанов настолько различно, что возникает сомнение: с одним ли биологическим видом мы имеем дело? Анатомические различия сопровождаются функцио-

нальными. Изучение 182 нормальных молодых людей показало, что число сердечных сокращений колеблется от 45 до 105 в минуту. Нагнетательная мощность сердца варьируется от 3,16 до 10,81 литров крови в минуту. Больше того: значительные различия имеются и в строении кровеносной системы, как в смысле размеров отдельных сосудов (величины просвета), так и в смысле их распределения в организме.

Можно предположить, что главные артерии, отходящие от аорты (которая, в свою очередь, выходит прямо из сердца), ответвляются, примерно, одинаково и имеют, в общем, одинаковое строение. Но это не так. Прежде всего, самое число артерий, отходящих непосредственно от дуги аорты, различно: их может быть две, три или четыре. Кроме того, каждая отдельно взятая артерия имеет у различных лиц разный просвет, вследствие чего пропускная способность кровеносных сосудов у одного субъекта может быть в три раза больше, чем у другого. Из этого следует, что организмы людей должны сильно различаться в смысле относительного (и абсолютного) снабжения кровью их отдельных частей, тканей и органов, в том числе и самого сердца. А метаболизм (обмен веществ) в любой части тела зависит от количества и качества получаемой ею крови.

Однако и самый состав крови подвержен большим колебаниям. Некоторые форменные элементы (виды клеток), встречающиеся в относительном изобилии в крови одних индивидуумов, почти отсутствуют в крови других. И у каждого организма в крови имеется особое, присущее только ему, количество минеральных веществ, ионов, аминокислот и витаминов.

Кровь питает организм лишь в зависимости от того, сколько и какого качества питательных веществ сама она получает из пищеварительного аппарата. Работа этого аппарата начинается с акта глотания. При прочих равных условиях, глотание тем легче, чем шире пищевод. Поэтому люди с узким пищеводом должны, очевидно, есть медленнее; им трудно проглотить большую пилюлю или желудочный зонд в кабинете врача. Усилие, которое они при этом должны приложить, бывает, видимо, значительным, так как поперечное сечение пищевода у некоторых лиц может быть в четыре раза меньше, чем у других.

Следуя дальше, мы убеждаемся, что величина и форма желудка также подвержены значительным индивидуальным колебаниям. Один желудок переваривает пищу быстрее другого. Да и самое положение желудка у разных лиц различно: его дно может находиться на расстоянии 2,5–22,5 сантиметров от грудины (точнее, от мечевидного отростка грудной кости). Величина и положение печени (функции которой тесно связаны с пищеварением, усвоением и обменом веществ) также чрезвычайно неоднородны. Наконец, изгибы кишечника тоже соответственно разнятся, а поперечная ободочная кишка может проходить как на уровне грудной кости, так и в любом другом месте, до 30 сантиметров вниз от нее. Важнейшие пищеварительные соки по-разному циркулируют в человеческом организме, и концентрация их тоже различна у разных людей. Что касается слюны, то уже давно известно, как индивидуальна она по составу и по свойствам. И, наконец, хотя вопрос усиленно изучается уже в течение четверти века, и однажды за его решение была

даже предложена премия в 15.000 долларов, никто до сих пор не мог точно определить количество витамина «А», необходимого для правильного питания большинства людей.

Упор, который до сих пор делался на «нормального человека», мешал нам разглядеть связь, существующую между указанными мною «отклонениями». У исследователей нередко наблюдается тенденция пренебрегать такими данными как ошибочными, когда наблюдения слишком отклоняются от ожидаемых результатов или никак не укладываются в норму. Многие считают, что имеют полное право не принимать в расчет один анализ из пятидесяти, если он не совпадает с остальными. В некоторых случаях совершенно правильные экспериментальные данные бракуются только потому, что выводы чересчур расходятся с тем, что «могло бы иметь смысл».

Если моя гипотеза правильна, необходимо взвешивать каждое наблюдение как потенциально важное. Поступать иначе — значит просто игнорировать бесконечные напоминания матери-природы. Присмотритесь к тому, как во время обеда каждый выбирает себе то блюдо, которое ему нравится и солиг его по своему вкусу. Присмотритесь, как различно действует на людей алкоголь: один дремлет, другого охватывает печаль, третий весел, четвертый лезет в драку. Побочные действия наркотиков просто бесконечны. Реакции на боль, жару, холод, электрический шок и половое возбуждение так же многообразны, как и люди, которые эти реакции проявляют. Кожа, кроме цвета, может различаться и многим другим. Железы внутренней секреции, вырабатывающие гормоны роста и половые гормоны, варьируясь у разных людей по форме и величине, вырабатывают разные количества секрета. Даже процент кальция в пуговине различен у разных индивидуумов.

Генетики сходятся на том, что наследственные признаки есть не что иное, как ряд физических и душевных способностей, позволяющих организму отзываться на многообразие окружающей среды. В этом смысле важнейшей особенностью механизма наследственности являются так называемые «парциальные (неполные) генетические блоки». Многие ученые, работающие в области биохимической генетики, склонны думать, что неполные генетические блоки — скорее правило, чем исключение. Передавая организму по наследству потенциальную способность к эффективным химическим реакциям, неполные генетические блоки вместе с тем передают ему и потенциальную способность при определенных условиях реагировать менее эффективно. Два авторитетных генетика, Р. П. Вагнер и Г. К. Митчелл, говорят по этому поводу следующее: «Хотя мутация возникает внезапно, она может отличаться изменениями почти любой величины — от таких, которые едва уловимы с помощью имеющихся у нас средств, до столь значительных, что клетка гибнет».

И здесь мне хочется обратить внимание читателя на то, что я, за недостатком лучшего термина, назову *принципом генетического градиента*. В самых общих чертах этот принцип можно сформулировать так: когда генетическая индивидуальность проявляется особенно ярко в одном организме, это (при отсутствии доказательств противного) означает, что такие же генетические признаки имеются и в других организмах того же типа, но что они менее изменчивы и выражены менее ярко.

Исходя из этого принципа, мы должны предполагать, что у разных людей могут быть различны не только химические реакции организма в целом, но и эффективность химических реакций, протекающих в любом отдельном органе и в тканях. Выработка каждого пищеварительного фермента, а также ферментов фосфорного комплекса, необходимых для всасывания питательных веществ (и для многих других процессов), очевидно, тоже неодинакова. Больше того: может случиться, что ферменты фосфорного комплекса будут отличаться большей концентрацией («крепостью») в стенках кишечника у субъекта номер один и слабой у субъекта номер два, и те же самые ферменты в почках у субъекта номер два будут «крепкими», а у субъекта номер один «слабыми». Все это разнообразие говорит о том, что характер и степень различий между людьми могут быть просто безграничными.

Если оплодотворенное яйцо по своему генетическому составу слишком отличается от окружающей среды, это яйцо не развивается. Если, в эмбриональной стадии, среда не может удовлетворить каких-либо потребностей данного яйца — оно или погибает, или же отдельные органы и функции организма не получают достаточного развития. Если индивидуум в детстве не получает полностью питания, в котором он нуждается, обмен веществ соответственно нарушается, рост замедляется или идет по неправильному пути. Если взрослый человек — по неведению или по иным причинам — не придерживается диеты, обусловленной индивидуальными потребностями его организма, он причиняет себе ущерб, который может повлечь за собой болезни или предрасположение к ним. По мере того как человек стареет, некоторые его органы и ткани, в зависимости от их генотипа, т. е. от характерных особенностей и слабостей, дряхлеют раньше, чем другие.

Все сказанное может навести на мысль о том, что восприимчивость к инфекции и болезням, а также уродство и вырождение — предопределены и являются неизбежным следствием генетической структуры клетки в оплодотворенном яйце. Но справедливо как раз обратное. Очевидно можно, — по крайней мере, теоретически, — удовлетворить даже необычные потребности почти каждого развивающегося яйца, *если только эти потребности известны*. А раз они известны и соответствующим образом удовлетворяются не только в эмбриональной стадии, но и в течение всей жизни, — развитие пойдет нормально, несмотря на неблагоприятное строение организма и неполные генетические блоки, увеличивающие специфические потребности организма. В этом случае никаких отклонений от нормы ни в детстве, ни в зрелом возрасте, ни к старости не будет, и человек полностью проживет положенные ему годы.

Вплоть до наших дней наука о питании занималась тем, что приложимо *ко всем людям*. Однако, если изложенный здесь генетрофический принцип правилен и действительно так важен, как указывают приведенные данные, наука о питании в ближайшие десятилетия должна будет уделять все большее и большее внимание изучению и удовлетворению *индивидуальных* нужд — тех нужд, которые, не охватывая количественно всего человечества, имеют, однако, очень большое, даже решающее значение для отдельных личностей.

Возможно, что важнейшую роль в изучении биохимической индивидуальности сыграет

приложение науки о питании к лечению душевных болезней. Из наблюдений и опыта известно, что голод вообще стимулирует невроты и даже психопатические явления. Если наша концепция индивидуальности верна, следует ожидать, что каждый вид голодного режима должен по-разному влиять на различных лиц. Так оно и есть в действительности. Опыты показали, что полуголодная диета действует на одних людей гораздо сильнее, чем на других, в результате чего были отмечены разные формы психоневроза.

Однако, еще более показателен тот хорошо известный факт, что недостаток ниацина (никотиновой кислоты) ведет к явно выраженным психозам, и что, когда этот недостаток возмещается, симптомы душевной болезни немедленно идут на убыль. Не подлежит сомнению, что в этом случае в клеточках мозга, вследствие отсутствия необходимого строительного материала, образуется недостаток ферментов, влекущий за собой нарушение обмена веществ в мозгу. Недостаток тиамина (витамина «В») также влечет за собой психоневрозы — депрессию, раздражительность, чувство тревоги, повышенную чувствительность к шуму и к возбудителям боли. Во всех таких случаях психические симптомы устраняются или предупреждаются введением витамина «В» в нужном количестве. Здесь перед нами снова пример того, как душевное заболевание, вызванное недостатком питания, излечивается введением в организм соответствующего количества недостающего вещества.

Что бы ни происходило при голодании в других частях организма, мозг сохраняет присущую ему пропорцию веществ и, по видимому, их обмен. Обмен веществ в мозгу протекает, по меньшей мере, в десять раз интенсивнее, чем в любой другой ткани, в том числе и в костях. Мозг питается кровью особого состава, у него — свои выделения и свои яды, вроде наркотиков и тому подобного, и он может испытывать недостаток особых, необходимых лишь ему, веществ, причем даже самые проявления этого недостатка будут своеобразны. Вот еще одна область, где следует искать источников различия характеров и складов ума.

В общем, формула может быть сведена к следующему: 1) изберите болезнь, этиология которой неизвестна, например шизофрению; 2) исследуйте анатомические и метаболические особенности, которыми может сопровождаться эта болезнь или предрасположение к ней; 3) применяя генетрофический принцип, постарайтесь улучшить условия.

Подобный подход к душевному заболеванию предполагает методику, которой пренебрегают из-за недостатка *углубленного внимания к индивидуальным — анатомическим, физиологическим и биохимическим — различиям между людьми*.

То, что я говорю, не расходится, на мой взгляд, с господствующим в настоящее время направлением в американской психиатрии. Физико-химические источники душевных заболеваний получают все более и более широкое признание. В настоящее время считается, что три пятых таких заболеваний происходят на органической основе. Декан Факультета народного здравоохранения Гарвардского университета, Симмонс говорит: «При нашем современном увлечении психологическими теориями и неясными для нас самих влияниями окружающей среды, мы занимаемся в большинстве случаев тем, что является скорее поводом для душевных болезней или их второстепенными причинами... Почему бы нам, с

гораздо большей пользой для дела, не постараться обнаружить и устранить истинные — биологические — причины этих болезней?»

Мышцы человеческой руки также могут служить показателем того, как далеко простирается социальное значение биохимической индивидуальности. Нередко думают, что руки — это своего рода стандартное орудие, данное природой каждому нормальному человеку. Но на самом деле руки не у всех устроены и работают одинаково. Расположение мускулов, нервов и сухожилий бывает весьма различно. Но если бы даже этих различий не существовало, все равно факт остается фактом, что нервные импульсы передаются с неодинаковой скоростью. Можно дать детям один и тот же букварь и обучать их письму совершенно одинаковым методом, и все-таки, в конце концов, каждый будет писать по-своему, потому что у каждого руки и, в частности, нервные связи устроены по-другому. Некоторым вообще чрезвычайно трудно научиться разборчивому письму, что, однако, ничуть не умаляет их способностей в других областях.

Из этого, мне кажется, нужно сделать тот вывод, что *очень искусные часовщики, машинистки, скрипачи, пианисты, лаборанты, механики, хирурги, массажисты и фокусники по-видимому не только рождаются, но и создаются*. Невозможно достичь выдающегося успеха в указанных областях, не обладая руками необходимого анатомического и неврологического строения, независимо от прочих дарований, но нельзя и стать специалистом в этих профессиях без обучения и практики. С точки зрения экономии человеческих ресурсов было бы необходимо, чтобы люди, обладающие соответствующими физическими данными, получали надлежащее обучение.

Интересно, что мы, в сущности, уже пользуемся принципом биохимической индивидуальности в отношении того органа, на который больше всего полагаемся при воспитании окружающего мира. Я имею в виду глаза. Мы покупаем очки, которые часто не представляют ни малейшей ценности ни для кого, кроме того, кому были прописаны. Поступая таким образом, мы вовсе не отвергаем традиционных научных сообщений в отношении зрения. Поскольку нам предстоит еще узнать многое о самых его основах, постольку весьма желательно, чтобы те, кто находит эту область интересной, продолжали увлекательные попытки найти ответ не общего характера. Но когда дело касается того, чтобы применить наши знания о зрении к практической цели исправления человеческих глаз, — биологическая индивидуальность выступает на первый план. Это правило приложимо к любой области человеческой жизни.

Изложенная выше точка зрения может оказать благотворное влияние не только на биологию и медицину. Результаты, надо полагать, будут использованы также антропологией, психологией, педиатрией, педагогикой и даже богословием, коммерцией, законодательством и политическими науками. Но все это выходит за рамки настоящей статьи. Точно также, по недостатку места, автор может только посоветовать подойти по-новому к разгадке ряда других заманчивых тайн, вроде, например, того, почему собака узнает хозяина по запаху, или почему один человек привлекает комаров, а другой нет, или — как сказал бы Тургенев — почему хозяин собаки, у которой водятся блохи, понимает человека, который сам страдает от блох.

Старшая сестра

Фото Лу Джекобса

С разрешения журнала «ЛУК»

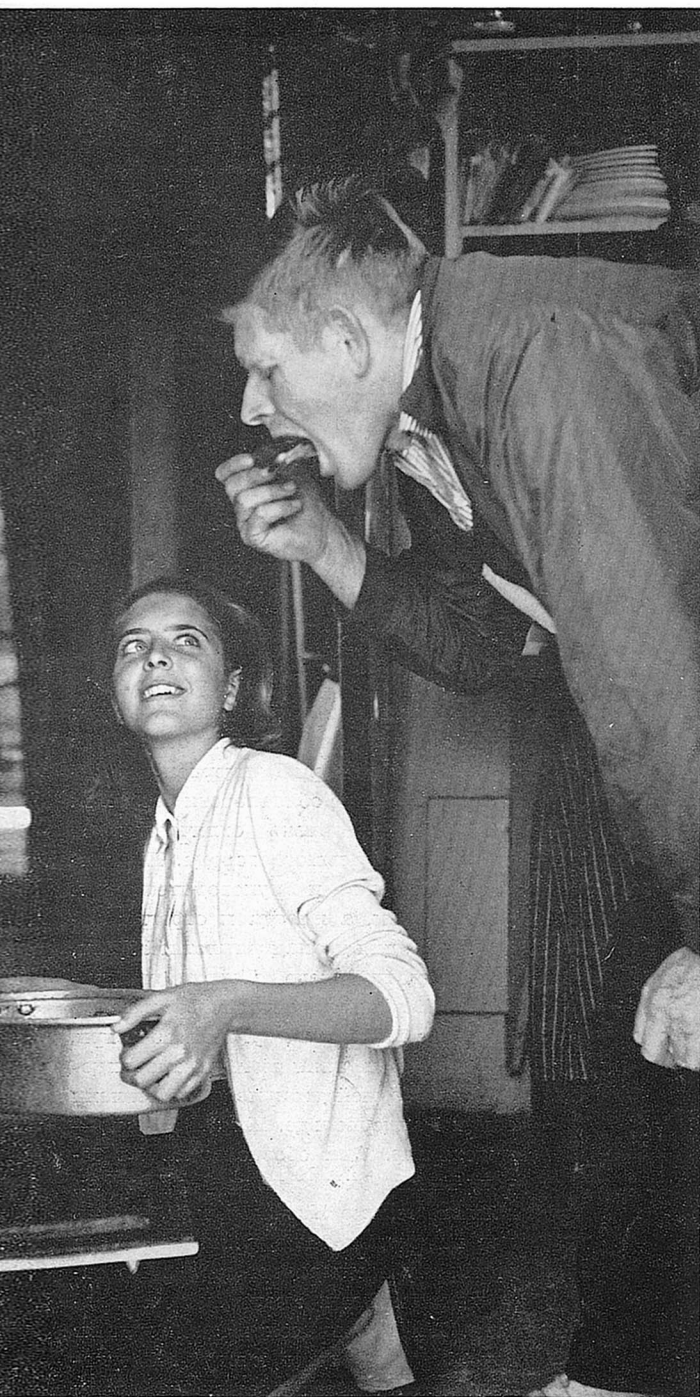
Тринадцатилетняя Джанни — самая старшая из семи резвых отпрысков Генри и Марджори Вандервельде. Исполняя трудные обязанности «старшей сестры», она очень отличается от подростков большого города. Ей приходится быть и руководителем, и наставником, а иногда и строгим командиром для двенадцатилетней Линн, одиннадцатилетнего Терри, девятилетней Берты, семилетней Гейди, четырехлетней Жюли и двухлетнего Генри.

Гекльберри Финн мог бы позавидовать свободной и привольной жизни семьи Вандервельде. И мать и отец — художники. Они обосновались на берегу Тихого Океана, на вершине скалы, немного южнее Лос-Анжелеса. Десять лет назад холодные зимы Мичигана заставили жизнерадостную семью заняться поисками иного местожительства. Им понравился мягкий климат Калифорнии, и здесь, к югу от Лагуна-Бич, Генри Вандервельде построил свой дом. Семья чувствует себя отлично в обстановке полной простоты и наслаждается работой, здоровой жизнью на открытом воздухе и окружающей природой.

Разнясь друг от друга по возрасту приблизительно на два года, дети Вандервельде излучают здоровье и жизнерадостность.

Любительница всякой новизны, Джанни потчует отца результатами своего кулинарного эксперимента. Большая часть составных элементов рецепта растет тут же, на своем огороде.

Джанни делает покупки умело и бережливо. Она тщательно взвешивает овощи, купленные ею в большом универсальном магазине самообслуживания, в котором семья пополняет свои запасы.

Работа и потеха идут рука об руку

Джанни, как это часто бывает в многодетных семьях, — незаменимая помощница матери. Она исполняет свою работу с той естественной сноровкой, которая приобретается в доме, где всегда есть малютки. Когда она не в школе, а дома, ей приходится кормить младшего члена семьи Генри, наблюдать за разнообразными занятиями Линн и Терри или же развлекать маленькую Жюли, помогая ей разыскивать морские звезды на пляже.

Как и ее родители, Джанни — художница и так же, как и они, совершенно чужда модернизма. Мать ее, много путешествовавшая по Европе, специализируется на портретах. Отец, в кажущемся противоречии со своим техническим образованием, полученным в Мичиганском университете, пишет маслом великолепные морские пейзажи, открывающиеся из окон их дома. Сама Джанни предпочитает рисовать кошек и в изобилии растущие повсюду полевые цветы.

Все, чему Джанни незаметно учится в повседневной жизни, станет для нее в будущем бесценным сокровищем: это — терпение в обращении с братьями и сестрами, чувство ответственности, вырабатываемое в тесном общении с родителями, и умение найти выражение своих творческих способностей.

Маленький Генри, беззаботно свисая с рук Джанни, внимательно изучает картину Генри Старшего, на которой с большой экспрессией изображены просторы морского побережья Калифорнии.

Художники должны быть также немножко портными и столярами. На этом снимке мы видим, с какой тщательностью отец, мать и дочь отмеривают куски полотна для деревянных подрамников.

Словно ненасытный птенчик, маленький Генри поглощает арбуз, во время семейной экскурсии на вершину скалы.

Когда наступает день для купанья детей, Джанни с радостью помогает матери скрести весь выводок, от мала до велика. Она моет их с головы до ног, не забывая, конечно, шею и уши.

Гейди и Жюли смертельно хочется спать, но все же они таращат глаза и с захватывающим интересом слушают сказку, которую им перед сном читает Джанни из любимого сборника.

Джанни бежит наперегонки с сестрой-спортсменкой Линн. Дети гордятся тем, что песок на пляже под их домом, построенным на вершине скалы, «самый скрипучий во всем мире».

Дети шалят, но Джанни начеку, однако...

Джанни и сестры скачут на шинных камерах, словно на игрушечных лошадках.

Улаживание мелких семейных раздоров и ссор — одна из обязанностей старшей сестры.

Как по волшебству, Джанни и Линн превращаются из молодых сорванцов в серьезных учениц, когда берутся за свои скрипки, чтобы заняться музыкой перед вечером.

ХОРОШО И ОТДОХНУТЬ

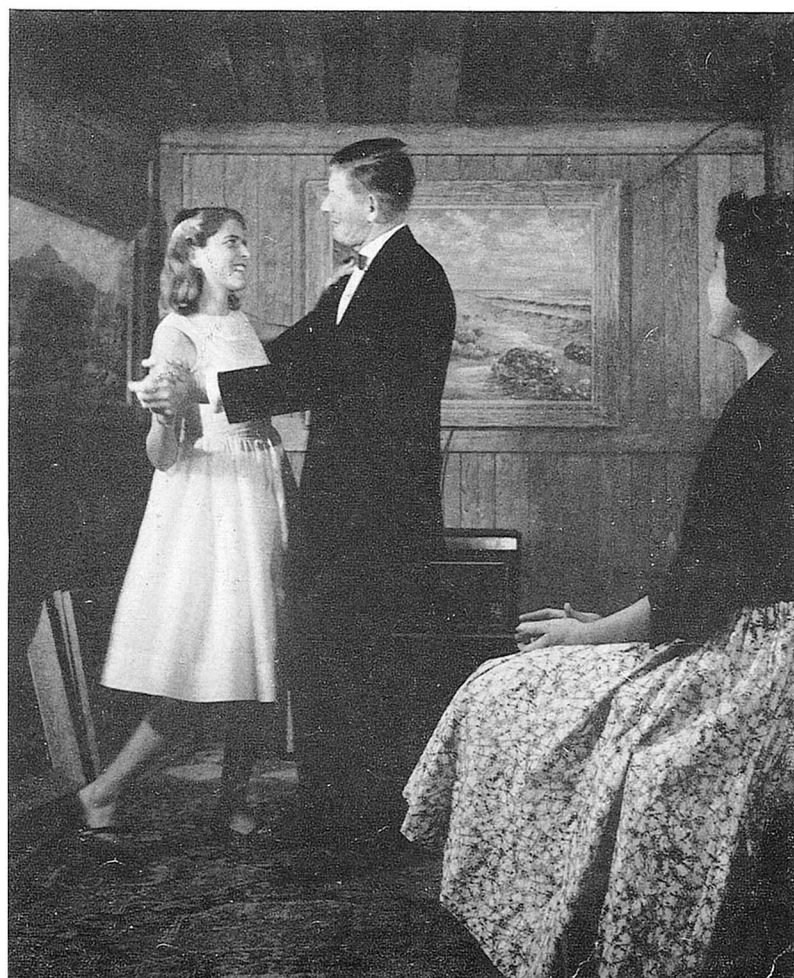
Несмотря на непринужденную атмосферу в доме, Вандервельде деловая семья. Постукивание высоких каблучков означает, по словам Генри Старшего, что его жена отправляется на какое-нибудь собрание. Сам он принимает деятельное участие в местной организации Демократической партии. Джанни и Линн преданно работают в организации герл-скаутов.

Проводя под открытым небом не меньше времени, чем дома, дети Вандервельде отличаются завидным здоровьем и полны энергии. На уступленной соседом четверти гектара земли они выращивают прекрасные урожаи лука, редиски и помидоров, что существенно пополняет семейную кладовую. Рыба, которую они ловят в море, является как бы премией за жизнь на морском берегу.

Братья и сестры, дети и родители образуют сплоченную группу, полную взаимной дружбы и живого творческого обмена идей, касающихся их многочисленных и разнообразных интересов.

Для поддержания в семье дисциплины у Марджори Вандервельде есть единственное в своем роде средство: «Скала плача». Когда кто-либо из детей затевает драку или начинает капризничать, виновника отправляют на большую плоскую скалу у моря, где он может хорошенько обдумать свои неприятности. По словам матери, тишина и уединение скоро приводят ребенка в себя.

Отец с матерью надеются, что Джанни вырастет, следуя своим естественным наклонностям, свободная от жеманства и аффектации. Родители говорят: «Мы чувствуем, что достигли многого: мы добились счастья в семье».

Отец помогает Джанни попрактиковаться перед школьным танцевальным вечером.

Театр Четвертой

Пришло время сказать вам еще об одном элементе или, вернее, условии сценического самочувствия. [...] это артистическая этика, художественная дисциплина и ощущение коллективности в нашей сценической работе.

Все вместе создает артистическую бодрость, готовность к совместному действию. Такое состояние благоприятно для творчества. Я не могу придумать ему названия.

К. С. Станиславский.

В еврейском районе Нью-Йорка, между гаражом и рестораном, приютилось белое оштукатуренное кирпичное здание — Театр Четвертой улицы. В двух шагах от него Четвертую улицу пересекает Второе авеню; поблизости Гринич-Вилледж, приют богемы Нью-Йорка — артистов, музыкантов, художников. В былые дни Второе авеню славилось еврейскими театрами, игравшими на идиш. Теперь здесь опять появилось много маленьких театров камерного типа. Вдалеке от Бродвея, блестящего центра театрального мира Соединенных Штатов, среди шумных, людных улиц, где пахнет кошерными закусками и печеньем, где громкая еврейская речь смешивается со столь же громкой испанской порториканцев, на сцене стало процветать неприкрашенное реалистическое искусство. Сюда стремятся артисты начинающие и старые, знаменитые и неизвестные; их привлекает возможность пощипнуть из сокровищницы драматического искусства, воссоздать забытые роли, участвовать в малоизвестных пьесах. Наибольшими достижениями среди таких малых театров может, пожалуй, похвалиться Театр Четвертой улицы.

Я хотела познакомиться с этими театрами. На Четвертой улице я увидела, примерно на высоте человеческого роста, деревянную вывеску, тянущуюся через весь узкий фасад здания:

ТЕАТР ЧЕТВЕРТОЙ УЛИЦЫ

16 января премьера пьесы Стриндберга
П А С Х А

Участвуют: Филлис Лов, Майкл Хиггинс, Пегги Маккэй, Лоис Холмс, Джоэл Кротерс и Дэвид Росс.

Две фамилии были закрашены и сверху написаны другие — значит, кто-то поссорился и ушел. И не мудрено: помещение театра маленькое, загроможденное, актеры и обслуживающий персонал все время друг у друга на виду, все знают, чем каждый живет и дышит. В такой обстановке можно работать только при полном взаимном понимании.

Железные ступеньки ведут вниз и упираются в дверь. За дверью — большая комната; ее стены выкрашены в бледнозеленый цвет, пол без ковра. Слева у самой двери — билетная касса. На стенах комнаты развешаны большие фотографии без рамок. Это сцены и действующие лица из различных постановок: вот дядя Ваня, вот Ольга, Ирина и Маша, вот Варя и Лопахин. Всего театр поставил пять пьес, из них четыре — Чехова.

Театр открывается около одиннадцати или в начале двенадцатого. Приходит администратор Ал Армстронг и садится в будку-кассу. Перед ним стенной шкафчик с маленькими

Часть зрителей на представлении пьесы «Пасха» выходит в антракте из Театра Четвертой улицы подышать воздухом.

улицы

ФИЛ КАМЕРОН

отделениями, в них разложены коричневые, розовые и голубые билеты. Просматривая почту, Ал отвечает на телефонные звонки.

— Слушаю. Театр Четвертой улицы. Да, да, билеты можно заказывать по телефону. На четверг пока есть билеты в любую цену — в два доллара, два девяносто, три сорок пять. Хорошо, я отложу для вас. Да, билеты мы будем держать для вас до восьми часов в день спектакля.

— Слушаю. Театр Четвертой улицы. Извините, мадам, но мы, как правило, по телефону содержания не рассказываем. Эту пьесу вы можете получить в любой публичной библиотеке.

— Слушаю. Театр Четвертой улицы. Нет, это не комедия. Гм... Право, не могу поручиться, что ваша жена разрыдается. (Господи, чего только люди не спрашивают!).

Дверь распахивается, и в комнату входит высокая пожилая женщина; волосы у нее седые, лицо открытое, типично ирландское.

— Здравствуйте, миссис Латроп! Приятный сюрприз — мы вас сегодня не ждали.

— Доброе утро, Ал! Я и не собиралась, но сегодня в колледже отложили репетицию оперного кружка. Вот я и решила кончить черное платье для Пегги. Ей оно нужно во втором действии.

Миссис Латроп садится за швейную машину, стоящую в глубине комнаты на заваленном столярными инструментами верстаке. Молчать она не умеет — то напевает, то, косясь на игольное ушко, бормочет: «Буду я носить очки! Черта с два!»

Хлопает дверь, и в комнату вваливается какая-то фигура, утонувшая в огромном пальто. Над поднятым воротником красуется всклокоченная лоснящаяся шевелюра цвета воронова крыла, а подбородок оброс двухдневной щетиной того же оттенка. Фигура держит руки в карманах и передвигается странной походкой, словно дергает сама себя за ниточки, привязанные к ногам. Большая голова чем-то напоминает сонного льва.

Э то и есть Дэвид Росс, главное лицо в Театре Четвертой улицы: его основатель, директор, постановщик и иногда актер. Росс, собственно говоря, хотел быть только актером, но сначала ему пришлось заняться всем остальным.

Дэвид Росс вырос в городе Сент-Поле (штат Миннесота). Родители хотели сделать из него раввина и, когда ему исполнилось тринадцать лет, послали учиться в ешиву. Дэвид не захотел быть раввином, уже через год бросил школу и начал учиться игре на

скрипке. Надеясь стать знаменитым музыкантом, он увлекся музыкой, как в свое время увлекался обрядовой торжественностью иудейской веры. Увидев, однако, что перво-классного музыканта из него не выйдет, Дэвид бросил музыку. Поступив в Миннесотский университет, он стал участвовать в работе драмкружка. После университета отец передал ему свое гальванотехническое предприятие. Под руководством Дэвида дело пошло хорошо, но ни предприятие, ни прибыли его не интересовали.

Он искал такое поле деятельности, где бы объединялось все то, что его прельщало и в иудейской вере, и в музыке, и в коммерческом деле. Эти поиски привели его на сцену. Дэвид Росс продал свое дело и переехал в Нью-Йорк, в эту Мекку американского театрального мира. Двадцати семи лет он поступил учеником, чем-то в роде «мальчика на все руки», в легкий театр, то есть пошел тем путем, каким пробивались к славе многие известные артисты и режиссеры. Осенью Россу удалось принять участие в небольшой постановке, но пьеса выдержала всего лишь одно представление.

Дэвид бросился искать работу, начал обивать пороги театров и театральных контор, но безуспешно. Решительно никому он не был нужен. Доведенный бесконечными отказами до белого каления, Росс бросил поиски работы и стал брать уроки драматического искусства у Ли Страсберга, известного в Америке последователя Станиславского. Дэвид не подозревал, что на этом его театральная учеба кончится.

Как-то в жаркий июльский вечер 1954 года Дэвид Росс смотрел пьесу в крохотном театре в доме номер 83 по Четвертой улице.

Сцену заменял простой помост, который примыкал к одной из стен и возвышался над полом всего лишь на полметра. В зале было сто пятьдесят весьма неудобных кресел, по семидесяти пяти с каждой стороны помоста. Примитивные артистические уборные помещались далеко от сцены, все оборудование было убогое. На следующий день Росс заарендовал театрик. Теперь у него было, по крайней мере, место, где выступать.

Выбрав для первой постановки пьесу Анского «Гадибук», написанную по старинной легенде хасидов (одной из иудейских сект), Росс принялся искать режиссера. Он начал переговоры с известными постановщиками — но все, как один, наотрез отказались. Новичок Росс не захотел обращаться к какому-нибудь малоизвестному режиссеру и решил, как это

ни невероятно, поставить пьесу сам. Сперва он собирался играть в ней ведущую роль, но, найдя подходящего артиста, передумал.

— Сначала я искренне надеялся, что никого не найду для главной роли, — признается Росс. — Но теперь я бесконечно рад, что нашел для нее актера. Нельзя самому играть главную роль и в то же время хорошо поставить пьесу.

Взяв на себя второстепенную роль в пьесе, Росс отдал все силы постановке. Он был беден опытом, но богато наделен трудоспособностью и выдержкой и предъявлял самые

суровые требования ко всем своим актерам.

Прежде всего Дэвид повел всю свою труппу в Бруклинскую синагогу сектантов-хасидов, бежавших в Америку в 1941 году.

— Мы надели ермолки, — рассказывает он, — и буквально впитывали в себя красоту и своеобразие службы.

И им удалось воссоздать эту красоту и своеобразие в своем простом маленьком театре. Казалось бы, всё в этой пьесе должно быть непонятно и чуждо современному американцу: сама легенда о девушке, в которую вселился дух умершего человека, бородатые старцы, время и место действия... Но Россу удалось подать пьесу так тепло и просто, что она дошла до зрителя, и ее оценили. Постановка «Гадибук» привлекла к себе всеобщее внимание и вызвала самые лестные отзывы. Ее приветствовали как образец театра в чистом виде.

Затем началось успешное сотрудничество Антона Чехова с Дэвидом Россом. Росс долгое время не любил чеховских пьес, считая их нестерпимыми. Но однажды ему попался перевод Старка Юнга. «Тут, — рассказывает Росс, — они вдруг ожили для меня. В творчестве Чехова я узнал свой жизненный путь: то же чувство жалости, та же борьба, то же понимание... В большинстве английских переводов нет самого Чехова, он тонет в море архаических выражений и напыщенных фраз. Юнг в переводе намеренно пользовался обычными, простыми словами, и ему удалось передать чеховскую ясность, сохранить тот чеховский язык, который так правдиво раскрывает характеры действующих лиц».

Простота и стала самым главным для Росса в постановке чеховских пьес. За сезон 1955-56 года он показал зрителям «Три се-

Зрители (на переднем и заднем плане) сидят по обе стороны от сцены.

стры», «Вишневый сад», «Дядю Ваню» и «Чайку». Росс полностью отказался от претенциозности и дешевых эффектов, обычно искажавших чеховские постановки на английском языке, и подошел к ним с чувством бесконечного уважения, но в то же время без слепого преклонения. Никто в пьесе не переигрывал, все старались предоставить слово самому Чехову. В непосредственной близости от сцены, зрители как бы жили среди чеховских персонажей, а не просто видели, как актеры двигаются и жестикулируют на почтительном расстоянии. Неизменно напол-

нявшие театр зрители находили чеховские постановки трогательными и прекрасными.

Вкус и решительность заменили молодому Россу режиссерский опыт. Газеты писали о нем, как о «чуде с Четвертой улицы». Критики осыпали его и его труппу восторженными похвалами; все четыре постановки были признаны, в общем, замечательным артистическим достижением. Наибольший успех выпал на долю «Дяди Вани», который не сходил со сцены девять месяцев, наименьший — на долю «Чайки», поставленной вслед за «Дядей Ваней».

Днем на Четвертой улице идут репетиции. Артисты начинают сходиться к полудню. Первой, с приветливым «Доброе утро!», появляется спокойная и уравновешенная Лоис, играющая в пьесе роль матери. В каждом ее движении чувствуется тридцатилетний сценический опыт. Работать с ней легко и приятно: она моментально исполняет каждое указание режиссера. Потом, бросив небрежно «Привет!», входит Джоэл — двухметровый, выросший из своего костюма верзила. Он еще учится, ему только пятнадцать лет. Джоэл — копия тех мальчиков, которых он играет на сцене. Затем появляется Майкл, серьезный молодой человек, играющий роль учителя Элиса. Запыхавшись, говорит «Доброе утро!» и стаскивает с головы берет. Вот и Филлис, играющая безумную Элеонору. Черты ее лица мелкие, неопределенные. Здоровается так, словно вот-вот заплачет. Но с кажущейся робостью Филлис не справляется самому упрямому режиссеру. С небольшим опозданием приходит Пегги, маленькая, рыженькая и тихая, но в ней чувствуется глубокое знание дела. Она играет Кристину — хладнокровную невесту Элиса.

Вместе с артистами появляются и дублеры. В пьесе шесть действующих лиц и у каждого есть дублер, присутствующий на всех репетициях. Как только пьеса будет сыграна, начнутся репетиции дублеров, по два-три раза в неделю. Если кто-нибудь из артистов заболеет или будет чем-либо занят, его заменит дублер. Дэвид Росс поощряет своих артистов выступать на стороне, например по телевидению, таким образом почти каждому из дублеров удастся появиться перед зрителями.

Наконец прибегает Регина — помощник режиссера — невысокого роста, с резкими движениями. Ей двадцать три года. Опоздала она не по своей вине: выполняла какие-то поручения для театра.

Дэвид, громко пыхтя и вздыхая, взбирается по шатким ступенькам в еще темный театральный зал. Театр внешне переменился мало с тех пор, как его заарендовал Росс. Воздух теперь кондиционирован и значительно улучшено освещение. Но в театре все еще только две артистические уборные, одна для актрис, другая для актеров. Обе в подвальном помещении, места в них мало, вещи девать некуда, зимой и осенью холодно и сыро. В зрительном зале прибавили 50 кресел — теперь театр вмещает 200 человек, зато теснота страшная. Кресла все еще жесткие. Во время спектакля реквизит и бутафорию приходится носить через зал, и артисты проходят на сцену мимо зрителей. Если по ходу действия актеру надо уйти со сцены сзади, а затем появиться на авансцене, он спускается по пожарной лестнице на улицу, проходит через уборные и фойе и поднимается по парадной лестнице. Когда идет снег или дождь и, особенно, когда все спешат, на пожарной лестнице происходит изрядная давка.

Зал еще не освещен, только под потолком тускло светятся синие лампочки. При таком свете зал похож на огромный аквариум ночью.

— Внимание! Дать свет на сцену! — кричит Дэвид в сторону комнатки в передней части здания и слышащихся там голосов. В комнатке раздается грохот, будто кто-то карабкается по горе жести, и свет заливают сцену.

В театре нет ни освещенной ramпы, ни прожекторов в глубине зала, ни занавеса. Только под потолком установлен род соффигов, свет которых способствует смене действий и настроений на сцене. Освещение устроено по планам Карол Гувер, высокой блондинки двадцати пяти лет, с перехваченными сзади лентой волосами и неизменной папиросой в руке. Карол учится на театральном факультете Йельского университета и скоро получит диплом специалиста по сценическому освещению и декорациям. Осветительные схемы всех постановок Театра Четвертой улицы — дело рук Карол. Перед каждой премьерой ей приходится несколько раз в неделю приезжать из Нью-Хейвена — сто километров от Нью-Йорка. Эту неделю она вообще не уезжала домой, а вчера она и Гарри Митчелл, который устанавливает де-

готовительного курса по медицине в университете. Будучи также поэтом (по совместительству), он может потушить, по рассеянности, папиросу о табличку с надписью «Курить воспрещается!»

Все актеры уже наверху. Вперед выступает Регина.

— Внимание, начинаем! — кричит она и невзначай бросает собравшимся у сцены: — В субботу моя свадьба. Милости просим, приходите!

— Выходишь замуж?

— В субботу?

— За Джорджа?

— А то за кого же? Надеюсь, все придете?

— Это просто замечательно!

— В самом деле? Так вот, по местам, пожалуйста!

Тишина наступает быстро. Кто-то идет на сцену, кто-то сходит с нее. Джоэл сидит на ступеньках и зубрит роль. У его ног бежит таракан. Джоэл машинально, без всякой злобы, давит его ногой. Филлис, со смешными ужимками, старается показать, что достает из бумажного мешочка яблоко совершенно беззвучно, и, откусывая его, подучивает роль. Дэвид грузно опускается в кресло первого ряда и задирает ноги на сцену.

Дэвид Росс (справа) ведет репетицию, стоя одной ногой на сцене, а другой — в зрительном зале.

корации и помогает с освещением, работали всю ночь напролет.

Неделю перед каждой новой постановкой Митчелл не бывает дома, спит, сколько удастся, тут же в театре, на койке в уборной для актрис. Одет он неряшливо, ногти грязные. Гарри с невероятной энергией набрасывается на любую, иногда даже совсем ненужную работу — от радости, что избавился от под-

— Майк, поехали! — Репетиция начинается.

ЭЛИС: *Посмотри, кто сюда идет — наш кредитор.*

КРИСТИНА: *Только этого еще не хватало!*

ЭЛИС: *Да, наш кредитор. Человек, который в любую минуту может забрать всю нашу мебель, все, что у нас есть... Лижвист здесь — как паук в своей паутине, чтобы следить за мухами.*

КРИСТИНА: *Лучше уходи отсюда, иди в комнату.*

ЭЛИС: *Нет, я нигде не пойду. Теперь, когда ты начинаешь сдавать, я становлюсь сильнее. Вот он свернул в нашу улицу, он увидел свою жертву.*

— Так, — перебивает Дэвид. — Давайте, попробуем еще раз. — Дэвид поднимается на ноги и начинает шагать. — Слушай, Майк, — говорит он. — Ты все сделал прекрасно. Но мне хочется еще немножко того... того самого... вот и все. — Шумно вздохнув, Дэвид продолжает запинаться: — Гм! Ты знаешь сам, Майк, побольше этого... Мне хочется, чтобы ты дал еще больше. Ты же знаешь, он сплошной комок нервов, он почти не в своем уме... Все это так просто. Да ты сам знаешь. Ладно, начали снова!

— Можно мне поразмыслить минуту — другую? — спрашивает Майкл.

— Разумеется.

Майкл садится на ручку кресла, уставившись в пол. Дэвид, улыбаясь, подсаживается к Пегги и обнимает ее за плечи.

— Пегги, Пегги, Пегги! Ай-ай-ай, кто это передвинул стол?

— Стол в точности там, куда ты его хотел поставить вчера, — отзывается Регина.

— Ладно. Да поторопитесь-ка с телефоном.

— Гарри с ним уже возится, Дэвид. Придется подождать минутку.

Через пять минут артисты тушат папиросы и идут на свои места. Дэвид, покуривая, шагает взад и вперед.

МИССИС ХЕЙСТ: *Но он не имеет права забирать нашу мебель. Как же мы будем жить, если он все заберет? Мы ведь не можем жить в пустой комнате!*

ЭЛИС: *Лисички имеют норы, а птицы небесные — гнезда, бездомные же люди живут в лесу.*

МИССИС ХЕЙСТ: *В лесу живут только жулики, а не порядочные люди.* — Нет, черт возьми, не так! — *В лесу живут только жулики, а не порядочные люди.* — Как ты думаешь, Дэвид, не дать ли здесь немного больше чувства? Понимаешь, милый, она, по-моему, все время защищается. Она думает, что, по его мнению, все люди, которых обжулил ее муж, должны жить в лесу. Ну вот, она и защищает его, хочет сказать, что ее муж не жулик. Она старая женщина, она всего боится и в то же время хочет защищать мужа. Как по-твоему, Дэвид? Разве я не права?

— Да, да, ты права, Лоис. Так и есть. Все это очень просто. Давай попробуем еще раз.

Сверху раздаются равномерные глухие удары, как будто целая группа занимается гимнастикой. Этажом выше помещается союз печатников. Печатники идут театру навстречу и не работают, когда идет спектакль, но во время репетиций с шумом приходится мириться.

Дэвид нагибается и поднимает коричневый бумажный мешочек с сэндвичами. Мешочек для него положила на ступеньки Регина. Дэвид усаживается и следит за происходящим, быстро расправляясь с сэндвичем.

— Лоис, ты боишься этой реплики. Напрасно, не надо бояться. Дай себе волю. Не прячься в кусты. Делай как раз то, чего ты стараешься не делать.

И вот такими сбивчивыми, можно сказать — неуклюжими указаниями, Росс добивается точного, профессионального исполнения. Только когда репетиции подходят к концу, он начинает останавливаться на отдельных жестах, на отдельных фразах. До того Дэвид, запинаясь и заикаясь, просит самих актеров прочувствовать роли.

Уничтожив сэндвичи, Дэвид засыпает. Репетиция продолжается. Актеры сами поправляют себя, без конца повторяют отдельные реплики и явления. Когда Дэвид просыпается,

сая, репетируют уже второе действие. Он закуривает папиросу и начинает шагать взад и вперед в глубочайшем унынии.

— Больше жизни, детки, больше жизни, — бросает он. — Ведь это Пасха, а не Йом-Кипур.

Взрыв смеха.

— Вот о чем ты так долго думал, сидя с закрытыми глазами? — спрашивает Филлис.

— Филлис, Филлис, Филлис!

Репетиция второго действия кончается в половине седьмого, и Дэвид объявляет перерыв на обед. Двое идут в ресторан, остальные достают принесенную снедь и закусывают тут же. Пегги и Майкл продолжают репетировать, желая подчистить одну из сцен.

— Эй, Дэвид. Слышишь? Телефон-то звонит. Значит, все в порядке.

Дзин-н-н!

— Это не телефон, это звонок на входной двери.

— Ничего подобного! Конечно, телефон. Только надо его настроить, и будет настоящий телефон. Слышишь?

— Говорят тебе, не телефон, а звонок!

Дзин-н-н!

— Может быть, кто-нибудь сходит открыть дверь?

— А ну тебя к черту!

Дэвид с грохотом спускается по лестнице, разговаривая со знакомым — театральным гримером. Последний перед каждой премьерой заглядывает в театр и дает артистам советы. Бюджет театра не позволяет оплачивать профессионального гримера и артисты справляются сами. Внизу на Дэвида набрасывается девушка, заведующая буталфорией и костюмами.

— Дэвид, пожалуйста подпиши чек. Его надо передать портному до конца рабочего дня. Сегодня я была у него. Сказал, что костюмы для Майкла и Джоэла в кредит не даст.

В кассе сидит Ал Армстронг и через окошечко ведет деловой разговор.

— Послушайте, мистер Якоби, — говорит он. — Два года назад вы посоветовали нам починить старую печь. Мы послушались — и что же? За два года ее починка обошлась дороже установки новой.

— За мою работу, мистер Армстронг, двадцать долларов не деньги.

— Нет, благодарю вас, не надо. Я позову кого-нибудь другого.

— Ну, Бог с вами, сделаю за десять.

— Нет, мистер Якоби, спасибо. Не надо.

Мистер Якоби удаляется с оскорбленным видом человека, напрасно старавшегося урезонить дурака.

Регина, поговорив по телефону с женихом, подходит к кассе и сует Алу белый запечатанный конвертик.

— Тут, — говорит она тихо, — деньги на такси для всех наших ребят. Им с лихвой хватит на поездку ко мне на свадьбу и обратно.

Подписывая чек, Дэвид взглядывает на одну из молодых дублерш и улыбается.

— Астрид, Астрид! Тебя совсем не слышно. Я и не знал, что ты здесь.

— Дэвид, репетиция затянется надолго?

— Надеюсь, не позже часа ночи. Если тебе надо раньше уйти, ступай с Богом.

— Спасибо.

— Ал, как идут заказы билетов по почте?

— Совсем не плохо.

— Чудно. Боже, до чего же я устал! Чересчур стал стар для такого дела. Для него надо быть молодым. Надо иметь хороший запас энергии.

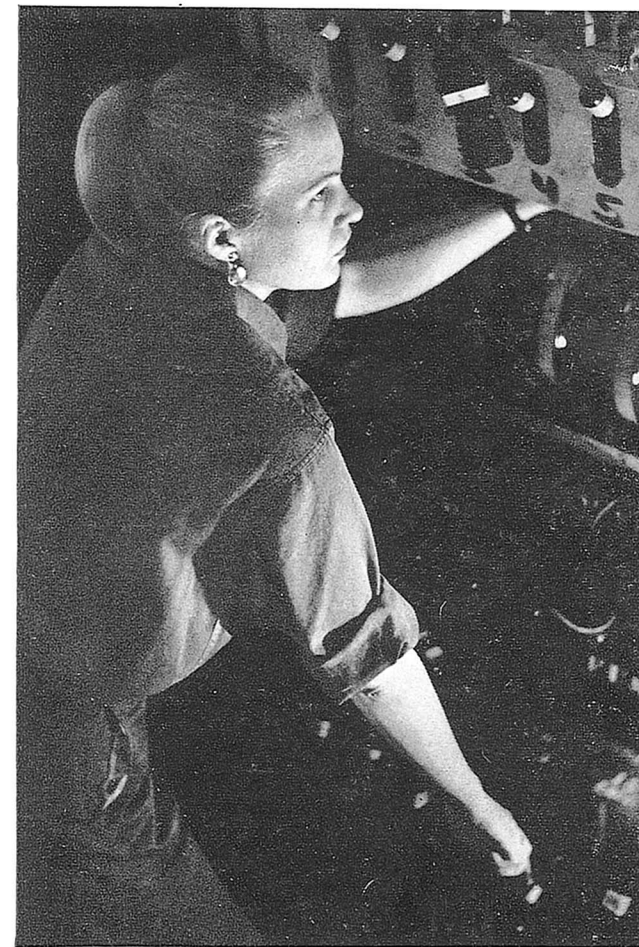
— Дэвид, знаешь, что меня беспокоит? За последнее время у нас не случилось ничего

неприятного. Не было никаких волнений. Отопление испортилось только один раз. За последнюю неделю никто не устраивал сцен, никто не ушел. Дэвид, тут что-то неладно. У меня сердце не на месте.

С приближением премьеры, понятно, хлопот и забот становится все больше; этому способствует сама манера Росса режиссировать. Он не успокаивает, а скорее, наоборот, усиливает всеобщую тревогу. Постановка приобретает определенную форму понемногу, шаг за шагом, незаметно для актеров. Нет такой стадии в ней, когда можно было бы сказать: «Ну вот, все кончено! Все готово!» Даже после первого спектакля актеры все еще продолжают работать над пьесой. Установка Росса крайне проста: продумать все, как можно лучше, сделать все, как можно проще. Росс выбирает отличные пьесы, приглашает способных актеров, которым эти пьесы нравятся и побуждает актеров показывать в пьесе только правду.

— Я интересуюсь — говорит Росс, — только первоклассными пьесами. Актеры всегда хотят играть значительные роли.

Росс начинает работу «изнутри» пьесы; из работы рождается понимание, от понимания естественен переход к отдельному жесту и движению, к правильному тону.

Карол Гувер заведует освещением Театра Четвертой улицы.

Исключительная атмосфера, царящая на Четвертой улице, — в большой степени заслуга Росса. Публика и исполнители забывают все неудобства и наслаждаются игрой. Кое-кто не согласен с Россом, считая, что игра его актеров лишена определенного стиля. Но в подавляющем большинстве критики вынесли его театру благоприятный приговор. В театре Дэвида Росса, говоря словами Станиславского, есть «артистическая бодрость, готовность к совместному действию», и ясно, что «такое состояние благоприятно для творчества».

Выставка лодок открыта! Мужчины, женщины и дети с наклонностями к мореплаванию радостно устремляются в большой выставочный зал в Нью-Йорке, где можно увидеть новейшие модели лодок, лодочных моторов и принадлежностей. Когда, полвека назад, открылась первая такая выставка, в стране было совсем мало моряков-любителей. Теперь же более 28.000.000 американцев (каждый шестой!) проводят свой летний досуг в скифах, байдарках, парусных лодках и моторных яхтах. Эта служащая исключительно для развлечения флотилия продолжает расти: число судов уже перевалило за 6.000.000.

На выставке этого года было представлено более 400 разновидностей — от парусной лодочки в два метра длиной до роскошной яхты в 16 метров. Среди вызвавших особый интерес экспонатов был 12-метровый шлюп: его корпус, палуба и рангоут сделаны из легкой пластмассы, не требующей тщательного ухода и не поддающейся разъеданию.

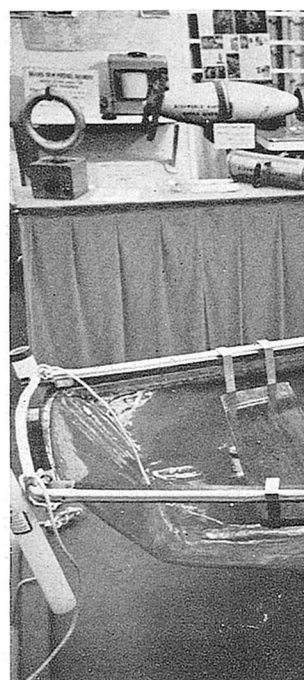
Самым миниатюрным мотором на выставке был подвесной мотор в 1,7 л. с., а самым большим — дизель в 600 л. с. И мощность моторов и скорость лодок в этом году увеличились: некоторые из моделей делают до 80 и более километров в час. Большим успехом на выставке пользовались наборы заготовленных частей, из которых любители, с помощью немногих инструментов, могут сами построить себе суда.

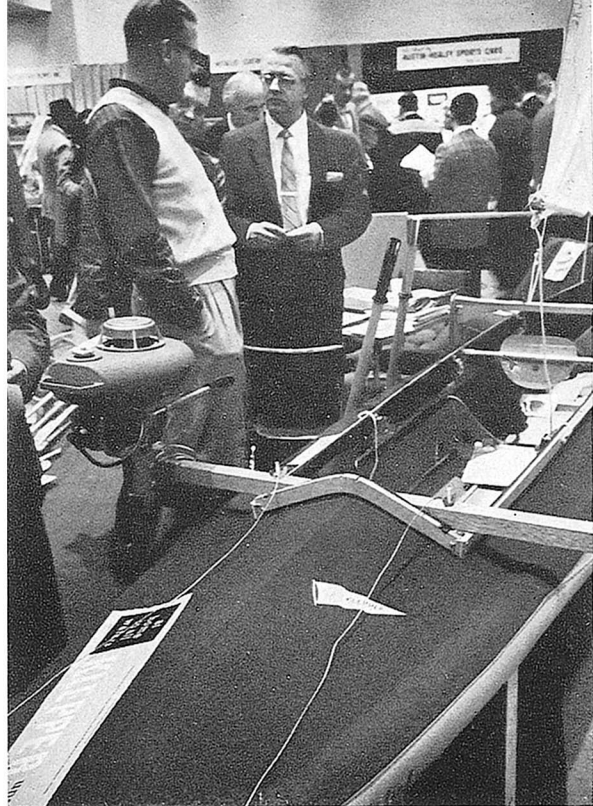
ЛЕГКИЕ АЛЮМИНИЕВЫЕ ЛОДКИ (вверху) перевозятся на крыше автомобиля. Они приводятся в движение веслами или подвесным мотором.

КАНОЭ с деревянным каркасом облюбованы для плавания по внутренним водам. У некоторых корма срезана для прикрепления подвесного мотора.

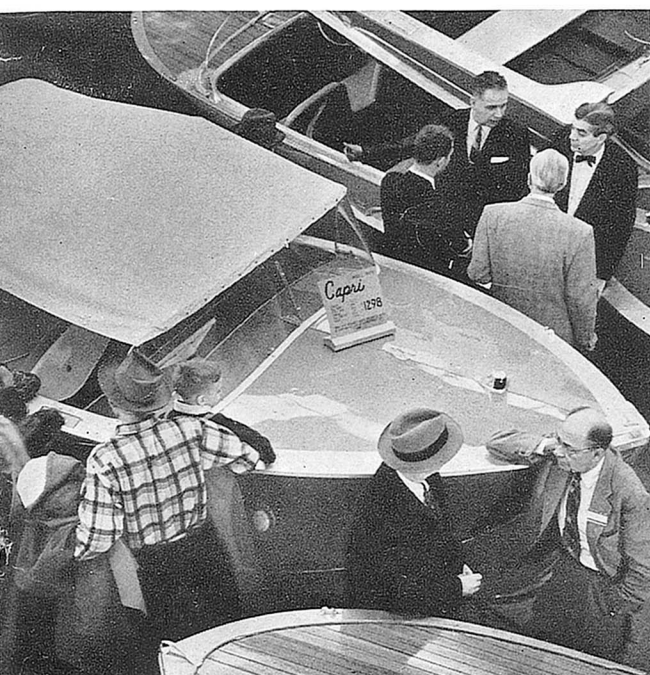

РАЗБОРНАЯ БАЙДАРКА (вверху) со складным остовом, покрываемым прорезиненной парусиной. Свободно помещается в багажнике автомашины.

ПРОЗРАЧНАЯ ЛОДКА из пластмассы вмещает троих пассажиров и весит лишь 20 килограммов. Ее продажная цена — 200 долларов (800 рублей).

АЛЮМИНИЕВАЯ ЛОДКА с ветровым стеклом и складным верхом. Снабжена 6-цилиндровым подвесным мотором мощностью в 60 лошадиных сил.

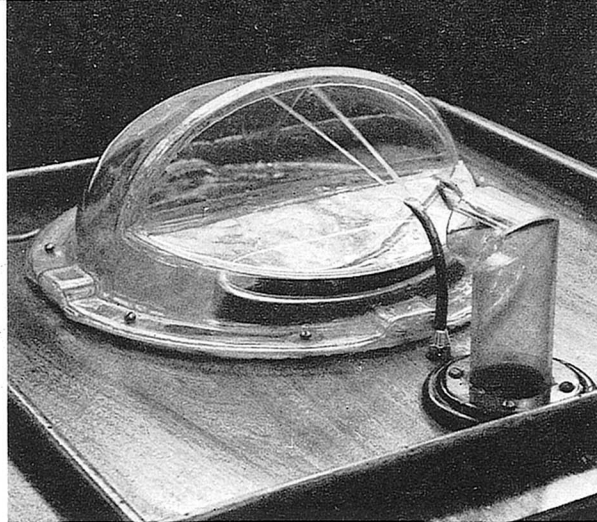
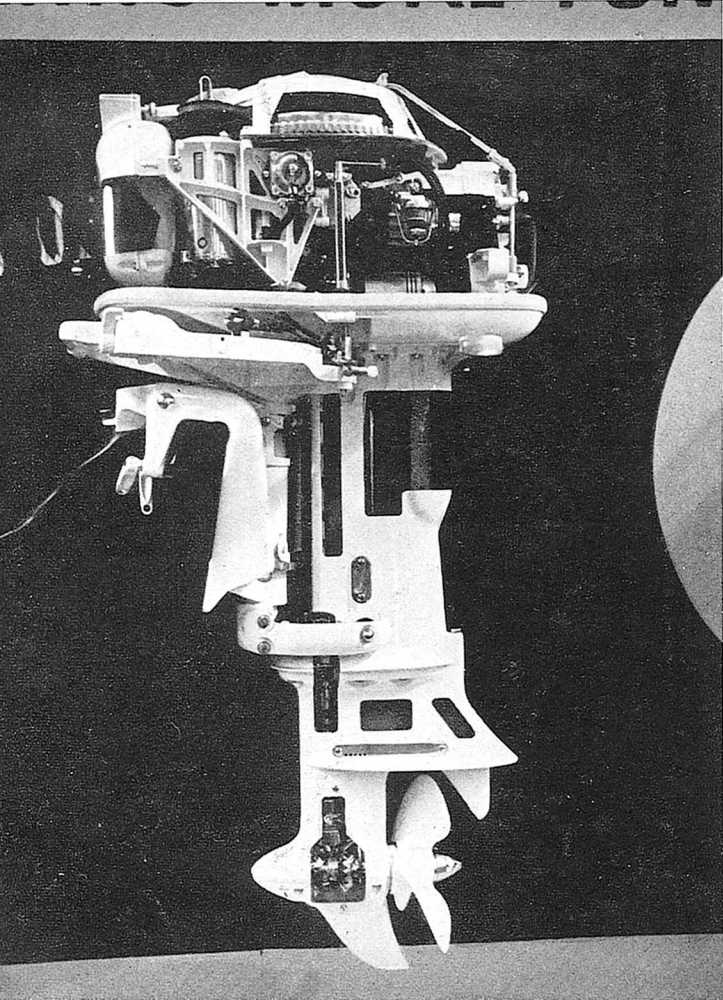

ПАРУСНЫЕ СУДА стоят «на якорь» среди моторных лодок.

ОСОБО ПРОЧНАЯ ПЛАСТМАССА использована для постройки этого корпуса. Транец из красного дерева. Под деком находится багажное отделение.

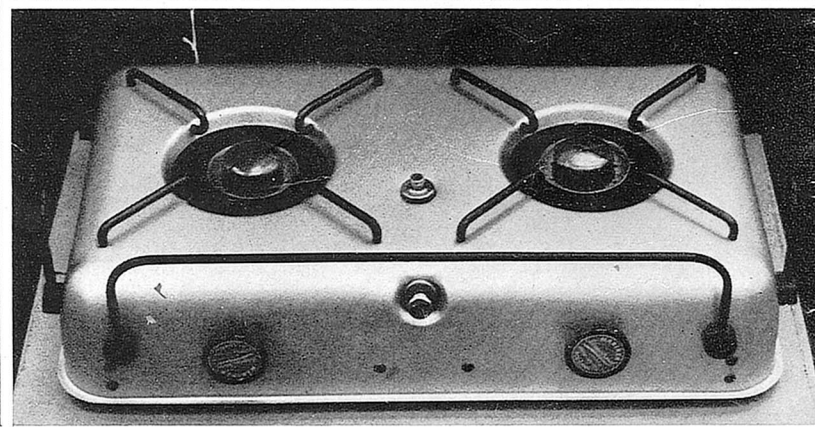
ПРОЗРАЧНАЯ РУБКА для моторных лодок с каютой пропускает воздух и свет, защищает от дождя и брызг волн.

ПРОЗВИТЕЛЬНЫЕ ГУДКИ моторных лодок работают на сжатом газе. Когда запас газа израсходован, банку выбрасывают за борт.

Покупая лодку, покупают

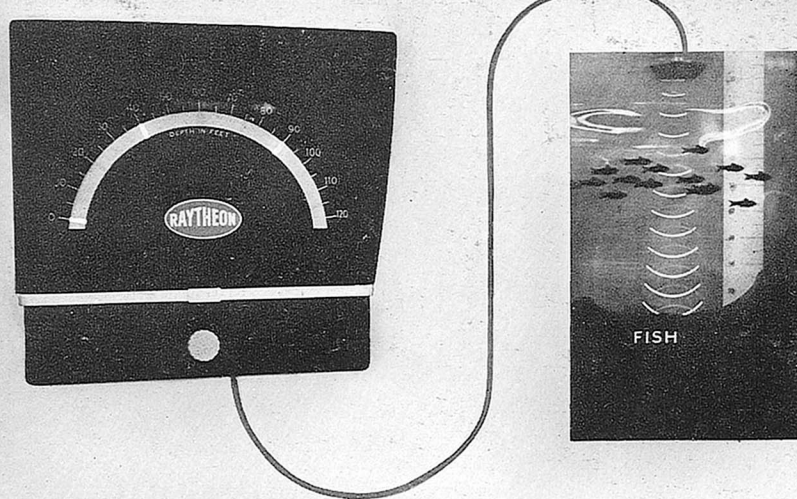
4-ЦИЛИНДРОВЫЙ подвесной мотор (вверху) развивает 35 л. с. при 4.500 оборотах в минуту. Он выпускает отработанный газ под воду и весит немного более 60 кг. Цена — 635 долларов.

ОБОРУДОВАНИЕ камбуза. На щите слева выставлены: ручной насос для плиты, кастрюля с тремя отделениями, электрическая взбивалка, кофейник, сковородки, бутылки из пластмассы. На щите справа вверху: совок для мусора, щипцы для льда, неопрокидывающийся термос, алюминиевый чайник, массивные пепельницы, набор банок для продуктов и пр. Внизу: плита с 2-мя горелками, работающая на керосине или на спирте.

ВОДЯНЫЕ ЛЫЖИ делаются из пластмассы или дерева. Стандартные модели имеют 156 сантиметров в длину и 15 сантиметров в ширину. Внизу: спасательные круги и жилеты, крапцы, шерстяные рубашки и другие вещи, обеспечивающие безопасность и удобство любителей водного спорта.

ЭХОЛОТ отличается точностью показаний до 36 метров в глубину и обнаруживает также присутствие рыбы и других подводных объектов. Экран рядом показывает, как он реагирует на появление рыбы.

и принадлежности

ЛОДОЧНЫЙ ПРИЦЕП (вверху) отрегулирован так, что лодка находится в равновесии и спускается на воду задним ходом автомобиля. Лебедка и ролики на раме облегчают погрузку лодки.

КРЕПКИЙ КЛЕЙ для лодок сделан из пластического зубо-врачебного цемента, обладающего большой вязущей силой. Для демонстрации качества клея продавец склеивает им монеты и бьет по ним молотком. Они остаются склеенными.

СКЛАДНОЙ СКУТЕР (род мотоцикла) не занимает много места на борту и облегчает быстрые поездки в чужих портах. Эта прочная машина весит около 22 килограммов и стоит 289 долларов.

8-ЦИЛИНДРОВЫЕ двигатели, монтируемые в корпусе яхт, пользуются все большим успехом. Фирма выпускает моторы 5 мощностей до 215 л. с.

Лед спасает урожай от мороза

С разрешения журнала «ФАРМ КУОРТЕРЛИ»

Дело было в мае прошлого года. В девять часов вечера Франк Динер прослушал метеорологическую сводку радиостанции в Бентон-Харбор (штат Мичиган), находившейся в пятнадцати километрах от его дома. Надев поверх двух шерстяных рубаш рабочую парусиновую куртку и натянув резиновые сапоги, фермер отправился в обычный ночной обход. В дверях он подхватил корзинку с сэндвичами и кофе, которые для него с вечера приготовила жена.

Выйдя на двор и поглядев на чистое звездное небо, он почувствовал, как с севера пахнуло струей свежего воздуха. И без предупреждения радиодиктора Динер понимал, как опасна огороднику эта ночь. Он провел пальцем по кабине полутонки, чтобы проверить, нет ли изморози, и выехал в поле. Первый из термометров, висевший над самой землей среди темно-зеленой листвы клубники, показывал два градуса выше нуля. Когда Динер обходил свои десять гектаров клубники, проверяя остальные три градусника, в лучах карманного фонаря то здесь, то там вспыхивали белые цветы.

В половине двенадцатого потянул восточный ветерок, предвещающий перемену погоды. Через несколько минут термометр подтвердил догадку. Без десяти двенадцать Динер уже был у пруда и включил оросительный насос. Мощный мотор ревел в ночной тишине, и фермер внимательно следил за водяным манометром, пока тот не показал ровно семь килограммов давления. Затем Динер сел в свой грузовичок и отправился в обратный путь, чтобы проверить трубы распылительно-иригационной сети. В воротах соседней фермы мелькнули фары направлявшейся в поле машины. Франк улыбнулся: хорошо, что соседа разбудил шум иригационного мотора, — иначе он обязательно заехал бы предупредить его о грозящем морозе.

В течение всей этой холодной утомительной ночи он время от времени проверял оросительную сеть, следя за тем, чтобы давление было постоянным и трубы не разошлись, чтобы наконечники не засорялись и вращались свободно. Когда пришло время возвращаться домой на завтрак, утреннее солнце осветило ледяное царство. Все листья, цветы и бутоны оделись искрящейся ледяной корой. Причудливые хрустальные столбики подпирали растения, сверкая в лучах солнца. Дома Динера поджидал специалист по орошению, Боб Палмер, объезжавший этой ночью своих клиентов. «Ну, Боб, — приветствовал его Динер, — знаешь, в эту ночь я, пожалуй, вернул те 4,000 долларов, что ты взял с меня за новое оборудование!»

Человеку, не знакомому с новым методом защиты растений от мороза, поле нежных растений в цвету, покрытых слоем льда, может показаться погибшим. Однако Динер не сомневался в том, что по крайней мере в эту ночь урожай спасен и что сделать это ему удалось только с помощью льда.

«Охлаждение, — сказал один ученый, — просто-напросто процесс отдачи тепла. Холода, как такового, не существует, как не существует и темноты. Абсолютная темнота — только полное

отсутствие света, а абсолютный холод — это отсутствие теплоты. Существуют только теплота и свет; они суть различные формы энергии».

Охлаждаясь до нуля градусов, вода подвергается коренному превращению: переходя в твердое состояние, она становится льдом. В момент этого перехода она отдает колоссальное количество тепла. Например, 5,000 литров воды во фруктовом саду, при превращении в лед, отдадут на точке замерзания такое же количество тепла, какое можно получить, принеся 4,000 литров кипятка в сад и дав им остыть до точки замерзания.

Профессор университета штата Мичиган Эрнест Киддер, один из американских специалистов по борьбе с морозом, говорит: «Большинство рядовых людей представляет себе с трудом, что вода при превращении в лед отдает столько тепла, но фермеров это удивлять не должно. В детстве они, вероятно, не раз делали то же, что и я, т.е. ставили ушаты со снегом на плиту, чтобы растопить его и получить мягкую воду. Стоит им вспомнить, сколько нужно было тепла, чтобы растопить снег, — и им сразу станет понятно, что при замерзании вода выделяет то же количество тепла. Поэтому они также поймут, как непрерывное образование льда при поливании спринклерами защищает растущие растения от мороза».

Есть еще и другой фактор, делающий возможным такую ледяную защиту: точка замерзания растений, как правило, ниже точки замерзания воды. В то время как вода, которой их обрызгивают, замерзает при нуле, большая часть огородных культур остается невредимой даже при несколько более низкой температуре, в зависимости от стадии их развития и природной выносливости: химический состав их соков действует как естественный антифриз (незамерзающая жидкость).

Эти два физических свойства — отдача тепла замерзающей водой и способность растений выдерживать без вреда температуру ниже нуля — дали возможность Франку Динеру и другим огородникам применить оросительную сеть для поливки овощных культур во время опасных весенних заморозков и продлить вегетационный период за пределы первых морозов, бывших раньше губительными. Летом эта же сеть применяется, конечно, для борьбы с другим врагом — засухой.

В то время как Динер поливает свою клубнику, другие фермеры пользуются орошением для защиты от мороза помидоров, винограда, перца, бобов, брусники, гороха, спаржевой капусты, тыквы и огурцов. Некоторые используют орошение для защиты огородов и от весенних и от осенних заморозков.

Виноградари, впрочем, нашли, что ледяной покров предохраняет виноградные лозы весной, осенью же, когда лозы отягчены гроздьями винограда и листьями, добавочный груз льда может порвать столько проволоки, что овчинка не стоит выделки. С такой же проблемой сталкиваются фермеры, имеющие дело с высокорастущими представителями растительного мира.

Орошение предохраняет фруктовые деревья, сахарную кукурузу, сельдерей, гладиолусы, гиацинты, хризантемы и гортензии; ко всем перечисленным растениям его с успехом применяли при легких заморозках, когда льда образуется мало, однако количество льда, накапливающееся при сильном морозе, своим весом может причинить растениям гораздо больше вреда, чем холод.

Динеру и другим огородникам хорошо известно, что даже легкий мороз может погубить цвет, дающий плоды, — а разводя клубнику, которая приносит урожай только на второй год, фермер не имеет возможности посадить ее вторично в том же сезоне. Поэтому Динер и другие огородники так же настороженно следят за предвестниками мороза, как овцевод на Западе ищет следов пумы на летнем горном пастбище.

В прошлом году Динер подготовил все свое оборудование к середине апреля; в будущем году он, по всей вероятности, сделает это даже раньше. «С каждым годом, — говорит он, — я все раньше и раньше достаю трубы. В 54-м году, когда я впервые стал поливать посевы в морозы, я закончил установку оборудования лишь за пять дней до того, как оно мне понадобилось, а с тех пор я каждый год продельваю это все раньше и раньше. Как-то приятнее чувствовать себя во всеоружии».

Проложив всю сеть, которая полностью обсекает его десять гектаров клубники, он держит ее в готовности до тех пор, пока опасность заморозков не минует. Затем он пользуется той же сетью для поливки ягод и десятка других культур, выращиваемых на всех 154 гектарах его фермы.

Поливка спасает урожай, но в свою очередь создает новые проблемы. Последние обычно возникают в результате чрезмерной поливки: либо наконечники были слишком велики, либо для борьбы с морозом приходилось пользоваться орошением слишком часто, чуть ли не каждую ночь. Чрезмерное количество влаги в почве может замедлить действие бактерий, благодаря которым удобрение проникает в рассаду, и таким образом рост культур замедляется в самом начале. Некоторые фермеры установили, что плодородный слой оказался выщелоченным как раз в зоне корней. Динер и другие фермеры борются с этими явлениями путем усиленного удобрения почвы, а также введением удобрения в воду при первой поливке.

Несмотря на эти неприятности, все фермеры, применяющие орошение обрызгиванием для защиты от мороза, непоколебимо верят в этот метод. Когда группе из тридцати четырех фермеров, пользующихся защитным орошением самых разнообразных культур, задали вопрос, приносит ли оно пользу, все ответили единогласно, что не могли бы обойтись без него. Большинство заявило без обиняков, что оросительная сеть окупилась бы даже в том случае, если бы они пользовались ею только для борьбы с морозом и ни разу не применили в обычных целях — для поливки культур в сухую погоду.

Когда покров водяной пыли, покрывая цветочные грядки, замерзает, они превращаются в волшебный хрустальный сад; мороз им не страшен.

Нежные цветки агератума облечены в толстые ледяные шары. После того как лед растает, они будут такими же свежими и цветущими.

Ледяной футляр помог этим пунцовым георгинам безболезненно пережить ранние заморозки, и они продолжали цвести до поздней осени.

Туфельки всех цветов радуги

С разрешения журнала «ЛАЙФ»

ФОТО МАРКА ШОУ

Популярный фасон туфель для девочек, порой называемый «Мэри-Дженс», издавна пользуется успехом благодаря своей практичности и простоте. Кстати, предками «Мэри-Дженс» были туфельки, которые в Стране Чудес надела Алиса, отправляясь к Безумному Шляпнику. Туфельки «Мэри-Дженс» — открытые, с одним ремешком, и в прошлом обычно выделялись двух цветов: из черной лакированной кожи — для зимы и из белой лайки — для лета. Но вдруг их как будто окунули в радугу — и теперь по богатству мягких оттенков и по красочности украшений они подойдут к любому платью. Расцветка туфель меняется в погоне за вечно меняющейся модой; на наших снимках показаны лишь немногие цвета.

Изыскство новых «Мэри-Дженс» заставляет юных обладательниц туфель особенно бережно обходиться с ними. Хотя туфельки и выходные, однако они так удобны и прочны, что не стесняют ребят даже в самых живых играх. Туфли пользуются одинаковым успехом у матерей и дочерей: они придают элегантность и праздничному платью, и простому платью для загородных прогулок.

Мягкая расцветка этих туфелек напоминает полевые цветы; ремешок застегивается кнопкой. Показанные на снимке юбочки сделаны из накрахмаленной бумажной ткани.

На левой парусиновой туфельке — узор из детской игры в крестики. Та же игра вышита на переднике с пышными рукавчиками-воланами. Передник завязывается сзади бантом.

Цветные туфельки из лакированной кожи придают праздничность платью из бумажной материи, оттеняя четкие клеточки и полоски ткани.

Белые простые платья, с пышными юбочками, из швейцарской вуали в мушкету; ансамбль дополняют лайковые туфельки и нарядные кушаки с бантами.

ФЕДОР

ФРИЦ ЭЙХЕНБЕРГ

С разрешения журнала «АМЕРИКАН АРТИСТ»

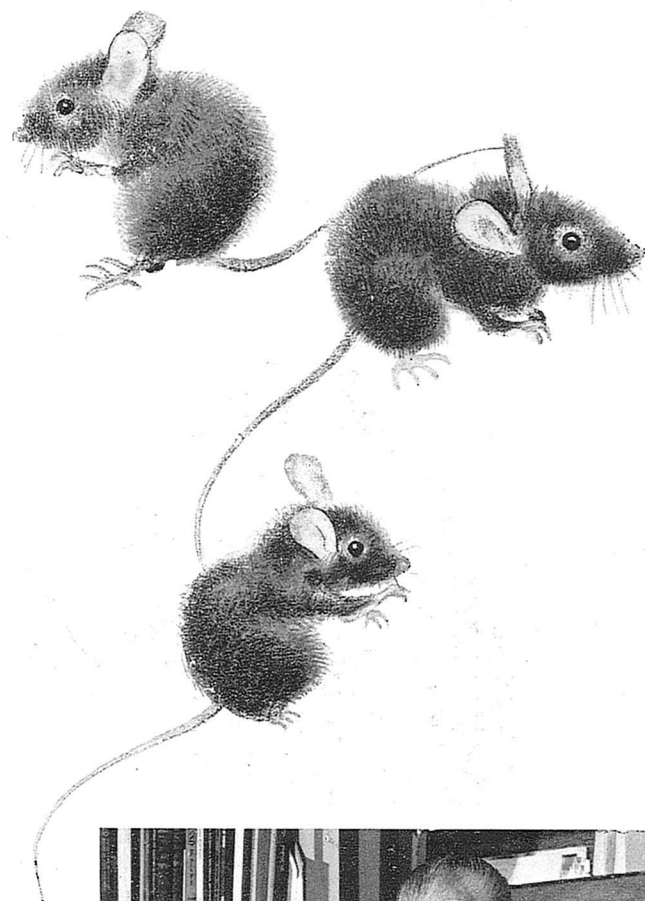
В прошлом году Федор Рожанковский получил медаль Кальдекотта — награду, присуждаемую ежегодно за лучшую американскую детскую книгу с картинками. Эту награду он давно заслужил. Рожанковский живет в Америке вот уже свыше пятнадцати лет и создал за эти плодотворные годы около половины восьмидесяти шести книг, иллюстрированных им в течение его долгой и интересной жизни. Длинный ряд книг с его рисунками будет еще много лет восхищать детей.

Язык искусства не признает проведенных человеком границ и его предрассудков — понятий, повидимому, чуждых детям, но появляющихся в отрочестве и пышно расцветающих в зрелом возрасте. Какова магическая формула, делающая искусство Рожанковского одинаково доступным эскимосу и африканцу, янки и молодому парижанину? Секрет этой формулы, думаю мне, прежде всего в простоте и незлобivosti, в отсутствии предвзятости и в безмятежности — такими чертами характеризуется подход художника к многообразным явлениям природы и их изображению. У Рожанковского — искусство, а не искусственность. Художник обращается к ребенку не свысока, снижаясь

гой — морем: лучших учителей у молодого Федора никогда не было. Здесь он заложил основы дальнейшего изучения искусства: он наблюдал зверьков и домашних животных, делал наброски цветов и деревьев, собирал камни и бабочек, — увлечение такими занятиями не потеряло для него ни своей свежести, ни своего очарования на протяжении всей его разнообразной жизни.

Учиться — и еще учиться, рисовать — и еще рисовать, писать картины — других желаний у него не было. Когда вспыхнула Первая мировая война, ему пришлось прервать учение в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Но и на военной службе молодой человек продолжал рисовать. Бросить карандаш и краски было для него так же невозможно, как перестать дышать.

После войны Рожанковский некоторое время занимался писанием эскизов костюмов и декораций для оперных и драматических театров в Польше. Там же он получил предложение иллюстрировать классическую детскую книгу — «Маленького лорда Фаунтлероя», а также — на этот раз за деньги — «Робинзона Крузо». Затем Рожанковский переселился в Париж. С 1925 по

РОЖАНКОВСКИЙ

до его уровня, а относится к нему, как к равному, по-товарищески, — и дети чувствуют и любят это. В его искусстве — не надуманная «детскость», а детское понимание их маленького мира.

Искусство Рожанковского универсально, и он сам принадлежит всему миру. Художник чувствует себя дома всюду, где, окруженные деревьями, в своем зеленом мирке живут белки и лисицы, совы и ящерицы, всюду, где играют и поют дети, где среди полей пшеницы растут цветы, где волны избегают на прибрежный песок, оставляя на память обломки дерева и раковины.

Поистине, нельзя не полюбить этого друга природы, который, несмотря на свои шестьдесят пять лет, быстр и ловок, как белка, любит хорошо поесть и выпить в хорошей компании. Он может довольствоваться хлебом и водой с такой же готовностью, как запивать икру шампанским. Он любит делиться благами жизни со своими весьма многочисленными друзьями — больше того: эти блага даже не доставляют ему удовольствия, если он не может ими поделиться. Что же сделало его таким — или он таким родился?

Сын русского школьного учителя, впоследствии директора гимназии, Федор Рожанковский родился в Митаве (ныне Елгаве) в Прибалтике. Когда Федору едва исполнилось пять лет, отец умер, оставив пятерых детей. Через несколько лет после смерти отца, Федор сделал первый шаг на пути к своей будущей карьере: он нарисовал иллюстрации к своей любимой книге «Робинзон Крузо». Почти все свое детство он провел в Ревеле (Таллине), огражденном с одной стороны густыми лесами, а с дру-

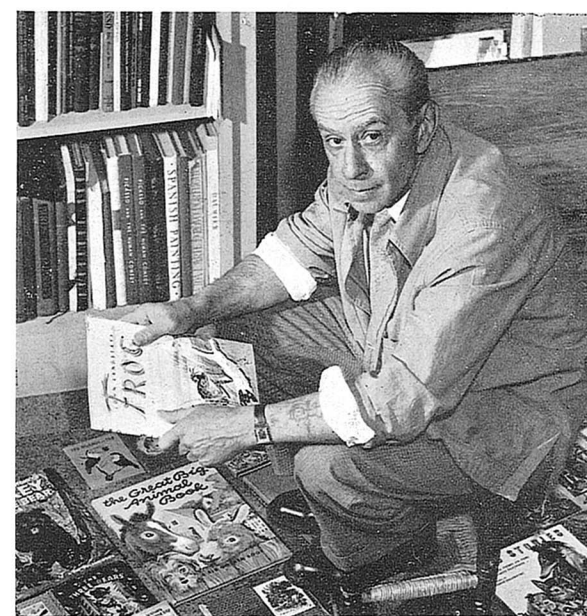
гой — морем: лучших учителей у молодого Федора никогда не было. Здесь он заложил основы дальнейшего изучения искусства: он наблюдал зверьков и домашних животных, делал наброски цветов и деревьев, собирал камни и бабочек, — увлечение такими занятиями не потеряло для него ни своей свежести, ни своего очарования на протяжении всей его разнообразной жизни.

Учиться — и еще учиться, рисовать — и еще рисовать, писать картины — других желаний у него не было. Когда вспыхнула Первая мировая война, ему пришлось прервать учение в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Но и на военной службе молодой человек продолжал рисовать. Бросить карандаш и краски было для него так же невозможно, как перестать дышать.

После войны Рожанковский некоторое время занимался писанием эскизов костюмов и декораций для оперных и драматических театров в Польше. Там же он получил предложение иллюстрировать классическую детскую книгу — «Маленького лорда Фаунтлероя», а также — на этот раз за деньги — «Робинзона Крузо». Затем Рожанковский переселился в Париж. С 1925 по

1939 год он иллюстрировал тридцать шесть книг, в том числе произведения Вольтера, Дидро и Прево. В 1934 году он познакомился с Эстер Аверилл, которая предложила ему иллюстрировать книгу о Даниэле Буне для своего издательства «Домино пресс». Затем последовали иллюстрации к «Путешествиям Картье и Кортеса». В это же время дальновидный французский издатель Фламарион поручил Рожанковскому работу над ставшей вскоре всемирно известной серией «Пэр Кастор», — недорогих, хорошо изданных книг в папчных переплетах, большею частью с литографиями ручной работы. В эту серию вошли лучшие создания Рожанковского: «Белка Панаши», «Утка Плуф», «Медведь Буррю», «Зимородок Мартин», «Тюлень Скаф», «Заяц Фру» — и многие другие веселые, очаровательные, красочные иллюстрации, остро схваченные, отлично нарисованные и превосходно напечатанные. Наградой были слава, деньги и небольшой домик в горах Верхней Савойи.

Вскоре Гитлер вторгся во Францию, но Федор Рожанковский держался несколько впереди его. В 1941 году, потеряв все свое имущество, но продолжая все время делать зарисовки и работать, он добрался до Соединенных Штатов. Это оказалось удачным предприятием, потому что его «Большая книга о матушке Гусыне» и «Большая книга няниных стишков» сразу приобрели известность и стали одними из самых ходких книг. Ему не пришлось тратить времени, осваиваясь с Америкой, — он оказался для нее желанным гостем. Затем появились «Золотая Библия» и «Книга сказок о животных» — эти книги до сих пор приносят ему доход.

Федор Рожанковский в своем кабинете. В руках у него «Сватовство Лягушонка» — книжка с его иллюстрациями, получившая в 1956 г. медаль Рандольфа Кальдекотта.

Книга следовала за книгой; спрос рос, росла и известность. Не все книги имели успех, случались и неизбежные неудачи. Появились и новые обязательства: к жене Нине, а потом и к маленькой Тане, точно сошедшей со страниц детских книг Рожанковского: очаровательной, красочной, веселой и темпераментной, одаренной многими талантами, сулящими много в будущем. И снова есть маленький дом на юге Франции, где семья проводит лето. Федор работает там как обычно, и дом его полон гостей. Постоянно Рожанковские живут в другом небольшом доме, в Бронксвилле, недалеко от Нью-Йорка, — и тут у них тоже бывает множество друзей и знакомых. К дому пристроена небольшая мастерская с двускатной крышей; она очень похожа на постройки в русском стиле, несмотря на большие окна с зеркальными стеклами. Вокруг дома раскинулся сад, полный цветов и старых фруктовых деревьев. Здесь маленький чародей работает над поступающими непрерывным потоком заказами на работы, из которых следует отметить «Сватовство Лягушонка» (издательство «Харкорт Брэйс»), доставившее художнику медаль Кальдекотта. На полках вдоль стен расставлены скульптуры из дерева, прибитого к берегу моря, и другие сувениры летних месяцев, проведенных в Мэне и Флориде, расписанная Пикассо ваза, африканские деревянные статуэтки, японские литографии и гравюры, мексиканский идол — вещи, свидетельствующие о многогранности человека, чувствующего себя как дома в любой части света.

Несколько слов о художественных приемах Рожанковского и о материалах, которыми он пользуется. Они удивительно просты. Работая над книгой, художник идет прямо к своей цели — так же, как он подходит к природе, животным, детям, людям. Он не признает никаких окольных путей. Сначала он с головой погружается в изучение текста, затем делает макет книги от доски до доски. Создание иллюстрированной книги доставляет ему такое же удовольствие, как постановка театральной пьесы: он занимается каждой деталью и тщательно изучает композицию произведения, следя за развертыванием действия. Расклеенные им макеты — прелестны, свежи, непосредственны и легко понятны. Для инициалов в тексте и для заголовка на переплете он часто пользуется забавным шрифтом им самим придуманного алфавита. Он работает над макетом до тех пор, пока не удовлетворится каждой мелочью.

После одобрения макета художник быстро справляется с подготовкой оригиналов, обычно работая сначала углем, а затем нанося краски — смесь акварели с гуашью. Он пользуется кистью для придания поверхностям столь характерной для него фактуры, благодаря которой его животные кажутся такими аппетитно пушистыми, шерстистыми, чешуйчатыми, перистыми. Работая, он забывает обо всем на свете и не обращает внимания ни на окружающий шум, ни на различные помехи. При этом он то и дело заглядывает в многочисленные тяжелые тома с торопливыми набросками, сделанными во время неоднократных скитаний по свету, главным образом по Италии, Франции, Швейцарии, Испании и Соединенным Штатам. Иногда заглядывает он и в более старые тома со своими зарисовками юных лет в России. У Рожанковского имеется также обширная библиотека необходимых ему книг на многих языках. Он собирает все, что дает толчок его воображению или вдохновляет его.

Его письма приводят в восторг друзей. По его собственному признанию, писать письма — не его специальность: его письма — это смешение английского, французского, немецкого и русского, смешение непринужденное и свободное. Но самый выразительный язык, которым он владеет, — язык искусства, поэтому он пользуется им, чтобы пояснить написанное и придать письму больше живости. Таким образом, счастливые получатели его писем являются владельцами единственной в своем роде коллекции оригиналов Рожанковского — писем, достойных того, чтобы хранить их в рамках.

В свободное время он занимается хозяйственными делами, вырезывает новые скульптуры из дерева, выброшенного волнами, набрасывает портреты жены, расчесывающей волосы, или дочери за завтраком. Никому не застать его усталым или сонным. Художник с утра до ночи жадно вглядывается в жизнь: ведь иначе можно пропустить что-нибудь хорошее в этом «лучшем из миров»!

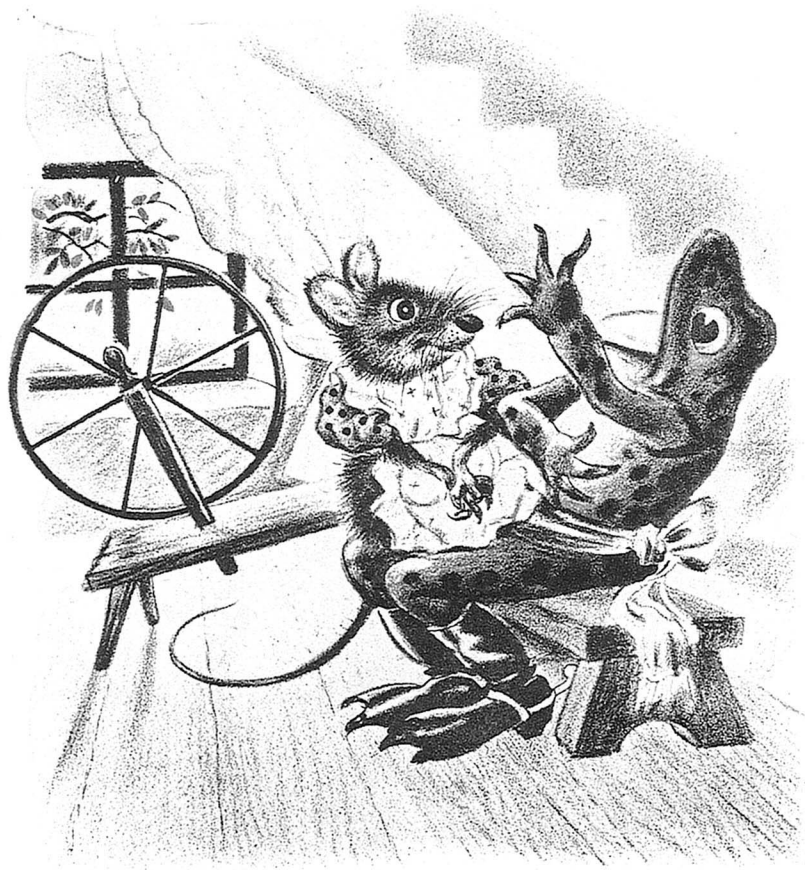

*С пистолетом, с саблей, в утро раннее
Отправлялся Лягушонок на свидание.*

*Был гостем первым Мотылек,
С собой он скатерть приволок.*

И молвил, Мышку он лелея:
«О Мауси, будь женой моею!»

А где же будет завтрак свадебный?
«Под тем дуплистым дубом сядем мы».

*П*оследний гость был Кот-проказник:
«Постойте, я задам вам праздник!»

*Ч*ета во Францию плывет по океану,
Вот и конец всему роману.

*С*едло с уздой лежит с вещами,
Хотите больше? — Пойте сами!

ГОЛОС

БОВОЙ ТРУБЫ

Маккинлей Кантор

Приводим краткое содержание первой части (см. «Америка», № 13). Восьмидесятидвулетний фермер Спрингфилд Дэвис — один из самых страстных охотников на лисиц во всем штате Миссури. Тамашные охотники — большие любители собак и ночной травли лисиц. Однако при этом они только натаскивают гончих, но лисиц не убивают: устав от погони, лисица прячется в нору, и собаки неизменно остаются ни с чем. Охотники тем временем сидят у костра и, прислушиваясь к звукам гона, следят за ходом событий. Гордость Дэвиса — самая маленькая из его гончих, по кличке Бовая Труба, лай которой был «такой четкий и звонкий, что невольно казалось, будто где-то вдалеке дули трубу. Зорю для несуществующих полков». Такого лая в Миссури никто раньше не слышал.

В эти края приезжает овцевод Джекоб Терри и, не обращая внимания на просьбы охотников, огораживает овечьи пастбища проволочным забором, смертельно опасным для мчащихся в темноте во весь опор собак. Мало того: Терри угрожает застрелить любую собаку, забежавшую на его пастбище. Вражда, завязавшаяся между Терри и охотниками, не мешает, однако, сыну Дэвиса — Бенджи подружиться с Кэден — дочерью овцевода.

Однажды ночью лисица проскакивает через забор, а обескураженные собаки остаются по другую сторону. Подойдя к забору, охотники обнаруживают, что Бовая Труба исчезла: очевидно, благодаря малому росту, пролезла сквозь переплеты забора. Охотники опасаются, не привел ли Терри свою угрозу в исполнение. Как вдруг лай ее таинственным образом доносится откуда-то издалека. Перед рассветом около фермы Терри слышится жалобный визг. Этого Дэвис еще не знает, но, так как собака не возвращается, он решает, что с ней что-то случилось. Опасаясь, что на пути домой она попала на ферму овцевода и там увязла в переплетах забора или погибла от руки Терри, Дэвис в сопровождении друзей отправляется к овцеводу расследовать дело. С собой он берет ружье.

Они вышли на глянцеви́то-черную дорогу, где в глубоких бороздах, оставленных фордом Терри, поблескивали утренним золотом лужицы жидкой грязи. Никто не выбирал дороги: нестройной фалангой фермеры шагали за Спрингом, он же, как легко догадаться, совершенно не замечал, ступает ли по грязи или по прошлогоднему жнивью.

Во дворе Терри не было видно ни души, и пришедшие несколько не сомневались в том, что овцевод еще до рассвета уехал куда-то на своем форде. Едва Бэк Ройстер с отцом поравнялись с фруктовым садом, заросшим сорной травой, они принялись за поиски следов, и их поведение не могло не броситься в глаза.

Спринг Дэвис обернулся и с изумлением уставился на Кэла. Тот, почувствовав его взгляд, еще ниже пригнулся к земле.

Все остановились. Бенджи Дэвис подошел к Ройстерам и, упершись руками в бока, стал между ними.

— Так высоко стоя не забирались, — сказал Бн. — По эту сторону ручья они из долины не выбегали.

— Да мы ничего, — прошептал

Кэл, — мы лишь на всякий случай...

Бенджи схватил Бэка за плечи и повернул к себе:

— Выкладывай, Бэк! Что ты узнал?

— Я — ничего, — ответил Бэк. — Это папа. Он слышал, не я.

— Да, я слышал вроде как бы визг... — сказал Кэл.

— Отсюда? — настаивал Бенджи.

— Да, вроде как бы отсюда. Кажется, это было перед самым восходом.

Бенджи повернулся к отцу и попытался отобрать у него ружье. Старик резко оттолкнул его с удивительной для своих лет силой.

— Помнишь, сынок, — звонко сказал он, как будто на тридцать километров в окружности не было ни души, — как она попала лапой в крысоловку, когда была еще сосунком?

— Конечно, конечно! — завопил Бэк Ройстер, хотя его никто не спрашивал. — Мы все помним. Ведь она тогда потеряла палец. Впрочем, это случилось, когда она была еще малышкой, и ей никогда не мешало.

— Что ж, отец, — сказал Бенджи, в первый раз в жизни назвав так Спринга, — надо думать, следы от-

печатаются в грязи, как в цементе. Совершенно . . . — он запнулся, подыскивая слово, — совершенно несомненно.

— Ручаюсь за это, — ответил отец.

Спринг приоткрыл затвор винчестера — в патроннике был патрон. Старик снова щелкнул затвором, повернулся и пошел на восток по узкой дороге, буравя глазами землю.

— Пока Кэл не сказал об этом визге, я просто не знал, что и подумать, — обратился он к соседям. — То я думал, что она увязла в проволоке, то — что ее украли там, на шоссе. Мало ли, что могло случиться.

Они не нашли никаких следов, пока не подошли к воротам во двор, почти прямо против дома. Там они увидели отпечатки лап. Их оставила собака, медленно и устало пробиравшаяся с востока по самому краю лесной дороги, вдоль густой травы.

Все сошли на траву, предоставив Дэвисам действовать по-своему.

Бенджи стоял, заглядывая в пустой скотный двор, а отец опустился на колени и стал рассматривать гладкие полосы подсыхающей грязи возле того места,

где пересекались глубокие колеи.

— Как насчет пальца? — спросил сын.

— По-моему, да, — с запинкой отвечал Спринг.

Наконец он поднялся на ноги и обеими руками сжал ружье.

— А, что там! Это б и на суде признали, — заявил он. — Совсем как оттиски пальцев и все такое. Беспалая лапа видна, как вылитая. И следы кончаются у ворот. Возвращаясь домой, она добежала только до сих пор.

Капля влаги выкатилась из-под его заскорузлого века, пробежала ручейком по лицу и потерялась в сети морщинок.

Бенджи сказал:

— Собака была здесь одна: лиса, верно, ушла в нору у устья ручья, в Лестеровской роце. Труба знала, что возвращаться лучше по лесной дороге. Знала, что, раз лисицы нет, пролезать через забор незачем.

— Кэл Ройстер, четырехголовый петух за тобой, — сказал Спринг и в первый раз повернулся лицом к дому Терри.

Старый Эд Армстронг вскричал:

— Стой, Спрингфилд! Стой, брат, погоди! Господь Бог не велит нам спешить в минуты гнева!

— Ну и поезжай себе тише вместе с Господом Богом, — не поворачивая головы, ответил Спринг. — Когда я иду в амбар ловить крыс, молитва мне ни к чему.

— Отдай винчестер, папа, — умолял Бенджи.

— Эй, убирайся, — сказал отец и зашагал во двор фермы. — Не ты ведь вырастил ее — она была моя.

Круто повернувшись, Бенджи уставился на соседей:

— Нечего ему идти туда со всей свитой. Чтоб из вас никто не вздумал соваться.

— Спринг! — завопил Кэл Ройстер. — Он уехал! Спринг, говорю тебе, он уехал на машине! Мы все слышали, как она отъезжала! Мы . . .

— Если его нет дома, папа пождет, — сказал Бенджи.

Из кухни на крыльцо вышел Джекоб Терри. Из коровника доносилось недовольное мычанье двух коров. Их еще не доили, но никого не удивило, что Джекоб отложил работу до этого часа.

В руках у Терри был дробовик.

— Проваливай отсюда, старый черт! — сказал Терри.

— Ты что сделал с ней? — спросил Спринг. Голос старика звучал глухо. — Следы ведут к воротам. Ты что, затащил ее в дом?

— Проклятой собаки я не трогал, но тебя-то я начиню свинцом, если не уберешься подобру-поздорову, — скривил губы Терри и стал поднимать ружье.

Спрингфилд Дэвис выстрелил с бедра. Удивленно и испуганно Терри выронил дробовик. За его спиной скворода зазвенела, как гонг, сорвалась с гвоздя и, подпрыгивая, покатила по крыльцу. Колени Терри подогнулись; он попытался схватиться за грудь, но не мог и, подогнув под себя руки, свалился ничком в грязь у крыльца.

Бенджи вошел в дом. Камден нигде не было, но, не понимая причины ее отсутствия, он все же смутно почувствовал облегчение. Форд тоже исчез. Вероятно, она на нем уехала.

Бенджи Дэвис и сыновья Ройстера целыми днями обыскивали ферму Терри и до и после продажи фермы, скота, машин и домашней утвари. Но тела Боевой Трубы они так и не отыскали. Ее могли зарыть в рыхлую землю скотного двора или свинарника в любом месте, — тогда, конечно, найти ее было очень трудно.

Спринга Дэвиса судили в сентябре. Процес был ничем не примечателен, за исключением речи о псовой охоте, которой блеснул молодой адвокат, вызвавшийся вести защиту бесплатно. Молодой адвокат цитировал «Дифирамб собаке от сенатора Веста» и добавил дифирамбы от себя. Он разобрал

травлю лисиц по-миссурийски и набросал биографию старика Сполдинга, который тогда был еще жив.

Пятьдесятю годами раньше Спринга Дэвиса ни за что бы не засудили. Но в наш век человека убивать не полагается, даже если этот человек, с ружьем в руках, грозит пристрелить вас.

Спринг Дэвис был послан в Джефферсон-Сити и отбыл там три года, восемь месяцев и двадцать один день, после чего был помилован губернатором штата.

В июне первого же года, который Спринг проводил в тюрьме, голос Боевой Трубы снова разнесся над темными долинами. Первой этот голос с того света услышала Аделаида Дэвис. Она помчалась к Бенджи, разбудила его, и оба они уже не спали. На соседней ферме Кэл Ройстер вскочил с постели с воплем: «Бэк! Бэк! Это она! . . .»

И даже младший Ланси, который мучился бессонницей из-за зубной боли, заявил, что ошибки быть не могло: это Труба.

И вот с той самой ночи зародилась легенда и пошла гулять по всему округу и даже за его пределами, легенда о белой собаке, поджарой, как сполдингские гончие: о том, как по ночам, высоко подняв голову, она заливается звонким лаем и гонит зверя в лесной чаще для своего хозяина, оторванного от родимых холмов.

Рассказывали, будто она мчится во главе стаи в тридцать четыре гончих — все славных чистопсовых лисогонов, охотившихся здесь еще до Гражданской войны. Среди них были гончие, пришедшие в Миссури с Даниэлом Буном, клыкастые великаны, способные в одиночку свалить оленя, пожелай они только. Но вся стая гнала беззвучно: даже самые сухие прошлогодние листья не шуршали под их лапами, а лай их был не таков, чтобы его слышал любой. Вот если вас ждала смерть, вы могли еще услышать, как они заливаются лаем по зверю — все разом.

В среду, 26 сентября, Бэк Ройстер пришел ночью к Дэвисам и поднял Бенджи с постели. На Бэке лица не было от волнения. Бенджи вышел на заднее крыльцо в ночной рубашке и спросил, в чем дело.

— Я что-то нашел, — объявил Бэк, — нашел там, в темноте, и думаю, что тебе лучше будет взглянуть самому.

Бенджи пристально посмотрел в глаза говорившему, словно желая пробуравить его взглядом.

— Я только оденусь, Бэк.

Вскоре он вышел и присел на ступеньку натянуть сапоги.

— Где это . . . то, что ты нашел?

— В Холостяцкой роце. В восточ-

ном конце ее, там, где раньше стояла сторожка. Конец изрядный, но я захватил с собой фонарь.

— Пожалуй, и я возьму свой, — сказал Бенджи.

Они пошли через двор, и светлый круг плясал у них то под ногами, то впереди.

— Тебе может понадобится и лопата, — пробормотал Бэк, — или же мешок.

— Я думаю, мешок будет лучше, — помолчав, ответил Бенджи и взял мешок из-под зерна, висевший на двери амбара.

Идя по огороду, они слышали, как за Водоразделом заливались ройстеровские собаки и парочка армстронговских, гоня на север, к зарослям вдоль Холодного ручья. Несколько дэвисовских тоже было завывали, но без особого воодушевления: они уже позабыли черные как уголь ночи, когда лисица струит сквозь чашу свой маслянистый запах.

Жутковато было пробираться по дубняку, где звонко стрекотали цикады, притаившись под тугими зелеными листьями, да отдельные желтые листья косо ныряли в прямые лучи электрического света.

— Папа! — позвал Бэк.

— Я здесь, — отозвался старик. — Добрый вечер, Бенджи.

Том Ройстер даже не поздоровался: от смущения он не мог выговорить ни слова.

Подойдя к ним, Бенджи взял то, что вручил ему Кэл Ройстер. Это был кожаный ошейник, который от жары, мороза, дождя и покрывшей его плесени затвердел как железо, но в расплюсненном серебряном долларе ошибки быть не могло.

— Где остальное? — спросил Бенджи после долгого молчания. Ошейник он сунул вместе с прилипшими листьями под рубашу.

— Вот здесь, в кустах. Оно немножко разбросано.

Бенджи опустился на колени. Если бы не знать, зачем он сюда пришел, можно было бы подумать, что он молится. Кэлу Ройстеру вдруг захотелось снять шапку... только ведь он никогда не делал этого для собаки.

— Сколько времени это здесь, по-вашему? — спросил наконец Бенджи.

Ройстеры высказали несколько сбивчивых догадок. По костям ведь узнать не так легко. Доктор, вероятно, определил бы точнее. Тут, верно, потрудились животные и птицы. Может быть год, может два, а то и три или...

— Вопрос в том, — строго и медленно сказал Бенджи, — провела ли она здесь всю ту ночь, или же прибежала потом? Либо одно, либо другое. Вопрос в том, ее ли голоса мы слышали в июне два года назад, или...

Кэл Ройстер перебил его:

— Чтоб я лопнул, если это был не ее голос! Я слышал своими ушами.

— Но чтоб я пропал, — прошептал Бенджи, — если то были не ее следы у скотного двора Терри в июле тридцать первого.

Ройстеры помогли Бенджи собрать останки, и он понес их домой. Бэк Ройстер шел впереди с электрическим фонарем. Они взяли лопату, стоявшую под деревянным навесом, и зарыли принесенное вместе с мешком под китайской яблоней в углу маленького фруктового сада миссис Дэвис. Бенджи вымыл ошейник, насухо вытер его, отнес наверх и повесил на стойку зеркала на комод, поверх своих галстуков.

В июне следующего года их предупредили меньше чем за сутки, что Спрингфилда Дэвиса выпускают из тюрьмы.

Его усы и волосы побелели как снег, лицо осунулось, кожа словно высохла. Бенджи ожидал, что отец будет бледен и желт, как сальная свечка, но этого не было; Спрингфилд объяснил потом, что он много работал на воздухе. По его мнению, самым скверным во всей этой истории с тюрьмой было следующее: уж очень много заключенных звали его папашей.

Он внимательно поглядел на ферму Терри, когда они поравнялись с ведущей к ней и поросшей лопухами дорогой, и хотел было что-то спросить, но спустя минуту мимо них уже промелькнула северная пашня Дэвисов, и, шурша шишами, автомобиль въехал в ворота.

За кустами пионов был поставлен длинный стол, и в воздухе запахло всевозможными блюдами — от жареных кур до маринованной свеклы. Когда шум приветствий стих, Спринг сказал, что с удовольствием бы переделся, и в сопровождении Бенджи поплелся по узкой лесенке в жарко нагретые солнцем комнаты под самой крышей. Там висела старая одежда Спринга, но выстиранная и выгуженная — чужая для него; он не мог почувствовать себя дома, пока от его скрюченных локтей и коленей она не вытянется в соответствующих местах.

Миссис Дэвис выкинула старые подтяжки мужа, а к новым он никак не мог приладить брюки. Спринг пошел в комнату Бенджи за помощью, и первое, что он там увидел, был ошейник Боевой Трубы, висевший рядом с зеркалом.

Бенджи никогда не простит себе этого, доживи он хоть до ста лет.

Спринг долго жевал губами и наконец, справившись с собой, выдал:

— Значит, ее все-таки нашли. Ты мне об этом не писал.

— Папа, — простонал Бенджи, — сядь, папа, сядь!

В конце концов старик сел, уткнувшись в перине, лежавшей на узкой кровати, и стал попытываться:

— Где же ее нашли? Где она была? Отвечай мне.

— В Холостяцкой роще. Мы нашли ее только в сентябре прошлого года.

— В Холостяцкой, — как эхо отозвался Спринг. — Нет, нет, не может быть!

— Рядом со старой сторожкой, — сказал сын как можно мягче.

— Значит, Терри был совсем ни при чем, — сказал Спринг.

— Может быть, она забежала туда, когда он подстрелил ее, или...

— Не говори глупостей, — шикнул на сына старик. Глаза его были мокры от слез и сверкали. — И все-таки, — прошептал он скороговоркой, — я не жалею о том, что сделал. Когда-нибудь мне все равно пришлось бы так поступить. Ведь он не шутил, Бенджи: он убил бы ее, как пить дать.

— Конечно, убил бы! — вскричал Бенджи. — Уж не думаешь ли ты, что кто-нибудь тебя винит.

Спринг держал ошейник в руках и все вертел его.

Бенджи вытер пот со лба.

— Папа, — начал он, это еще не все. На следующий же год после того, как тебя увезли, в июне...

Он кратко рассказал о трубном лае, прозвучавшем в рощах за Небесным ручьем, о том, как к этому отнеслись окрестные фермеры, и о собаках-призраках, которые, по стоустой молве, беззвучно травили лисиц по ночам без охотников.

Выслушав Бенджи до конца, Спринг высморкался.

— Было время, когда я живот бы себе надорвал от хохота над такими рассказами, — сказал он просто, — но за последние четыре года я немало передумал: времени у меня хватало. Забавные вещи, сынок, случались и на войне и в другие времена. Моя мать узнала, что брата Руфуса убило бревном рухнувшей хижинки, задолго до того, как ей об этом сообщили. Ей вроде как бы сон приснился... Не скажу, чтобы в ту ночь вы слышали Трубу, но что-то вы безусловно слышали. Частенько и мне казалось, что я слышу ее, сидя там, в Джефферсон-Сити...

В сумерках, когда все стихло и разговор по меньшей мере раз десять сворачивал с травли лисиц на другие темы, Спринг удивил собравшихся: поднявшись на ноги, он медленно прошел во двор и пощупал траву.

— Мокрой ее, конечно, не назовешь, — проговорил он так раздельно, что все расслышали его слова, — но между травинками чувствуется этакая приятная сырость. Когда тут шел дождь последний раз?

Откашлявшись, кто-то сказал:

— Позавчера ночью, что ли.

Спринг обратился к Ройстеру:

— Кэл, запахи наших черных ночей мерещились мне без малого четыре года.

— Я не думал, что тебе захочется... — начал Бэк и остановился

в замешательстве, закусив губу.

— Захочется — чего? — эхом отозвался Спринг Дэвис.

В сгущавшейся мгле он был похож на привидение старого партизана, и аромат июльских цветов был душен, как на похоронах.

— Почему бы и нет? Ведь когда умирает кто-нибудь из близких, мы продолжаем жить — не так ли? Жить надо. Я хочу как можно скорее опять усестись у костра.

Бенджи встал, чувствуя дрожь в коленях.

— Собаки поотвыкли, папа. Я ведь все время хозяйничал на ферме.

— Ничего, пусть только попадут на горячий след — им сразу прочистит носы, — сказал Спринг.

Казалось, что он, единственный не потерявший мужества, старался приободрить остальных.

— Жаль ведь, чтобы такая славная влажная ночь пропала даром. И никакого ветра с юго-востока.

Все всколыхнулись, и не один фермер поднялся на ноги. Но несмотря на горячее желание, чувство деликатности удерживало их. Они почувствовали, что в этой охоте — первом выходе старого Спринга на холмы Небесного ручья — было нечто трогательное, нечто священное для Дэвисов и Ройстеров, охотившихся вместе с незапамятных времен.

— Боюсь, что Геб не сумеет досмотреть за жеребенком, — сказал старый Эд Армстронг. — Придется ведь все время перебинтовывать бабки.

Ланси заговорил о том, сколько им завтра предстоит работать в поле, а Генри Петтигрю мрачно пробормотал что-то насчет ревматизма в колене.

— Что ж, — произнес Бэк Ройстер и сделал широкий жест, словно отмечая остальных, — похоже на то, что всем надо идти работать или ложиться пораньше спать. Но мы с папой охотно пройдем с тобой в рощу, Спринг.

Дэвис сказал:

— Давай гончих, Бенджи. Еды нам брать, пожалуй, не стоит: уж очень основательно мы поужинали. Через полчаса все четверо — Спринг, Бенджи, Кэл и Бэкер, — пройдя узкую полоску клевера, окунулись в темноту долины.

На вершине Водораздела спустились собак. Дэвисовских было четыре, все немолодые — их голоса Спринг Дэвис знал, как свое имя. Белье пятна зигзагами метнувшись туда, где мрак казался гуще: там чаще всего можно было напасть на след лисы.

Охотники ждали, присев на корточки.

— Какая-то взяла след, — сказал Кэл, когда с вершины холма донесся протяжный вой. Вдруг он прекратился.

— Нет, — проворчал Бенджи, — это тебе показало. Если это был Главный Сектор... когда он по-

следний раз гнал по собственному следу, Бэк?

Бэк не мог сдержать улыбки, как ни старался:

—С месяц тому назад. Подожди малость.

Вокруг них роилась мошкара. Наконец маленькая Элси Джанис напала на восхитительную улику и лаем сообщила об этом. К ней присоединились Билли Брайен и Орешек, и вскоре вся братия, заливаясь мелодичным лаем, погнала к южному склону.

При свете первого язычка пламени, нежно скользнувшего по сухим сучьям, Бенджи Дэвису почудилось нечто — и дыхание у него замерло. Он раздул огонь, чтобы разглядеть получше... Да, перед уходом из дому Спрингфилд поднимался на антресоли, но тогда Бенджи как-то об этом не подумал. А сейчас он увидел, что у старика за подтяжку аккуратно засунут выдавший виды горн.

Волосы у Бенджи встали дыбом. Он увидел, что у Бэка Ройстера трясутся руки, и понял: тот тоже заметил трубу. Дикая мысль пришла в голову Бенджи: «Силы небесные, что же с нами будет, если он встанет и затрубит в эту штуку?»

Бэк дрожал от той же мысли. Был июнь... он знал и месяц, и год, и ферму, он знал каждый клочок земли под ногами, но при первом же звуке горна этот привычный мир мог превратиться в сумасшедший дом. Кто знает, какая нечисть может откликнуться на зов трубы и ринуться сюда, ломая кусты?

Через несколько минут собак уже не было слышно.

Все молчали. Бревно на костре обуглилось и съезжилось до размеров обглоданной кости. Бенджи поднялся, чтобы поискать сухих поленьев.

Он словно прирос к месту, ошеломленный донесшимся звуком. Далекий, наполовину заглушенный звоном древесных лягушек, словно потусторонний, он мог исходить от какого-нибудь ночного астреба, парившего в вышине... Но нет, не из горла птицы шел этот звук, и в первое мгновение Бенджи вообще не мог понять, чье горло способно было издавать такие звуки.

Прежде чем у Бенджи помутилось в глазах, он еще успел заметить, как голова отца приподнялась и кивнула. Спринг приоткрыл рот: он вслушивался, как человек, только наполовину угадывающий истину.

И снова понеслись серебристые звуки — словно там, в роще за Небесным холмом, призывно затрубил рог. Бэк Ройстер, приподнявшись на локте, пододвинулся к костру, и лицо его из красного стало желтым.

—Бенджи,—шепнул Спринг Дэвис,—она взяла след.

— Это гончая, — резко сказал

сын. — Чей-то выжлец... гонит в одиночку. Надо думать, это Армстронга.

Под нависшими бровями орбиты Спринга казались темными и пустыми: колеблющиеся тени играли странные шутки с его лицом. Он сказал:

— Нет, так не поет ни одна из армстронговских.

Затем, кряхтя, встал и ощупал мундштук своей трубы.

—Кэл,—произнес Спринг,—если она подбежит совсем близко, я затрублю.

Бенджи не мог понять, зачем ей понадобилось воскреснуть и снова носиться по лесу. Это, несомненно, был ее голос: другой собаки с таким мелодичным лаем не существовало на свете. Быть может, — дерзнул Бенджи предположить, — Боевая Труба так любила Спринга, как могла бы любить его женщина; только любовь эта была жестокая, эгонстичная, грозившая им всем безумием и безвозвратной потерей привычного мира, в котором жили другие.

Бэку захотелось внезапно с облегчением расхохотаться. Он надеялся, что она окажется привидением — как все будет тогда понятно и просто! Но тут он услышал, как старый Спринг сказал:

— Моя певунья! Певунья, каких больше нет на свете.

Кэл схватил друга за руку:

— Тише, Спринг, возьми себя в руки, — дрожащим голосом произнес он.

Спринг захохотал.

Звонкий лай снова взвился к облакам и ринулся на них, заставляя забыть обо всем окружающем.

— Взять себя в руки? С какой стати? Я создал чудеснейший голосок, какого здесь никто еще не слышивал, и горжусь этим. Вы, верно, все посмеивались, видя, что я захватил с собой эту трубу, но я так и думал, что она мне пригодится.

Он помолчал, затем лукаво осклабился и кивнул, когда до них снова донеслись раскаты лая.

И тогда, в густом мраке, где-то далеко-далеко, как будто за лаем гончей, запела труба. Прозвенели две-три ноты — те самые, которыми Спрингфилд Дэвис всегда подзывал свою любимицу.

Лай резко оборвался, и рощи, казалось, простерли к ним пустые руки.

Охотники смотрели друг на друга, одно бледное лицо словно отражалось в другом. И тогда в первый раз стали видны глаза Спрингфилда, сверкавшие смятением и гневом.

— Я не давал права! — закричал он. — Никогда, никому я не разрешал так подзывать ее!

Спринг и Кэл уже жестоко увязали в подлеске, проламывая себе путь, когда сыновья опомнились и, окликнув друг друга, пришли ста-

рикам на помощь. Пока они не перебрались через Холодный ручей и не взобрались на пригорок за ним, никто не мог произнести двух слов. Первым заговорил Спринг.

— Погасите фонари, — приказал он. — Я вижу какой-то костер.

Лес поредел. Начиналась просека, вдоль которой тянулись столбы бывшего забора: когда-то здесь на зеленой траве паслись овцы Джекоба Терри.

Вдалеке, освещенная пламенем, виднелась фигура.

— Женщина, — сказал Бэк.

У костра сидела Камден Терри. Она не двинулась, даже когда под ногами прищельцев захрустел валежник. Видимо, девушка все время ждала такого нашествия. С ней была собака.

Девушка подняла голову и взглянула на охотников. Бенджи подумал, что она никогда не казалась прекраснее, даже в тот день, на суде. В зареве костра волосы ее горели червонным золотом; в глазах светилось спокойное достоинство и бесстрашие, но было видно, что она, несомненно, ждет над собой сурового суда.

Спринг шагнул к костру и бросил взгляд на гончую, которая свернулась клубком, тесно прижавшись к руке девушки.

— Ты трубила? — были его первые слова: он заметил горн на коленях у Камден Терри.

— Я, — ответила она.

— Эта гончая... — горло у него словно разбилось вдребезги. Казалось, он по кусочкам снова собрал его. — Что это за собака?

— Я вырастила ее.

— Но у нее — голос той...

Девушка подняла на него глаза:

— Это ее... Это щенок Боевой Трубы. Ее и Гордеца. Их было пять, но только у этой такой голос.

Спрингфилд зашатался. Бенджи поддержал его.

— У нее никогда не было щенков, — хрипло сказал Спринг.

Собака смотрела на старика добрыми печальными глазами, и ноздри у нее дрожали: она принюхивалась к нему. Камден Терри встала; труба скатилась на землю. Свет костра превратил голубое платье девушки в пурпур и такое сделал с ее глазами, что на мгновение у Бенджи захватило дух.

— Мистер Дэвис, — сказала девушка, — мой отец не убивал Боевой Трубы.

— О, мы знаем это! — воскликнул Спринг. — Мальчики нашли ее скелет в Холостяцкой роще и слышали ее голос в лесу, но я утверждаю, что она никогда не была повязана ни с одним выжлем.

— В ту ночь... — голос Камден звучал совсем тихо, она крепко переплела пальцы обеих рук. — Я выехала за ворота, как я показывала на суде... Она бежала мимо ворот. Я слишком поздно заметила ее. Я не могла... там такой крутой поворот... Я выскочила из ма-

шины и подобрала ее. Она была жива, но... даже искалеченная, она, казалось, ни в чем меня не винила. Я так испугалась: что будет, когда узнают, что Труба попала под машину.

Словно с того света донесся голос Кэла Ройстера:

— Фары. Они на минуту остановились. Тогда-то я и услышал визг.

— Я взяла ее с собой. Приехав к дяде, я сказала ему, что нашла на дороге собаку, которую кто-то переехал. Когда же мы узнали о несчастье, я не посмела сказать правду. Вам пришлось бы хуже, если бы присяжные знали, что Труба жива.

Не сводя суровых глаз с девушки, Спринг велел ей продолжать.

— У нее пострадало плечо и нога. Она была искалечена, но я выходила ее. В феврале ей пришлось время, я повязала ее с Гордецом. Это сполдингский выжлец — единственный хороший, оставшийся у дяди. Труба принесла пять щенков. Но только вот эта с таким же лаем, как у нее. Труба ждала, пока их не отлучили. Затем, однажды ночью она сбежала. Была луна... У собаки еще не пропало молоко... она была слабая, гонять не могла, но она сбежала. На другой день мы прошли двадцать пять километров по ее следу, но так и не нашли ее. Мы никогда толком не узнали, жива ли она, но я всегда думала, что она погибла, возвращаясь домой.

Вскоре Спринг открыл глаза и кивнул девушке.

— Видишь, — пробормотал он, — меня выпустили.

У нее задрожал подбородок.

— Я знала. Поэтому-то я и пришла сегодня сюда. Я подумала, что, может быть, вы придете в рошу.

Пядь за пядью гончая подползла к Спрингу и обнюхала ему ноги. Сперва старик задергал ногами, но потом, лежа неподвижно, стал внимательно наблюдать за собакой.

— Со мной уже все в порядке, сынок, — проворчал он и приподнялся на локте. Глазами знатока он изучал масть и все статьи собаки: ее поджарый живот, широкую грудь, крепкую спину, далеко выступающие суставы задних лап... Собака чихнула. Затем она с любопытством взглянула на Дэвиса, перешагнула через его ноги, вежливо помахивая хвостом, и обнюхала его с другой стороны.

— Бежать она, пожалуй, может, — сказал Спринг.

— Я приучила ее к рогу. Как и... мне думалось, что так будет лучше всего.

Камден посмотрела на Бенджи, — тот наклонил голову в знак согласия, и его лицо приблизилось к самому лицу девушки.

Спринг спросил:

— Как ты ее назвала?

— Крошка-леди.

◆◆◆

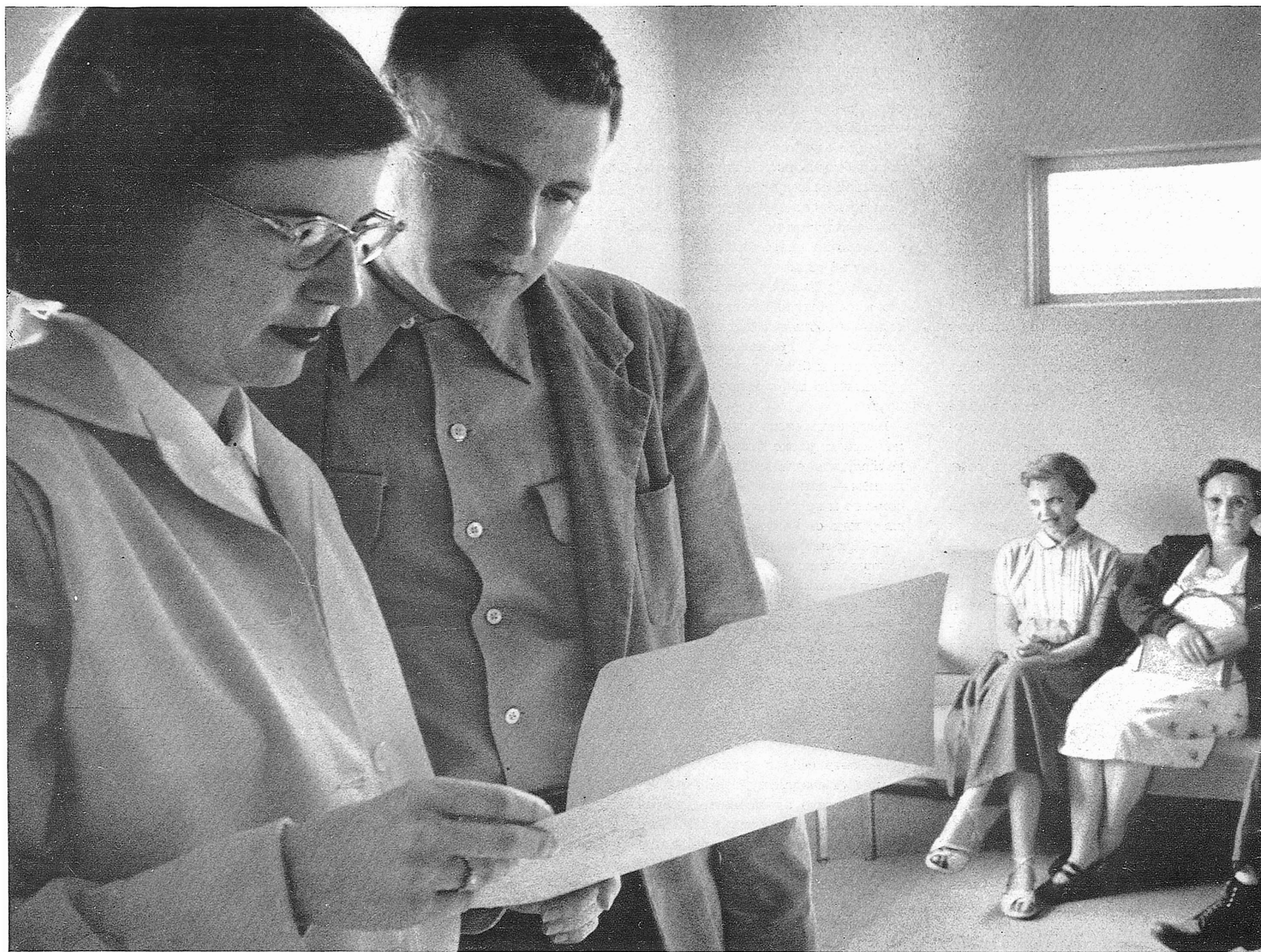

ФОТО БОБА УИЛЛОУБИ

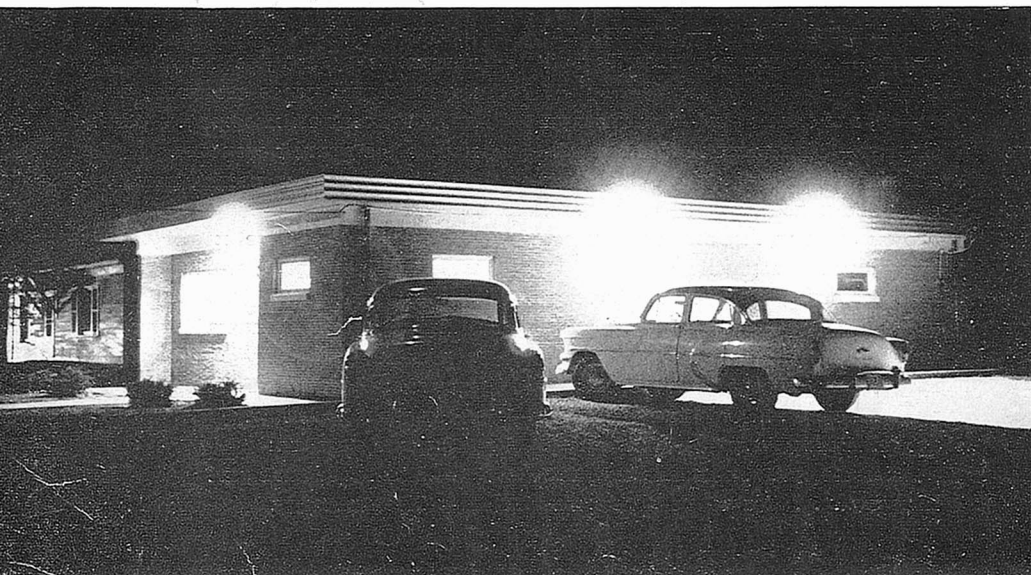
С разрешения журнала «РЕДБУК»

В ГОРОДЕ ДВА

В приемной маленькой амбулатории в Ютике доктор Колл и доктор Уилл Кампрат просматривают историю болезней одного из своих многочисленных пациентов.

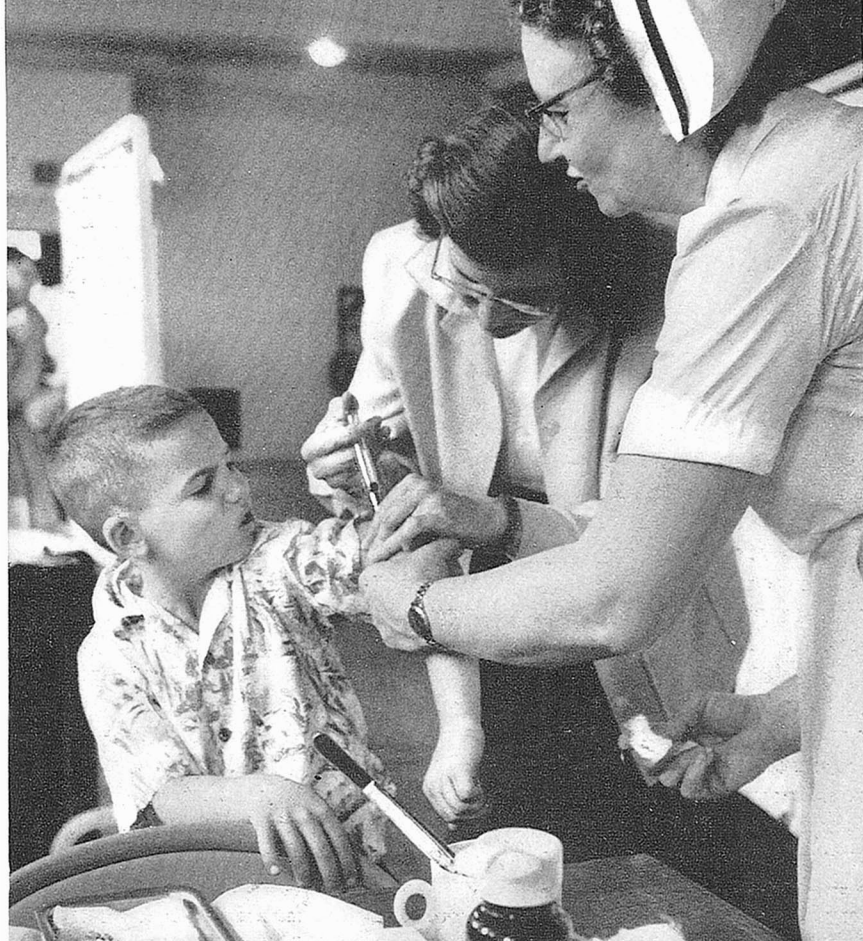
В этой амбулатории Кампраты принимают около 35 больных в день. Они ежедневно посещают от трех до шести больных на дому и навещают пациентов в двух соседних городах,

Семь лет тому назад Уилл Кампрат женился на Колл Квигли. Оба были студентами-медиками. Четыре года спустя молодая чета поселилась в маленьком городке Ютика (штат Небраска), с населением в 550 душ. Жителям местечка приходилось обращаться за медицинской помощью в соседние города, поэтому они пришли в восторг, получив в лице молодого доктора и его жены сразу двух собственных врачей, и решили построить амбулаторию. Они ссужали деньги на постройку и жертвовали своим временем, производя малярные работы, посадку деревьев, заливку бетона. Со своей стороны, д-р Уилл и д-р Колл отодвинули личную жизнь на задний план. Домашним хозяйством и семейными делами они занимаются лишь урывками; в свободные минуты, не заполненные приемами в амбулатории и посещениями больных в Ютике и в ближайших городах. В их жизни немало острых моментов, в нее часто врываются срочные вызовы. Но для молодой четы, связанной не только браком, но и общим делом, это тесное сотрудничество полно глубокого удовлетворения: они живут и работают рука об руку, сохраняя друг другу жизнь и здоровье.

НОВЫХ ВРАЧА

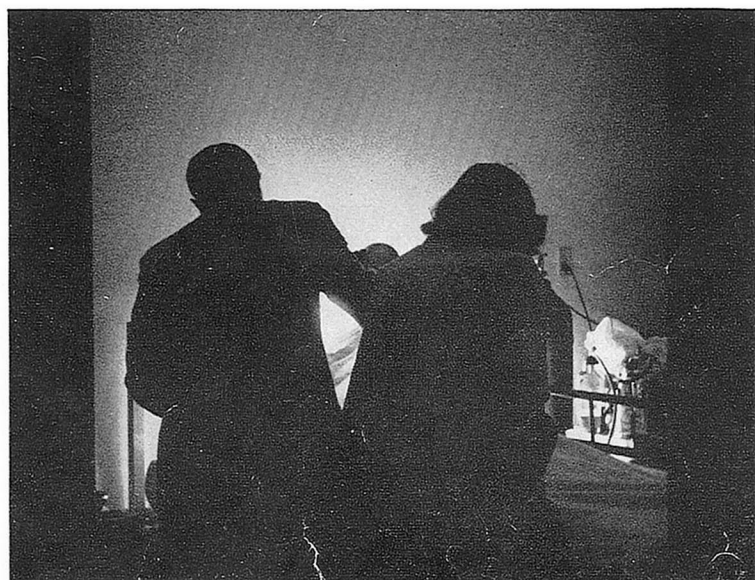

В школе г. Ютики д-р Колл делает всем детям впрыскивания вакцины Солка против полиомиелита. Взрослым также делают прививки против этой болезни.

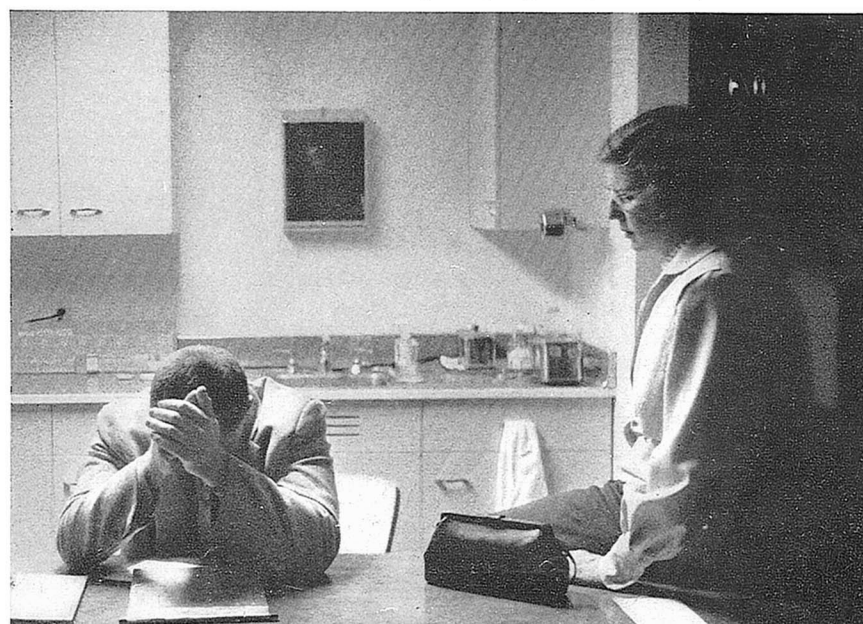
Срочный вызов со счастливым исходом. У Джуди Буш были острые боли в области живота и сильный жар, но оказалось, что это грипп, а не аппендицит.

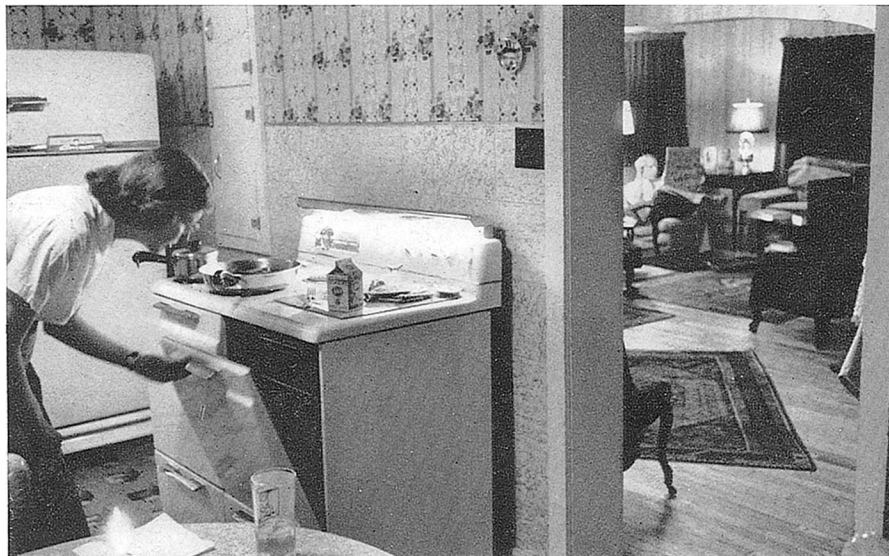
Иногда даже лучшее недостаточно хорошо. Они набрасывают покрывало на тело пациента, только что умершего в больнице недалеко от Ютики.

Хотя он знает, что лечение было правильное и что для спасения пожилого пациента ничего больше нельзя было сделать, — доктор Уилл глубоко опечален.

Д-р Уилл читает, а д-р Колл готовит обед. Соседи знают, что у нее нет времени на затейливую стряпню, поэтому часто приносят в подарок пироги и варенья.

Дома можно иногда отдохнуть душой

Время от времени, по вечерам, молодые супруги намереваются уютно отдохнуть дома. Но отдых редко длится долго: раздается телефонный звонок, и д-р Уилл отправляется со срочным визитом. Когда же Кампра-там случается урвать несколько часов для себя, они любят завести граммофон, посидеть у телевизора, отправиться на прогулку со своей собакой, поговорить о предстоящем увеличении семейства. Д-р Колл, не один год учившаяся музыке и танцам, часто играет на рояле, отдыхая после напряженного рабочего дня. Иногда она остается на дежурстве в амбулатории, пока д-р Уилл заканчивает партию в гольф. Но никогда их не оставляет мысль, что здоровье 550 жителей Ютики гораздо важнее их досуга и развлечений.

Молодые врачи отдыхают после обеда у себя на кухне. Живут они

Чета Кампрат гуляет вечером со своей собакой Бутчем. Д-р Колл с удовольствием играет в кегли; д-р Уилл любит гольф и верховую езду.

в переделанном амбаре, но надеются построить себе, в будущем, новый дом.

Спокойные вечера — редкость в доме Кампрат: через несколько минут после того как был сделан снимок, дру Уиллу пришлось уйти по срочному вызову.

СУЛЛИВАН, ФИЛОСОФ АРХИТЕКТУРЫ

МАРДЖОРИ А. ЯРЕС И МАРИЯ К. ИЛАНД

Многое налагает отпечаток на облик города: площадь, в пределах которой он вынужден развиваться; насколько рационально эта площадь используется; причуды и идеалы архитекторов; хороший или, наоборот, дурной вкус жителей. Магазины, банки, церкви, учреждения и музеи создаются, в конце концов, тысячами людей.

То, что рассказывается ниже, есть история только одного человека. Но дух этого человека, почти никому не известного при жизни, запечатлен в облике многих городов Америки. Критики сходятся в заключении, что самобытность его взглядов и страстность, с которой он их защищал, сделали его одним из великих мыслителей века в области архитектуры.

Луис Сулливан был, вероятно, первым американским архитектором, по-настоящему понимавшим свою страну и творившим в согласии с нуждами и стремлениями своего народа. Подобно Уолту Уитмену, он сознавал, что Америка ищет новых средств выражения своего духа и своей культуры и что ей нужны для этого смелые мыслители. Большинство американских архитекторов XIX века находилось под сильным влиянием идей Старого света. Они лепили дорические колонны на фасады магазинов, украшали дома жителей прерий средневековыми башенками и сооружали тяжеловесные массивные здания для деловых контор в быстро развивавшихся американских городах.

Сулливан отверг эти устаревшие приемы как не отвечающие духу новой американской культуры. Он считал, что «форма определяется функцией», т.е. что внешний вид здания должен соответствовать цели, для которой оно

построено. Если здание предназначено под учреждение, не следует придавать ему вид римского храма или особняка эпохи королевы Виктории. Напротив, оно должно быть удобным, изобиловать светом и воздухом и иметь минимум несущественных украшений. Вместе с тем архитектура здания должна гармонировать с тем материалом, из которого оно строится. Сулливан знал, что у стали, стекла и камня есть своя собственная красота, которая должна быть выявлена в проекте. Но прежде всего, по мнению Сулливана, здание должно отражать уважение к людям, живущим в нем или близ него: его формы должны быть понятны и близки им по духу.

Ярче всего взгляды Сулливана выразились в его подходе к задачам высотного строительства. Многие архитекторы последней четверти XIX столетия пробовали свои силы в этой области. И все же высотное здание было в то время новшеством. Оно не попадало ни в одну категорию известных строителям сооружений, и ни одна традиционная академическая формула, как бы ее ни растягивать, не подходила для него.

Сулливан первый увидел и использовал архитектурные возможности высотного здания. В эпоху, когда массовая выплавка стали, необходимой для постройки такого здания, стала реальностью, оно несло с собой решение проблемы перенаселенности американских городов.

Сулливан не особенно тревожился насчет высоты. Он говорил: «В чем главная особенность высотного здания? На этот вопрос можно, не задумываясь, ответить: его величественность. В каждом дюйме его высоты должны сказываться гордость и стремление ввысь».

Облекая железный каркас высотного здания каменной

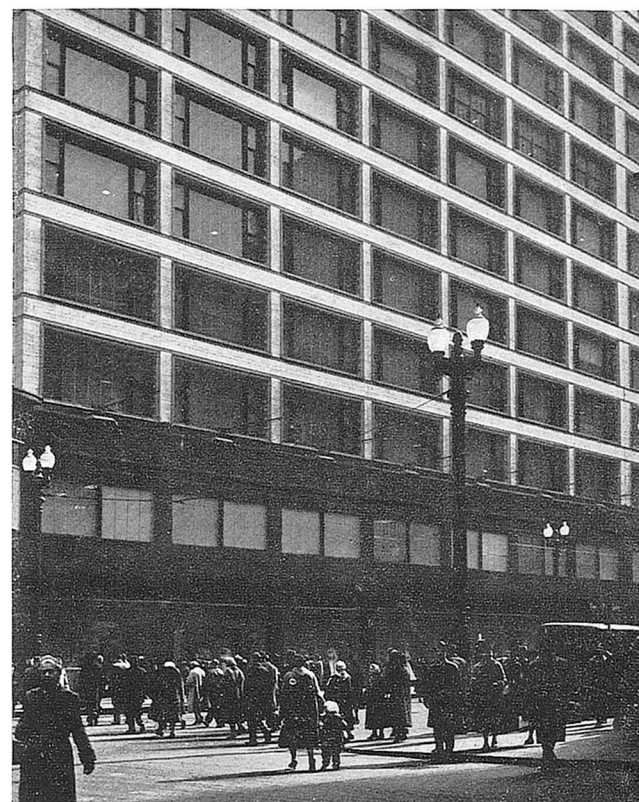
кладкой, Сулливан выявлял его конструктивную природу. Поверх камня он накладывал тонкий узор орнамента.

Здание «Уэнрайт» в Сент-Луисе, с его стремительными вертикальными линиями, и универмаг «Карсон-Пири-Скотт» в Чикаго, отличающийся уравновешенностью вертикальных и горизонтальных элементов, — характерные образцы проектирования, которыми Сулливан предопределил тип будущего небоскреба. А в своих писаниях он дал и теоретическое обоснование тем мыслям, которые позднее нашли отражение в облике современного американского города.

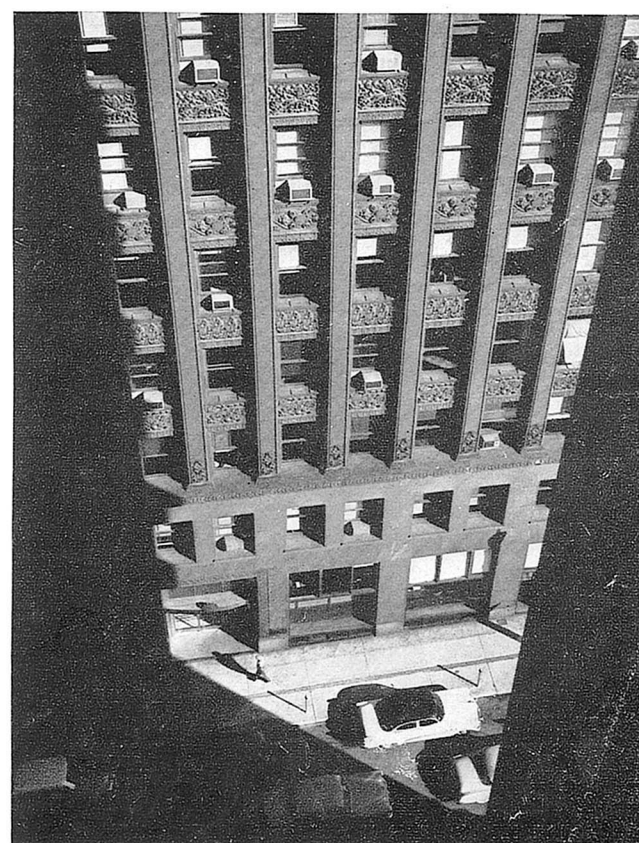
Свои идеи Сулливан вынашивал и воплощал в виде чертежей на протяжении всей своей жизни. Он родился в Бостоне в 1856 году, но в детстве провел несколько лет в деревне. Это дало ему сознание безграничности природы, той безграничности, которая особенно подчеркивала скудность города — подлинного детища человека. Сулливану не было еще и двенадцати лет, когда он пришел к заключению, что его интересует зодчество. Однажды, проходя по улице, он увидел крупного внушительного господина, выходящего из ближайшего дома и садившегося в экипаж. Мальчик осведомился у рабочего, кто этот господин. Тот ответил, что это архитектор-строитель; это он составил проект здания, «выдумав его прямо из головы», — пояснил рабочий. Объяснение произвело на Луиса большое впечатление, и он тут же решил, что тоже станет архитектором и будет сам «выдумывать» чудесные здания.

Когда Сулливан был в школе, один из учителей, взыскательный, но умевший увлекать учащихся, научил его умению дисциплинировать свой ум и свои способности. Это дало Луису хорошую подготовку для будущей работы. Около года занятий в Массачусетском технологическом инсти-

Сулливан — зодчий, учитель и мечтатель — провидел города, где постройки будут служить практическим целям и одновременно вдохновлять воображение. «Человек творит по образу мыслей своих», — говорит Сулливан. Его здания — «Карсон-Пирри-Скотт» в Чикаго, 1899 г. (вверху) и «Уэнрайт» в Сент-Луисе, 1890 г. (внизу) — были одними из первых, устремивших профиль города ввысь. Стальная «клетка» Сулливана подчеркивает горизонтальные (вверху) или вертикальные (внизу) линии.

туте и еще год в парижской Школе изящных искусств завершили «формальное» образование Сулливана. Но в течение всей жизни, в процессе работы и решения различных вопросов, связанных с проектированием, он неустанно углублял свои познания архитектуры.

Вернувшись из Парижа, он отправился в Чикаго, который в это время отстраивался после страшного пожара 1871 года, уничтожившего центр города. Большой и шумный город рос на богатстве, создавшемся от торговли рогатым скотом, свиньями и пшеницей. Чикаго кипел энергией, и люди, населявшие его, были так захвачены жизнью и работой, что мало у кого оставалось время остановиться и спросить себя, откуда они пришли и куда идут.

Пять лет проработал Сулливан у различных архитекторов в Чикаго, и все эти годы его не переставали волновать скрытые возможности города. В отличие от многих чикагцев, Сулливан отчетливо представлял себе город таким, каким он был много лет назад, — крохотным поселением трапперов и торговцев на берегу озера Мичиган, окруженным бесконечными лесами. И ему хотелось, чтобы в поисках архитектурных форм, Чикаго почаще оглядывался назад, на свое прошлое, и задумывался над будущим своим назначением, вместо того, чтобы слепо следовать архитектурным образцам Старого света.

«Город... это только ширма, — говорил Сулливан. — За этой ширмой — мужчины, женщины и дети, которым он нужен, которые готовы принести жертвы ради того, чтобы он существовал, которые всегда думают о нем. Город — их образ, их материальное воплощение».

Сулливан поступил в бюро известного в то время архитектора Данкмара Адлера и в 1881 году, в возрасте лишь

двадцати пяти лет, стал его компаньоном. Самый выдающийся американский архитектор нашего времени Франк Ллойд Райт работал и учился в этом самом бюро под руководством Сулливана. Они очень сдружились, и Сулливан делился всеми своими мыслями с восприимчивым юношей. Даже и сейчас, в возрасте восьмидесяти восьми лет, Райт называет Сулливана не иначе как «учитель».

Сулливану было тридцать лет, когда он вместе с Адлером начал работу над постройкой чикагского «Аудиториума». В течение долгих четырех лет, ушедших на эту работу, по проекту Сулливана была выстроена массивная каменная башня, примыкающая к главному зданию. Аудиториум с залом, вмещавшим 4.200 человек, был признан наиболее внушительным и совершенным зданием, созданным Адлером и Сулливаном. В нем было десять этажей, и в свое время он считался самым большим и самым сложным сооружением Соединенных Штатов. Несмотря на то, что в целом здание выдержано в традиционном стиле, некоторые его детали, разработанные Сулливаном, до сих пор служат предметом изучения для студентов. Аудиториум предназначался для оперных представлений, концертов, лекций и других массовых собраний, и это нашло себе отражение в размере помещений, в широком размахе лестниц и балконов.

Работа над сооружением Аудиториума имела для Сулливана еще то значение, что она дала ему возможность вывить свои взгляды на архитектурные украшения. Критики называют украшения Сулливана «органическими», т. е. как бы вырастающими из самого характера здания, а не являющимися искусственным придатком к нему. Подход Сулливана к задачам орнаментации определяли его воспо-

«Когда здание закончено, — говорил Сулливан, — архитектурные украшения должны выглядеть на нем так, словно они сами собой, под воздействием какой-то благотворной силы, выросли из материала постройки, так же, естественно, как цветы появляются среди листьев растения». Воплощением этих идей Сулливана является показанное здесь здание Аудиториума (Чикаго, 1887 г.).

Среди последних построек Сулливана был ряд банков, — он называл их «шкатулками с драгоценностями», — которые украшают главные улицы многих городов Среднего Запада. Здесь показано здание банка «Национал фармерс» (Оватонна, штат Миннесота, 1908 г.). Прежде чем составить план здания, Сулливан посещал президента банка, беседовал с ним и членами его семьи, выяснял их взгляды и желания. Один банкир так отзывался о Сулливане: «У него была гордость и независимость мышления, которыми я всегда восхищался».

минания о жизни на лоне природы в Новой Англии; именно это позволило ему достичь смелых и неповторимых результатов. Перила лестниц, колонны, потолки Аудиториума — все носит на себе отпечаток таланта Сулливана, нечто вроде его «подписи». Так именно проявлялся его поэтический, полный одухотворенности дар.

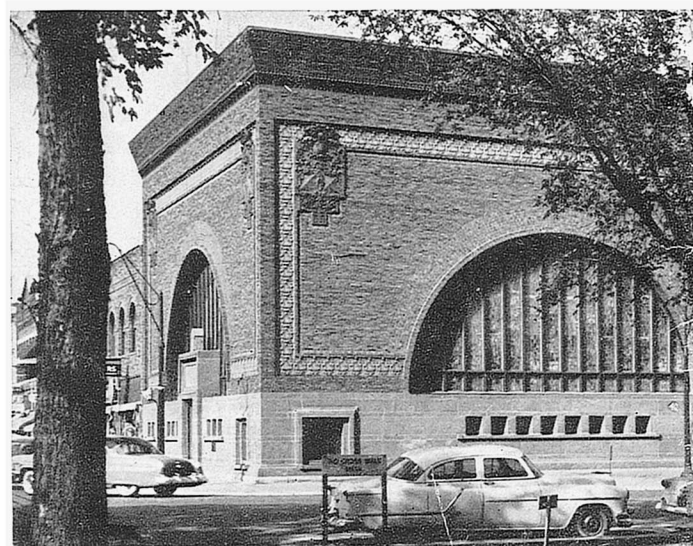
Тем не менее он не был убежден в том, что украшения так уж необходимы. Сулливан чувствовал, что вместо ненужного и, тем более, безвкусного разукрашивания зданий лучше обойтись совсем без украшений. Он считал, что орнамент оправдан только тогда, когда является органической частью здания, а не кажется «прилепленным» к нему.

Отталкивание Сулливана от характерного для конца XIX века злоупотребления украшениями приняло крайние формы у архитекторов XX столетия. «Новейшая» архитектура породила тип безликого здания с совершенно гладкими линиями из стали и камня. И только в последнее время архитекторы как будто начали понимать, что простота нередко доводится ими до абсурда. Это сознание заставило их вновь обратиться к Сулливану и снова вдуматься в его идеи об архитектурных украшениях.

В 1893 году на Всемирной выставке в Чикаго по проекту Сулливана был построен Павильон путей сообщения. Его самобытность привлекла всеобщее внимание. Громадный вход с позолоченным сводом и яркие цвета отделки выгодно отличали этот павильон от других сооружений выставки, выдержанных в стиле классицизма или Ренессанса. Павильон получил три золотых медали от Французского Центрального союза декоративных искусств (Union Centrale des Arts Décoratifs) и был единственным зданием выставки, заслужившим признание иностранцев. Многие зарубежные архитекторы и конструкторы заказали металлические отливки декоративных работ Сулливана и разослали их по музеям всей Европы.

Между 1880 и 1895 годами по проектам Сулливана, главным образом в Чикаго и на Среднем Западе, строится свыше ста зданий — жилых домов, небоскребов, банков, магазинов, церквей, гостиниц, театров и клубов. Слава архитектора и его творчество достигают в это время зенита. Сулливан женится, много путешествует по Америке, обзаводится домом в Билоси-Бэй (штат Миссисипи). Но успех длится недолго. Райт оставляет архитектурное бюро Сулливана, чтобы работать на свой риск и страх. В 1895 году уходит Адлер и также открывает собственное дело. Связь с двумя этими людьми, так много значившая для Сулливана, порвалась.

Но была и другая причина, мешавшая его успеху: то

влияние, которое оказала Всемирная выставка в Чикаго на американскую архитектуру. После этой выставки с ее неоклассическими павильонами этот стиль начал приобретать все большую и большую популярность в Америке; интерес к оригинальной отечественной архитектуре упал. Сулливан упорно отказывался идти на компромисс. Он продолжал строить — магазины, памятники, а затем целую серию небольших городских банков — в своем духе. Эта настойчивость привела, однако, только к тому, что ему стало все труднее и труднее получать заказы. Сказывалось и отсутствие практичного, одаренного большим тактом Адлера, бывшего незаменимым противовесом вспыльчивому Сулливану.

Обескураженный, иногда даже озлобленный, но не теряющий ни на минуту веры в конечную победу своих принципов, Сулливан берется за перо, чтобы изложить свои идеи, впоследствии ставшие источником вдохновения для нового поколения зодчих. Его книга «Автобиография одной идеи» — это изложенный в третьем лице рассказ о жизни автора и о том, как формировались его взгляды. В другой книге — «Беседы об архитектуре в детском саду» — он излагает свои взгляды от лица учителя, беседующего с учеником. В этой работе Сулливан выражает уверенность в том, что рано или поздно люди почувствуют нужду в хорошей архитектуре и научатся ценить ее.

Уверенность Сулливана в значительной мере оправдалась. Так называемая «Чикагская школа» архитектуры, возглавляемая Сулливаном, оказала глубокое влияние на характер городского строительства не только в Америке, но и в других частях света. Американцы начали понимать, что в поисках новых форм они могут использовать собственное архитектурное наследство. Они все более прислушиваются к голосу тех зодчих, которые ищут новых, оригинальных путей для отражения в архитектуре потребностей и устремлений человека.

Наиболее одаренные архитекторы в Америке и за ее пределами многим обязаны Сулливану. Сегодня его мысли живут в зданиях, созданных людьми, которые никогда не слышали его имени, но, тем не менее, ощутили на себе мощь его духа. Сулливан не был основоположником какого-либо особого стиля, но он пытался заложить основы философии архитектуры.

Вот почему, когда мы думаем о Луисе Сулливане, мы прежде всего думаем о его воззрениях, которые составляли сущность его жизни, были тем воздухом, которым он дышал. Американский писатель и критик Льюис Мумфорд как-то сказал о Сулливане: «Я благоговею перед этим

человеком, потому что даже его враги не могут не питать уважения к его удивительному прямодушию и к той страстности, с которой он отстаивал свои взгляды на жизнь и искусство».

В чем же состоял тот символ веры, благодаря которому архитектура стала для Луиса Сулливана смыслом всей его жизни?

Прежде всего, архитектура была для него отражением духа народа. «Ничто не отражает более ясно состояние народа и его стремлений, чем характер его построек», — писал он. — Они излучают дух народа; они облачают в зримые формы самую его сущность. Они как раскрытая книга».

И дальше: «Каковы вы сами, таковы ваши постройки, и, наоборот, каковы постройки — таковы вы сами. Вы и ваша архитектура — одно и то же. Одно служит верным портретом другого. Изучать одно — значит изучать другое. Познавать одно — значит познавать другое».

Архитектура — это органическая часть истории цивилизации, одна из форм связи между людьми, которая, подобно музыке и живописи не прибегая к слову, стремится выразить «громадную область, лежащую непосредственно за тем, что может быть выражено словами».

Создающий здания архитектор — продукт общества, но на него возложены обязанности, которые он должен выполнять. Он должен творить в духе, отвечающем реальным нуждам своего народа.

Говоря о довольно уродливом здании, сооруженном одним известным архитектором того времени, Сулливан спрашивает: «По какому праву этот хулиган и хвастун воздвигает постройку, которая веками будет стоять памятником грешных страстей нашей эпохи?» И тут же отвечает: «Архитектор, не сознающий своего долга перед обществом, не учитывающий справедливых требований потомков, — не архитектор, в моем понимании слова, а преступник».

Но у архитектора есть обязательства и перед самим собой. Он должен творить в глубоком согласии со своим воображением, должен быть поэтом, оружием которого является не слово, а сталь, дерево и камень. Подлинный архитектор обладает, «во-первых, художественным воображением; во-вторых, открытой и отзывчивой душой, здравым смыслом и строго дисциплинированным разумом; в-третьих, он в совершенстве владеет техникой своего дела и, в-четвертых, наделен богатым и изящным даром выражать свои идеи».

Но Сулливан знал, что хорошая архитектура и талантливые архитекторы не могут внезапно появиться там, где

недостаточно развита общая культура. Его философия охватывает не только избранную им сферу искусства, но и целую область цивилизации. Он ищет ключ к пониманию общества в целом для того, чтобы точнее определить место в нем архитектуры.

Сулливану рисовалось общество — демократическое общество, где люди — и как индивидуумы, и как члены взаимосвязанных групп — могут полностью использовать свои возможности. Он верил в то, что человек, как личность, осознает все величие своих сил и будет пытаться свободно применить их. «Никогда не сомневайтесь в мощи вашего разума», — говорил он. — Это ваша внутренняя сила; она ждет, чтобы вы познали ее и применили на деле».

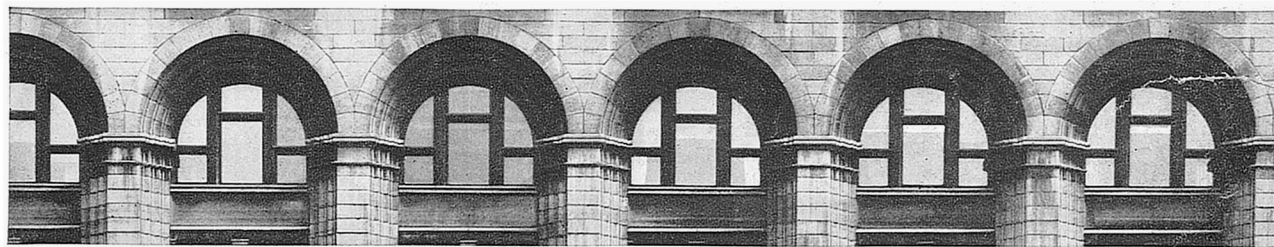
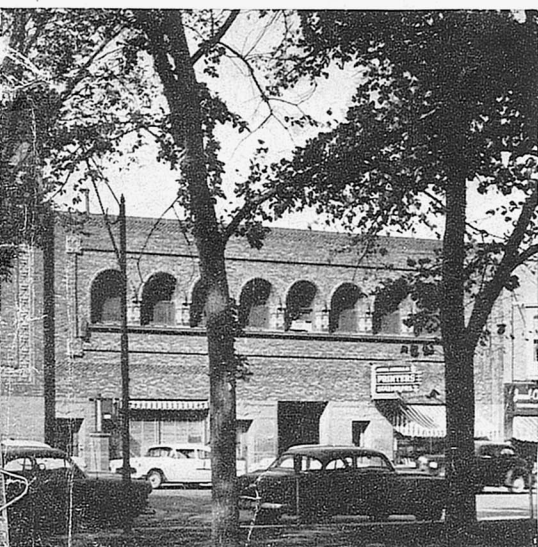
Но Сулливан думал не только об отдельной личности. Он думал и об обществе в целом — обществе, которое, обогащая личность, в свою очередь обогащается ею.

«Демократия может заблуждаться, если заблуждается личность. Но если рост и развитие личности идет по верному пути, от этого выигрывает демократия, которая тоже растет и процветает. Демократия — прежде всего личность. Это не просто политическая структура или форма правления; последняя — лишь одна из фаз демократии — и притом фаза переходящая. Демократия — это моральный принцип, духовный закон, неувядающая реальность в царстве человеческого духа. Это возвышающая сила, глубоко уходящая корнями в те изначальные силы, которые подняли человека из праха земли и медленно, век за веком, возвышали до его нынешнего нравственного уровня. Демократия — это могущественный стимул, медленно, но неуклонно поднимающий человека в духовном отношении и помогающий ему осознать себя и свои силы. Как некогда, под воздействием каких-то тайных сил, человек тысячами лет учился прямо стоять на ногах в физическом смысле, так и теперь другая сила побуждает его неустанно стремиться встать на ноги в моральном смысле, и эту силу мы именуем демократией».

Сулливан верил, что в будущем обществе зародится плодотворная, здоровая архитектура, поэтическая по своим побуждениям и реалистическая по своей близости к нуждам людей. Именно к такому обществу он и стремился, и к концу жизни пришел к убеждению, что рано или поздно оно станет реальностью.

Как-то раз Сулливан сказал: «Многие, я знаю, избегают глядеть правде в лицо, и не потому, что это правда, а потому, что они боятся, как бы правда не оказалась им не под силу».

Сулливан правды не боялся.

Аудиториум в Чикаго отличается тщательной архитектурной отделкой внутри и снаружи. Сулливан создал тонкий узор из света и тени при помощи ряда арок с переплетами застекленных окон.

В НЕБОСКРЕБАХ НАШИХ ДНЕЙ ОТРАЖАЮТСЯ АРХИТЕКТУРНЫЕ ИДЕИ СУЛЛИВАНА

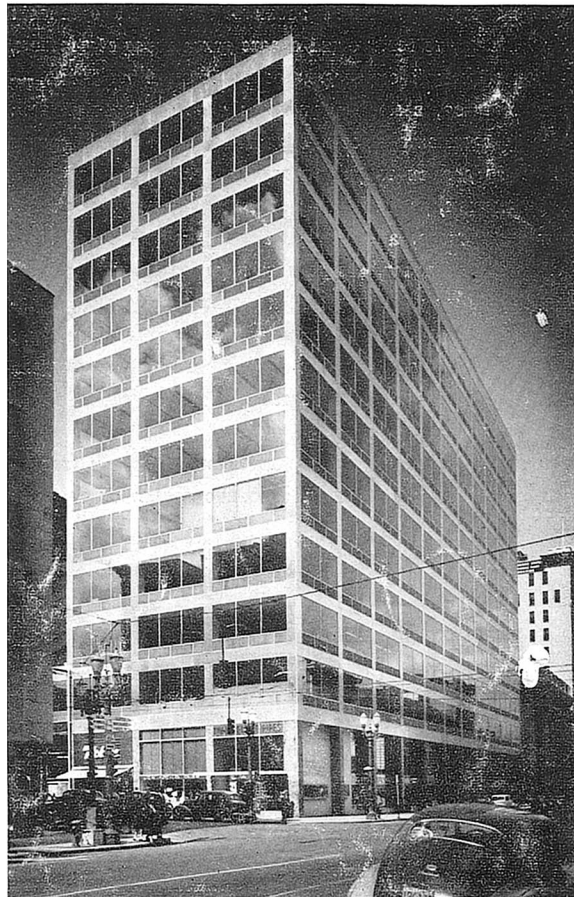
Сулливан не боялся творческих исканий и стремился выразить в своем зодчестве то, во что верил; поэтому его архитектурные идеи продолжают жить и поныне. Во время выставки, устроенной в его честь Чикагским художественным институтом в 1957 году, собравшиеся архитекторы проанализировали влияние работ Сулливана на современную архитектуру и нашли, что идеи его отразились в зданиях даже таких отдаленных городов, как Гамбург, Марсель и Милан.

Архитекторы и студенты архитектурных институтов и факультетов съехались в Чикаго со всех концов мира, чтобы изучить подлинные творения Сулливана, посмотреть на его величественный сводчатый портал театральной сцены в здании Аудиториума, исследовать и ощутить созданные им архитектурные орнаменты. Технологический институт штата Иллинойс составил для учебных целей полный фотографический каталог всех зданий, построенных Сулливаном. Когда какое-нибудь из таких зданий нуждается в ремонте или переделке, музеи и отдельные любители стре-

мятся получить куски различных архитектурных деталей.

Еще важнее то, что идеи Сулливана пустили глубокие корни. Люди начинают разделять его убеждения в том, что постройки должны быть связаны с характером страны, в которой они созданы, отражать в себе эпоху и культуру, частью которой они являются. Возможно, что не только архитекторы, но и многие другие воспламенились тем огнем, который горит в словах Сулливана:

*«Я иду вперед, и перед моим духовным взором
расстилается чарующий ландшафт будущего,
слитый в одно целое с архитектурой
мира и покоя, разума и здравого смысла,
архитектурой, такой естественной
и законченной в своих формах,
что она кажется созданной самой Природой;
ибо тогда архитектура станет возникать
из ума, сердца и души человека
и будет казаться сотворенной Господом Богом,
потому что в ней будет трепетать живая жизнь;
и все-таки она останется созданием Человека,
ибо сам человек станет тогда Человеком».*

Создавая из стали и стекла здание универсального магазина («Карсон-Пир-Скотт», слева), Сулливан порвал с господствовавшей традицией и широко открыл доступ воздуху и свету внутри постройки. Он не пытался скрыть металлический скелет здания или использованные материалы. Напротив, он считал, что в них есть своя красота, которую должны выявить архитектурные формы. В свое время здание это было смелым новшеством, но оно и сейчас продолжает оказывать влияние на современную архитектуру. Обратите внимание на сходство здания «Эквитабл» (Портленд, Орегон; справа), построенного архитектором Пьетро Беллуски в 1948 году, со зданием Сулливана, построенным в 1899 году.

Сулливановское здание («Гаранти», фало, штат Нью-Йорк, 1895 г., внизу служило прообразом для архитектора Франка Ллойда Райта («Прайс-та Оклахома, 1955 г., вверху) и Миеса ван Роэ (многоквартирный дом, 1951 г., спр

